КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 1 (36) / 2024

ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online)

Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное
научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная
научная библиотека»

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хабаровский государственный
институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 1 (36) / 2024

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
Воронов Борис Александрович
(Институт водных и экологических проблем ДВО РАН, г. Хабаровск)

Березницкий Сергей Васильевич
(Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург)

Букреев Александр Иванович
(Информационный историко-научный центр — Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооружённых Сил РФ,
г. Санкт-Петербург)

Флиер Андрей Яковлевич
(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
г. Москва)

Бавыкин Виктор Станиславович
(Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре)

Чебанюк Татьяна Алексеевна
(Комсомольский-на-Амуре государственный университет)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
Главный редактор
Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора
Бляхер Леонид Ефимович
Савелова Евгения Валерьевна
Филаткина Ирина Викторовна
Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений
Байков Николай Михайлович
Готнога Александр Васильевич
Ярулин Илдус Файзрахманович
(Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович
Качанова Елена Юрьевна
(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович
Дубинина Нина Ивановна
(Историописание. Наследие)

Крюков Иван Владимирович
Панченко Анатолий Михайлович
Салеева Лариса Владимировна
(Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич
Одзял Любовь Александровна
(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна
Никитин Алексей Алексеевич
Шавгарова Анна Владимировна
(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна
(Библиография)

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-80737 от 21.04.2021.
ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online), www.kulturanaukadv.ru

Издатель — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека»
Адрес издателя:
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел. (4212) 32-72-20

© Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

СОДЕРЖАНИЕ:

▶ К 140-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ

Общество изучения Амурского края — 140 лет тому назад.....4
Хисамутдинов Амир Александрович

С автографом Фёдора Фёдоровича Буссе.... 8
Радишаускайте Наталья Витаутовна

▶ИСТОРИОПИСАНИЕ

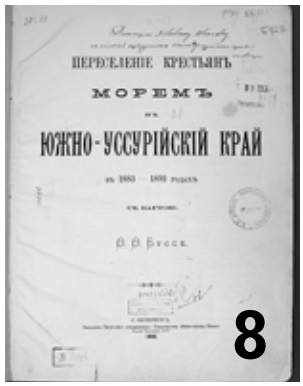
День Победы — всенародный праздник...13
Салеева Лариса Владимировна

Имена на обелиске: к 55-летию событий на острове Даманском 18
Кондратенко Алексей Иванович

Смотря в будущее — вспоминаем прошлое (из истории ХИИК СибГУТИ).....24
Бойко Маргарита Анатольевна, Данилов Роман Михайлович, Столяр Денис Геннадьевич, Шульженко Николай Владимирович

«Выхожу один я на дорогу...»: судьба русского интеллигента-провинциала П. И. Кречетова 30
Ковальчук Михаил Александрович

За годы управления переселенческим делом в Приморье Фёдор Фёдорович собрал большое количество статистических данных по «движению числа переселенцев и развитию их хозяйства». Он посчитал необходимым обработать и проанализировать накопленные материалы и опубликовать их, чтобы помочь усовершенствовать столь важное дело.



Попытка захватить остров не удалась. Пограничники его отстояли. В тех боях в марте 1969-го погибли двое орловских уроженцев — Алексей Сырцев и Станислав Юрин...

Суть трагедии П. И. Кречетова заключается в противоречии, которое преследовало русских интеллигентов на рубеже столетий, между предельной честностью и порядочностью, великими помыслами и благими пожеланиями и конкретными действиями, всё дальше и дальше уводящими их от положительных целей и, главное, результатов.

▶ТОЧКА ЗРЕНИЯ
Классическая, неклассическая и постнеклассическая культуры: опыт новой типологии.....46
Флиер Андрей Яковлевич

▶ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЭТНОСОВ
Экспедиция художника-графика Евгении Эвенбах в Хабаровский край в 1934 году: из истории создания учебной литературы на нанайском языке 52
Хартанович Маргарита Фёдоровна, Хартанович Мария Валерьевна

Отражение мифологического сознания нивхов в сказке «Храбрый Азмун» (на материале сборника амурских сказок Д. Д. Нагишкина).....62
Горелова Ольга Владимировна, Науменко Артур Эдуардович

Энтомологическая лексика в Приамурье (на материале «Словаря русских говоров Приамурья»).....66
Приходько Виктория Константиновна

Влияние исторических и культурных факторов на развитие скульптуры Японии и России 71
Гончарова Наталья Владимировна, Носова Ангелина Витальевна

▶КАФЕДРА
Музейная кухня. «Рецепты» от экспертов 78
Белкина Марина Владимировна

▶ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА
Владимир Ильич Ленин в творчестве писателей Дальнего Востока (к 100-летию со дня смерти).....81
Зилова Клара Николаевна

Уссурийск — город художественных традиций и культурный центр 89
Гутарёва Юлия Ивановна

Врач как образ жизни (русские писатели о служении медицине).....99
Маркова Ольга Вячеславовна

В поэтической Лениниане в годы Великой Отечественной войны выразился патриотизм советских людей, для которых имя Ленина было символом победы над врагом. Это стихи С. Щипачёва, А. Суркова, Н. Тихонова, А. Твардовского, С. Маршака, А. Прокофьева, О. Берггольц.

У истоков художественной жизни Уссурийска стояли талантливые люди, выпускники Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге. Это были первые профессиональные художники, которые в начале XX века работали и преподавали в Уссурийске, организуя уроки рисования в учебных заведениях города.

Если посмотреть на современные постройки, то они совершенно разностилевые и зачастую не сочетаются с соседней архитектурой. Более ранние постройки, наоборот, имеют схожий стилистический облик и отсылают нас к псевдорусскому стилю за счёт использования резных элементов, хоть и в весьма ограниченном количестве. Анализ дачной застройки в окрестностях Хабаровска (1950-е – 1970-е гг.) выявил более раскрепощённую (относительно частного сектора) архитектуру. Преобладают террасы и балконы как атрибуты исторической дачной культуры. В дачной застройке присутствуют деревянные резные элементы, воспроизводящие паттерны подмосковной дачной архитектуры начала прошлого века.

Служить таланту! 108
Никитин Алексей Алексеевич

▶НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ
Уникальные природные объекты Хабаровского края.....115
Махинов Алексей Николаевич

Опыт студентов-магистрантов Тихоокеанского государственного университета по проведению конкурса «Поэты осени».....120
Бровко Юлия Викторовна, Устимчук Ольга Александровна

Современные тенденции формирования парков и садов как объектов туризма 125
Иванова Алина Павловна, Михайлова Арина Олеговна

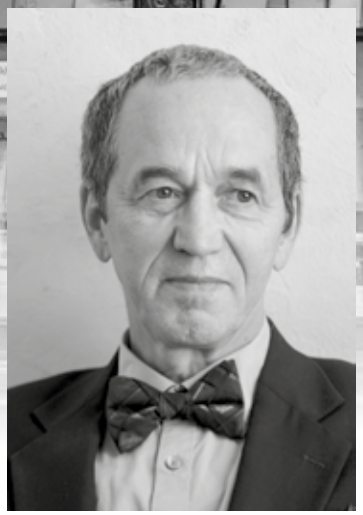
Тихоокеанский фасад России: ожидание и реальность 129
Иванова Алина Павловна, Парфута Эльвира Артуровна

Частный дом: история вопроса и дальневосточные перспективы 133
Иванова Алина Павловна, Конфедератова Элина Викторовна

▶АРТЕФАКТ
Вклад Н. И. Гродекова в формирование коллекций Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова.....137
Белых Анна Станиславовна

Подготовка к обороне Петропавловска-Камчатского в 1854 году: по документам из сборника «Переписка Главного управления Восточной Сибири с разными лицами с 1852 по 1872 гг.» 145
Воропаева Александра Валерьевна

Информация для авторов 151



ХИСАМУТДИНОВ АМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ — 140 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Статья посвящена созданию первой научно-просветительской организации — Общества изучения Амурского края (Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество») и его деятельности в первый год существования (1884–1885 гг.); отмечены деятели А. М. Устинов, Ф. Ф. Буссе, И. П. Надаров, В. П. Маргаритов и другие. В настоящее время ОИАК успешно ведёт свою деятельность во Владивостоке. Большой просветительской и научной работой занимается его бывший музей, ныне Музей истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева.

Ключевые слова: ОИАК, Общество изучения Амурского края, А. М. Устинов, Ф. Ф. Буссе, В. П. Маргаритов, краеведение.

Keywords: Society for the Study of Amur Krai, A. M. Ustinov, F. F. Busse, V. P. Margaritov, local history.

Мало кто обратил внимание на небольшую заметку, которая появилась 11 декабря 1883 года на странице газеты «Владивосток». Флотский механик Александр Михайлович Устинов предложил учредить в городе музей. «Множество даров природы, — писал моряк, — на нашей далекой окраине остаются и, вероятно, еще долго останутся нетронутыми и не разобранными. Происходит это от многих причин, в числе которых немалое значение имеет наше незнакомство со страною. Хотя несколько ученых и путешественников посещали наш край, но они были так непродолжительно в стране, что их исследования нельзя считать точными и полными. К тому же никакое описание не дает точного понятия о предмете, а их коллекции и собрания увезены в Петербург, где они хранятся в музеях, оставаясь совершенно неизвестными для местных жителей, которым они более всего интересны. <…> Но неужели в крае не найдется людей, изучавших его хотя бы отчасти, или из любознательности, или будучи поставлены обстоятельствами жизни в такие условия? Мы думаем, что такие люди найдутся» [1]. Так, волею судьбы Александр Михайлович Устинов стал инициатором создания первого на Дальнем Востоке российского музея.

В городе о заметке заговорили. Общественная активность горожан, особенно образованных, а их немало было во Владивостоке среди морских офицеров и чиновников, искала выхода и нашла его в предложении Устинова. Уже на следующий день после публикации статьи А. М. Устинова на квартире владивостокского прокурора Ивана Алексеевича Бушуева собрались несколько местных интеллигентов, чтобы обсудить предложение и обдумать пути его реализации. Действительно, нужно создать музей и сделать его культурным центром города. Споров и обсуждений вокруг будущего музея было много. Встреча за встречей позволили выявить два мнения: одни предлагали, как это было и в других сибирских городах, ограничиться открытием краеведческого музея, другие же, и их было большинство, настаивали на основании не просто музея, а научно-просветительского общества с широким кругом деятельности, которое могло бы осуществлять комплексные экспедиции по исследованию Дальнего Востока.

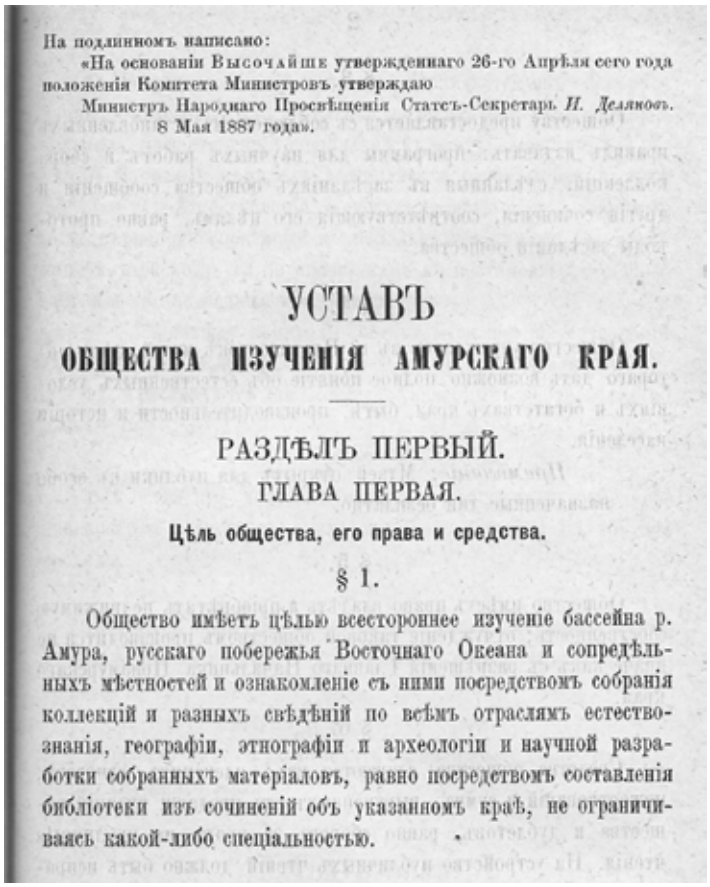
В число организаторов нового общества, помимо И. А. Бушуева и Ф. Ф. Буссе, вошли А. М. Устинов, В. П. Маргаритов, В. Н. Павлов, В. В. Максимов, К. М. Токаревский, П. И. Гомзяков, Я. Я. Мультановский, И. И. Манцевич, М. Г. Роттергольм и Н. В. Соллогуб. Позднее, по инициативе генерал-губернатора Приамурского края С. М. Духовского, их имена были выгравированы на металлической доске, изготовленной в Санкт-Петербурге, и помещены на стену музея в память о его основателях, но в первые годы советской власти эта памятная доска была отправлена на металлолом.

3 января 1884 года в помещении Владивостокской прогимназии состоялось учредительное собрание. Уже после первых выступлений разгорелся спор о названии будущего общества. Часть учредителей предлагала открыть Амурский отдел Императорского Русского географического общества. Им возражали: «Сумеем ли мы удовлетворить требованиям такого авторитетного общества, как Географическое?» «Затеяли мы здесь музей, — писал Ф. Ф. Буссе К. С. Старицкому, — который должен характеризовать край по всем отраслям. Дело взял в руки член суда Бушуев и пригласил несколько человек для предварительного обсуждения, в том числе и меня. Я разошелся во мнении с большинством в самом главном вопросе, а именно: я требовал ограничить число учредителей самым малым кружком и выступить публично только тогда, когда будет выяснена возможность создания музея, когда выработано ядро будущего учреждения, ядро людей, от которых можно требовать работы, затем несколько увеличить число примыкающих, которые волей-неволей должны подчиниться духу ядра, выступить же перед публикой, только когда мы можем указать на список лиц в городе и в стране, готовых работать, только тогда мы можем пригласить публику жертвовать предметы и деньги»[1].

Голосование окончательно подвело итог дискуссиям. 18 марта 1884 года было решено учредить во Владивостоке Общество изучения Амурского края. О задачах общества говорила первая статья его устава: «Общество имеет целью всестороннее изучение р. Амура, русского побережья Восточного океана и сопредельных местностей и ознакомление с ним посредством собрания коллекций и разных сведений по всем отраслям естествознания, географии, этнографии и археологии и научной разработки собранных материалов, равно посредством составления библиотеки из сочинений об указанном крае, не ограничиваясь какой-либо специальностью» [2, с. 1]. Устав окон-

В. П. Маргаритов стал первым директором музея, библиотеки и архива

1 Архив Общества изучения Амурского края (АОИАК). Ф. 13. Оп. 8. Д. 2. Л. 49 (об.) – 50.



На подлинномъ написано:
«На основаніи Высочайше утвержденнаго 26-го Апрѣля сего года положенія Комитета Министровъ утверждаю
Министръ Народнаго Просвѣщенія Статсъ-Секретарь *И. Деляновъ*.
8 Мая 1887 года».

УСТАВЪ
ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНІЯ АМУРСКАГО КРАЯ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.
ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Цѣль общества, его права и средства.
§ 1.

Общество имѣетъ цѣлью всестороннее изученіе бассейна р. Амура, русскаго побережья Восточнаго Океана и сопредѣльныхъ мѣстностей и ознакомленіе съ ними посредствомъ собранія коллекцій и разныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ естествознанія, географіи, этнографіи и археологіи и научной разработки собранныхъ матеріаловъ, равно посредствомъ составленія библіотеки изъ сочиненій объ указанномъ краѣ, не ограничиваясь какой-либо спеціальностью.

Первая страница устава ОИАК

чательно утвердили на общем собрании, а в начале апреля за подписью 45 учредителей его представили на утверждение военному губернатору Владивостока. 18 апреля 1884 года контр-адмирал А. Ф. Фельдгаузен согласовал устав, сделав этот день датой рождения Общества изучения Амурского края. 24 апреля состоялось общее собрание. В тот же день избрали распорядительный комитет, председателем которого стал Ф. Ф. Буссе, секретарём — И. А. Бушуев, а членами — князь Л. А. Кропоткин, И. И. Манцевич, В. П. Маргаритов, Л. Ф. Гриневецкий, А. М. Устинов и известный предприниматель М. Г. Шевелев. В. П. Маргаритов стал и первым директором музея, библиотеки и архива, а А. М. Устинов — казначеем общества. За отсутствием собственного помещения первое научное учреждение русского Дальнего Востока разместилось в здании прогимназии, где ему была выделена комната. Так и начались разнообразнейшие по широте и исключительно важные по значению научные исследования и практические разработки в Приморском крае, зародилось дальневосточное краеведение.

Вернёмся к первым дням деятельности ОИАК. Распорядительный комитет решил как можно шире оповещать жителей края о своих делах, пользуясь предложением редактора газеты «Владивосток» Н. В. Соллогуба на её страницах рассказывать обо всём, что происходит в новом обществе. Сразу же были отправлены информационные письма во

Здание Общества изучения Амурского края. Конец XIX века

многие научные и общественные организации России о создании общества, о его целях и задачах. Можно только удивляться тому, как быстро члены комитета смогли решить организационные дела, ведь все они, помимо общественной работы, занимали ответственные посты и должности.

Девизом подавляющего числа членов общества, а среди них было немало крупных предпринимателей, известных исследователей, был бескорыстный труд. В 1884 году землевладелец М. И. Янковский подарил музею собранную им коллекцию бабочек и других насекомых, насчитывающую около тысячи экземпляров. Он стал и первооткрывателем знаменитых раковинных куч. Его сосед по Сидеми, предприниматель Ю. И. Бринер, на свои деньги отправил В. П. Маргаритова заняться ими. Так летом 1884 года была совершена первая археологическая экспедиция.

Большим энтузиастом Общества изучения Амурского края стал подполковник генерального штаба Иван Павлович Надаров. По своим научным интересам он очень походил на Н. М. Пржевальского. Как и его знаменитый коллега, Надаров попутно с военными делами интересовался жизнью коренных народностей. Этой теме офицер посвятил несколько интересных докладов, прочитанных перед членами общества на регулярных встречах.

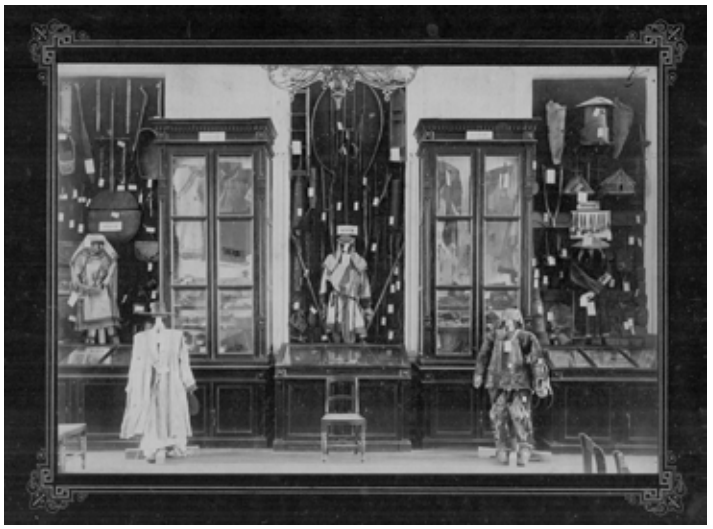
Вскоре в обществе стали накапливаться научные коллекции, пополнялась библиотека. Первые 63 книги были получены в дар от членов нового общества, и в дальнейшем эта добрая традиция сохранилась. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин не остался в стороне от интересного начинания и отправил Обществу изучения Амурского края 500 рублей. Подаренные им «Сборники официальных документов по управлению Восточной Сибирью» стали первыми книгами библиотеки общества. Важным было и создание в 1884 году архива.

Тоненький ручеёк познания края стал постепенно расширяться и в 1885 году уже не мог остаться незамеченным большинством образованных горожан. Члены ОИАК считали

своей задачей не только совершать экспедиции, но и делать доклады о проведённых исследованиях перед широкой публикой. Всего за год было прочитано четыре основных доклада. 4 апреля, например, В. П. Маргаритов доложил о результатах работ, произведённых на полуострове Янковского. 20 ноября того же года купец Яков Лазаревич Семёнов прочёл интересный доклад о промысле морской капусты на острове Сахалин. Я. Л. Семёнов считается по праву первым гражданским жителем Владивостока, где установлен ему памятник. 17 октября 1885 года И. П. Надаров выступил с докладом о своих поездках 1882–1883 годов. Через три недели он предложил слушателям сразу же три сообщения: о 25-летии Владивостока, о производстве китайской водки ханшин и об инородческом населении Приморья. Юбилеи города ещё не входили в моду, но сведения Надарова помогли последующим историкам и краеведам составлять историю столицы Приморья. Поэтому Иван Надаров по праву считается первым летописцем Владивостока. Заслужил большого внимания и доклад о китайской водке. Все эти доклады были с восторгом приняты слушателями, причём сообщение Я. Л. Семёнова сразу же было отпечатано в виде небольшой брошюры, а к докладу В. П. Маргаритова выгравировали карты. Вначале сообщения Надарова появились на страницах газеты «Владивосток», а затем вышли отдельной книжкой. Кстати, редактор газеты Николай Варламович Соллогуб не взял за их издание ни копейки, а только попросил оплатить расходные материалы.

Музей, которым продолжал заведовать Василий Петрович Маргаритов, постепенно пополнялся экспонатами, и вскоре витрина и комод, выполненные на заказ, перестали вмещать все коллекции. Не выручили и два дополнительно изготовленных переносных шкафа. В одном из них находились инородческие костюмы, в другом — археологические коллекции. Поэтому крупные экспонаты пришлось подвесить к потолку и разместить по стенам на такой высоте, чтобы до них не могли дотянуться любопытные ученики прогимназии.

Наличие свободного места было самым больным вопросом для Маргаритова. А люди несли и несли в дар бесценные экспонаты. Во время плавания в Беринговом море шкипер шхуны «Сибирь» Фридольф Гек в свободное время собрал прекрасную коллекцию бытовых предметов



Музей ОИАК. Начало XX века

Современное здание ОИАК по адресу: Владивосток, улица Петра Великого, 4

чукчей, коряков и эскимосов. Всего он передал музею 224 экземпляра. И. П. Надаров во время рекогносцировочных путешествий по реке Уссури собрал 88 предметов обихода орочей. Хорошую коллекцию морских губок и предметов культа айнов привёз с Сахалина купец Я. Л. Семёнов. Моряки клипера «Крейсер» привезли из плавания зоологическую коллекцию, а офицеры клипера «Джигит» передали пять предметов из быта орочей.

Так успешно прошёл первый год существования Общества изучения Амурского края.

Список использованных источников

1. *У-в. О необходимости музея во Владивостоке // Владивосток. — 1883. — 11 дек.*

2. *Устав Общества изучения Амурского края. — Владивосток : Тип. Н. В. Морозова, 1897. — 12 с.*

Фотографии предоставлены автором.

Автор благодарит Общество изучения Амурского края за предоставленные материалы.

Материал поступил в редакцию 14.12.2023.

Сведения об авторе: Хисамутдинов Амир Александрович, заведующий сектором изучения книжной культуры Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток).

Контактные данные: e-mail: khisamut@yahoo.com; тел. (4232) 71-01-59.

РАДИШАУСКАЙТЕ НАТАЛЬЯ ВИТАУТОВНА

С АВТОГРАФОМ ФЁДОРА ФЁДОРОВИЧА БУССЕ

В 2023 году исполнилось 185 лет со дня рождения дальневосточного деятеля, одного из создателей Общества изучения Амурского края, археолога-любителя Фёдора Фёдоровича Буссе. В редком фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки хранится его сочинение «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край» с дарственной надписью автора горному инженеру Дмитрию Львовичу Иванову. В статье рассказывается об истории издания и экземпляра, а также о взаимоотношениях дарителя и адресата.

Ключевые слова: Фёдор Фёдорович Буссе, Дмитрий Львович Иванов, Общество изучения Амурского края, Дальний Восток России, автографы, дарственные надписи.

Keywords: Fedor Fedorovich Busse, Dmitry Lvovich Ivanov, Society for the Study of Amur Krai, Russian Far East, autographs, gift inscriptions.

Дмитрию Львовичу Иванову, на память сердцу милого Южно-Уссурийского края от автора. Такая надпись стоит на книге Фёдора Фёдоровича Буссе «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край». Сегодня это издание хранится в редком фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ). Это единственный автограф известного дальневосточного деятеля в её собрании.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

МОРЕМЪ

ВЪ

ЮЖНО-УССУРІЙСКІЙ КРАЙ

ВЪ 1883 — 1893 ГОДАХЪ

СЪ КАРТОЮ.

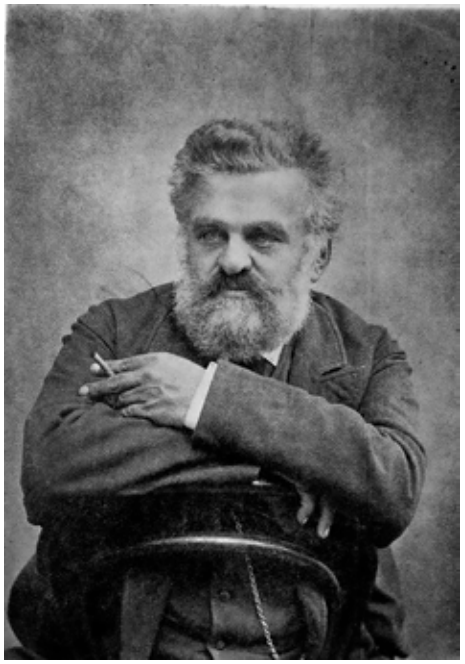
Ѳ. Ѳ. БУССЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1896.

Титульный лист экземпляра «Переселения» Ф. Ф. Буссе с дарственной надписью автора Д. Л. Иванову

Ф. Ф. Буссе прожил в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в общей сложности 28 лет. Впервые приехав в Иркутск в 1862 году, окончательно он покинул полюбившиеся ему края в 1894-м. За этот период благодаря своей энергичной натуре, неутолимому интересу к малоизученному и малозаселённому региону Фёдор Буссе многое сделал для его изучения и развития. С 1882 по 1893 год он заведовал Южно-Уссурийским переселенческим управлением, в чьи задачи входило «устройство переселенцев на местах их водворения» [15, с. 172]: приобретение и выдача прибывшим семьям продовольствия, семян, скота, сельскохозяйственных орудий, отвод земли, заготовка и выдача строительных материалов, первоначальное обеспечение быта. Вся огромная организационная и исполнительская работа учреждённого в 1882 году управления была возложена всего на трёх человек: заведующего переселением, бухгалтера и секретаря [11, с. 120]. Как отмечал агроном Н. А. Крюков, «двигать массы людей, в количестве одновременно нескольких тысяч душ, снабдить их так, чтобы все остались довольны, да при том исполнить это в ограниченный срок и в пустынном крае, без всяких местных ресурсов, задача очень трудная и требующая чрезвычайного напряжения» [11, с. 123]. Однако, по его мнению, «Буссе сумел выйти победителем из затруднительных обстоятельств и добиться… значительных успехов» [11, с. 123].



Фёдор Фёдорович Буссе (1838–1896 гг.)

За годы управления переселенческим делом в Приморье Фёдор Фёдорович собрал большое количество статистических данных по «движению числа переселенцев и развитию их хозяйства» [7, с. III]. Он посчитал необходимым обработать и проанализировать накопленные материалы и опубликовать их, чтобы помочь усовершенствовать столь важное дело. Приморский историк А. А. Хисамутдинов в одной из своих работ приводит выдержку, вероятно, из какого-то письма Ф. Ф. Буссе, где тот объясняет мотивы, побудившие его написать и издать «Переселение…»: «Сознавая необходимость сохранить свой опыт для будущих деятелей, я дал себе слово закончить свою общественную деятельность разработкой материалов, накопившихся у меня во время служения делу переселения, и я уже с 1890 года начал подготавливать и исподволь обрабатывать имеющиеся данные. Кроме того, эта работа составляет главную причину, почему я не оставил края по получению отставки… здесь я могу обильнее черпать недостающий материал из документов и жизни» [цит. по: 17, с. 119]. По-видимому, к середине 1894 года Фёдор Фёдорович завершил работу над той частью текста, которая требовала его присутствия на Дальнем Востоке, — в сентябре 1894 года он уехал в Петербург. А в мае 1896-го всё там же, в Петербурге, готовая книга вышла из печати.

Труд Ф. Буссе делится на две примерно равные части: описательную и статистическую. В первую вошли краткая характеристика природы Южно-Уссурийского края, исто-

рические очерки о заселении региона до 1882 года и о разработке законодательства по переселению крестьян морским путём за государственный счёт, а также описание хода переселения в 1882–1892 годы и различных мер по устройству новосёлов на месте. Вторая же часть включает свод и анализ статистических данных по приехавшим в край крестьянам и изменению их благосостояния со времени отъезда из родных мест до 1892 года. Приводя накопленные за годы работы цифры, сравнивая данные между собой и с показателями для других регионов страны и для Европы, Ф. Ф. Буссе делает выводы «о росте населения и его хозяйства» [7, с. III] и оценивает эффективность различных организационных решений и мер поддержки новосёлов.

«Неожиданно напечатав», по выражению самого Буссе, книгу [цит. по: 17, с. 118], он, как тогда было принято, разослал её в разные учреждения и своим знакомым. Несколько экземпляров, например, отправились во Владивосток: два — в библиотеку Общества изучения Амурского края[1], один — доброму другу, лесничему Николаю Александровичу Пальчевскому [11, с. 118]. А ещё один получил единомышленник по увлечению дальневосточной археологией Дмитрий Львович Иванов.

Археологией и древней историей Дальнего Востока Ф. Ф. Буссе заинтересовался ещё во время первого своего знакомства с краем в 1866 году: в служебных поездках он то и дело встречал «разнородные остатки древности» [6, с. 1], которые привлекали его внимание как памятники местной истории. И позднее, приехав в Приморье уже в качестве заведующего переселением, Фёдор Фёдорович сполна отдался своему увлечению. Выполнение служебных обязанностей он успешно сочетал с «поиском, изучением и охраной памятников прошлого» [4, с. 23].

Нужно сказать, что интерес к археологии в русском обществе нарастал на протяжении всего XIX столетия. С середины века любительское собирание древностей стало обретать в России черты подлинной науки. В 1880-х годах во многих губерниях появились учёные общества, целью которых ставились «сохранение и изучение местных архивов и вообще местных древностей. Вокруг них группировались любители и ревнители местной старины: студенты, учителя, врачи, земские деятели, учащиеся и даже крестьяне» [1, с. 96].

Дальний Восток в этом отношении не стал исключением. В 1883–1884 годах во Владивостоке при непосредственном и активном участии Ф. Ф. Буссе было создано Общество изучения Амурского края (ОИАК). Его целью по уставу являлось изучение российского Дальнего Востока и сопредельных территорий, в том числе и с помощью археологии [16, с. 1]. Фёдор Фёдорович стал одним из его первых членов и первым председателем. Как отмечал другой член общества А. Д. Рончевский, именно археологическими изысканиями в Южно-Уссурийском крае ознаменовалась деятельность Буссе как члена ОИАК [14, с. IX].

С 1883 по 1894 год Буссе шесть раз выезжал в археологические экспедиции по краю. Он занимался раскопками и исследовал «средневековые городища, неукреплённые поселения и могильники, а также памятники первобытной эпохи: раковинные кучи, пещеры» [4, с. 28]. В ОИАК у него было достаточно соратников на этом поприще: преподаватель мужской прогимназии В. П. Маргаритов, флотский механик А. М. Устинов, гидрограф К. С. Старицкий, лесничий Н. А. Пальчевский и другие [3, с. 19].

Дмитрий Львович Иванов (1846–1924 гг.)[3]

В 1888 году к этому кругу присоединился горный инженер Д. Л. Иванов. Он возглавлял организованную Горным департаментом Южно-Уссурийскую горную экспедицию. Основной её целью были поиск в крае «благонадёжных месторождений каменного угля» [8, с. 505] и изучение геологического строения местности. Однако, помимо этого, участники намеревались «собирать и другие материалы по географии страны[2] (метеорологические, ботанические, зоологические) в тех пределах, которые окажутся возможными без ущерба для главной… цели» [8, с. 506].

Дмитрий Львович напрямую не занимался археологическими изысканиями, но во время геологических поездок и осмотров он с коллегами тщательнейшим образом изучил до того практически нехоженые пространства Южно-Уссурийского края. Об условиях работы экспедиции он в отчётах писал, что «топографические съёмки во многих местах ещё ведутся ныне впервые, и много есть переходов, которые

1 Эти экземпляры и сегодня хранятся в библиотеке Общества изучения Амурского края [см.: 12, с. 119].

2 Имеется в виду Дальневосточный регион.

3 Источник: https://sammler.ru/index.php?/topic/173574-дсс-он-ли-прапорщик/.

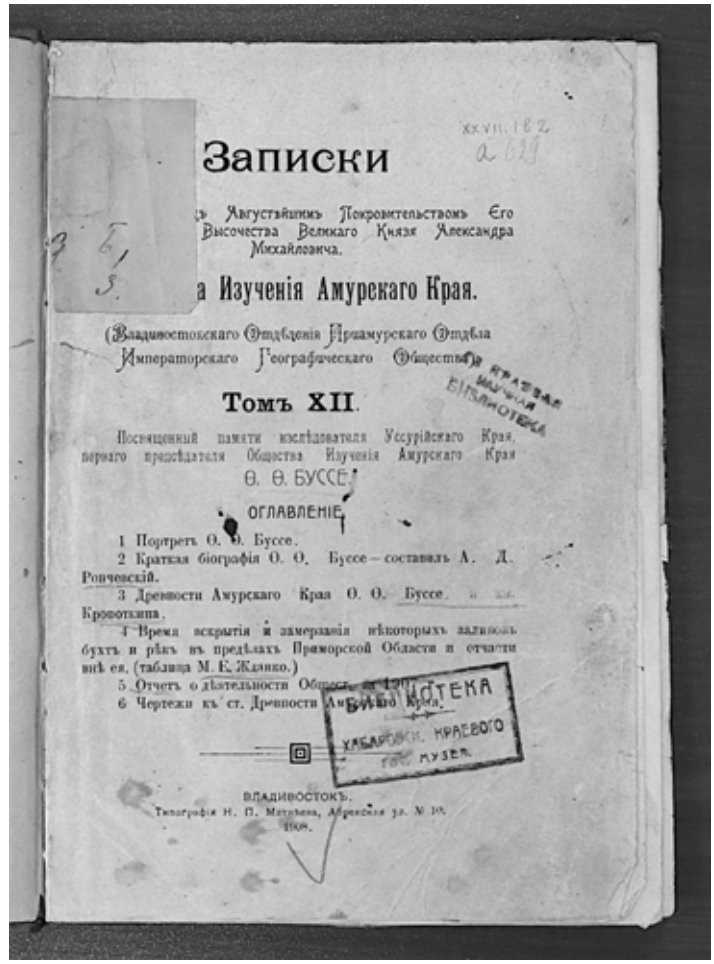
делаются лишь по указанию местных жителей-охотников» [10, с. 249, примеч.]. При этом «проводник, который взялся довести отряд до определённого места, в большинстве случаев не знает, что находится по бокам дороги» [10, с. 248–249]. Таким образом, подводил итог Д. Л. Иванов, «геологические поездки и осмотры превращаются в целые путешествия по тайгам и трущобам, о которых нет никаких предварительных сведений» [10, с. 249].

Неудивительно, что при столь слабой изученности местности исследователей ждали не только геологические и связанные с ними палеонтологические открытия. Во время своих походов они делали и археологические находки.

Так, в октябре 1891 года Дмитрий Львович обнаружил, описал и нанёс на карту «остатки древних укреплений» на одном из южных отрогов Сихотэ-Алиня [2, с. 118]. На подробный осмотр у него не было времени, поэтому он дал лишь общий обзор своей находки и нарисовал несколько планов. По всей видимости, Д. Л. Иванов передал свои записи и чертежи Ф. Ф. Буссе как наиболее деятельному и последовательному археологу-любителю тамошних мест. Фёдор Фёдорович ещё с 1860-х годов начал собирать сведения о найденных в Приамурье и Приморье «остатках древнего населения», и 30 лет спустя у него, как отмечал ещё один археолог-любитель — Л. А. Кропоткин, «скопился очень ценный материал» [5, с. 1]. Сегодня сделанные Д. Л. Ивановым в 1891 году планы и описание археологического памятника хранятся в фонде Ф. Ф. Буссе архива ОИАК [2, с. 119–120]. В том же архиве сохранились и письма Дмитрия Львовича Фёдору Фёдоровичу, демонстрирующие их вполне дружеские отношения.

О характере Буссе знавший его лично А. Д. Рончевский писал: «Охотнее всего сходился он с людьми оригинальными, убеждёнными, с людьми дела, а не слова» [14, с. XIV]. Именно таким «человеком дела» и был Дмитрий Львович Иванов. Его коллеги вспоминали о нём как о «добром, чутком, отзывчивом человеке… искреннем поборнике всего честного и справедливого» [18, с. 810]. Точно такими же словами («добрый», «ласковый», «чуткий», «простой», «честно исполняющий долг») отзывались добрые знакомые о Ф. Ф. Буссе [14, с. XIII–XV]. Так что дружба этих двух людей, со схожими интересами и взглядами на жизнь, неудивительна. И вполне естественно, что вышедшее из печати собственное сочинение, на которое Фёдор Фёдорович положил столько труда, он отправил в числе прочих своих друзей и Д. Л. Иванову, который не имел никакого отношения к переселенческому делу. В то время, как уже упоминалось, это была общепринятая практика.

К сожалению, Фёдор Фёдорович в дарственной надписи не проставил дату, поэтому неясно, когда именно он передал книгу Дмитрию Львовичу. Понятно, что произошло это


Записки

Августѣйшимъ Покровительствомъ Его Высочества Великаго Князя Александра Михайловича.

а Изученія Амурскаго Края.

(Владивостокскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества).

Томъ XII.

Посвященный памяти изслѣдователя Уссурійскаго Края, перваго предсѣдателя Общества Изученія Амурскаго Края

Ѳ. Ѳ. БУССЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1 Портретъ Ѳ. Ѳ. Буссе.

2 Краткая біографія Ѳ. Ѳ. Буссе — составилъ А. Д. Рончевскій.

3 Древности Амурскаго Края Ѳ. Ѳ. Буссе. и кн. Кропоткина.

4 Время вскрытія и замерзанія нѣкоторыхъ заливовъ бухтъ и рѣкъ въ предѣлахъ Приморской Области и отчасти внѣ ея. (таблица М. Е. Жданко.)

5 Отчетъ о дѣятельности Общества за 1901.

6 Чертежи къ ст. Древности Амурскаго Края.

БИБЛИОТЕКА ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО ГОС. МУЗЕЯ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Типографія Н. П. Матвѣева, Абрекская ул. № 10.

1908.

XII том «Записок Общества изучения Амурского края», посвящённый памяти Ф. Ф. Буссе

во второй половине 1896 года: издание вышло в середине мая [17, с. 118], а Буссе умер в конце декабря. В то время Д. Л. Иванов служил в Западном горном управлении, в ведении которого находились горные заводы и промыслы на территории Польши, и жил в Варшаве. Правда, в 1896 году он приезжал в Россию для проведения исследований в районе Самаро-Златоустовской железной дороги. Возможно, что путешествовал он через Петербург и в какой-то момент встречался с Ф. Ф. Буссе.

В любом случае, был ли дар вручён лично Фёдором Буссе или же отправлен им по почте, но книга до Дмитрия Львовича дошла и, по всей видимости, до самой смерти учёного в 1924 году хранилась в его домашней библиотеке. Частично дальнейшую судьбу издания можно проследить по штампам на титульном листе. Так, там стоит печать библиотеки Геологического комитета Дальнего Востока (Дальгеолкома) с датой «20 дек. 1926». В отчёте Дальгеолкома за 1926 год указывалось: «Из крупных приобретений в отчётном году нужно отметить покупку в Ленинграде библиотеки геолога Д. Л. Иванова, состоящей из 64 капитальных сочинений и 70 брошюр» [13, с. 43]. Вероятно, наследники после смерти учёного распродали

его книжное собрание, и его приобрело (частично или полностью) Дальневосточное отделение Геологического комитета, находившееся во Владивостоке.

В 1929 году отделение было преобразовано в Дальневосточное районное геологоразведочное управление, и этот факт нашёл отражение на страницах книги: на титульном листе появился библиотечный штамп с новым наименованием учреждения. Правда, дальнейшие переименования и реорганизации, которых за следующие несколько лет было немало, издания уже не коснулись. Очередным и последним появившимся на ней штампом стал штамп Хабаровской краевой библиотеки (ныне ДВГНБ). В Хабаровск книга попала, вероятно, в 1936 году, когда туда было переведено из Владивостока Дальневосточное геологическое управление (так к тому времени назывался бывший Дальгеолком) [12, с. 28]. С учреждением перевозилась и материальная база, в том числе библиотека. Можно предположить, что в дальнейшем, при очередной чистке книжного фонда от устаревших и непрофильных изданий, «Переселение…» Ф. Ф. Буссе было признано не соответствующим по тематике и передано в краевую библиотеку.

Кажется символичным, что путешествие книги завершилось именно на Дальнем Востоке, который был столь «мил сердцу» её автора. Сегодня «Переселение…» Ф. Ф. Буссе, которое вскоре после выхода из печати стало библиографической редкостью, в электронных копиях выложено в Интернете и доступно любому пользователю. А печатные оригиналы с дарственными надписями хранятся в библиотеках на особом положении как редкие и ценные экземпляры, свидетели эпохи и источники дополнительных сведений о жизни и привязанностях автора, отражённых в его автографах.

Список использованных источников

1. *Амальрик, А. С. В поисках исчезнувших цивилизаций / А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. — Москва : Наука, 1966. — 280 с.*
2. *Артемьева, Н. Г. История открытия и изучения Шайгинского городища: к полувековому юбилею исследований памятника / Н. Г. Артемьева // Россия и АТР. — 2013. — № 3 (81). — С. 117–127.*
3. *Бродянский, Д. Л. Археология в истории ОИАК / Д. Л. Бродянский // Записки Общества изучения Амурского края. — 1999. — Т. 23. — С. 19–20.*
4. *Бродянский, Д. Л. Ф. Ф. Буссе — археолог / Д. Л. Бродянский // Очерки истории дальневосточной археологии (с публикацией лекции В. К. Арсеньева) / Д. Л. Бродянский. — Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — С. 23–41.*
5. *Буссе, Ф. Ф. Остатки древностей в Амурском крае / Ф. Ф. Буссе, Л. А. Кропоткин // Записки Общества изучения Амурского края. — 1908. — Т. 12. — С. 1–66.*
6. *Буссе, Ф. Ф. Остатки древности в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ / Ф. Ф. Буссе // Записки Общества изучения Амурского края. — 1888. — Т. 1. — С. 1–28 (3-я паг.).*
7. *Буссе, Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах : с картою / Ф. Ф. Буссе. — Санкт-Петербург : тип. т-ва «Общественная польза», 1896. — [4], IV, 165, [1], 57, [1] с., [1] л. карт.*
8. *Журнал общего собрания Императорского Русского географического общества — 6-го апреля 1888 г. // Известия Императорского Русского географического общества. — 1888. — Т. 24, вып. 2. — С. 505–508.*
9. *Заблоцкий, Е. М. Дмитрий Львович Иванов и Южно-Уссурийская горная экспедиция 1888–1893 гг. / Е. М. Заблоцкий. — Текст : электронный // Lib.ru: «Классика» : [сайт] / М. Мошков ; Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. — 2014–2015. — URL: http://az.lib.ru/i/iwanow_d_l/text_ivanov_i_yuzhnussuriyskaya_expeditzia.shtml (дата обращения: 22.03.2024).*
10. *Иванов, Д. Л. Из отчётов заведывающего Южно-Уссурийской горной экспедицией / Д. Л. Иванов // Горный журнал. — 1891. — № 8. — С. 248–304.*
11. *Крюков, Н. А. Очерк сельского хозяйства в Приморской области / Н. А. Крюков. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1893. — [6], 157, [3], 32 с., [6] л. ил.*
12. *Маршрут продолжается : к 150-летию начала геологических исследований в Приамурье / [авт.-сост. Е. А. Кириллов]. — Хабаровск : изд-во ДВИМС, 2000. — 144 с.*
13. *Отчёт о состоянии и деятельности Геологического комитета Дальнего Востока за 1926 г. (Дальневосточного отделения геологического комитета) / Геол. ком. Дал. Востока. — Владивосток : тип. Гос. дальневост. ун-та, 1927. — 54, 61, [3] с., [1] л. карт. — (Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока ; № 50).*
14. *Рончевский, А. Д. Фёдор Фёдорович Буссе / А. Рончевский // Записки Общества изучения Амурского края. — 1908. — Т. 12. — С. VII–XVI.*
15. *Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. 2 : Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. 2 / издаётся по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина. — Иркутск : тип. Н. Н. Синицына, 1883. — [4], II, 213, [1] с.*
16. *Устав Общества изучения Амурского края. — [Санкт-Петербург, ценз. 1888]. — 12 с.*
17. *Хисамутдинов, А. А. Владивосток и Фёдор Буссе с его «сочувствием ко всему человеческому роду» / А. А. Хисамутдинов ; Примор. краевое отд-ние Всерос. обществ. орг. «Рус. геогр. о-во» — О-во изучения Амур. края ; Б-ка ОИАК. — Владивосток : изд-во ВГУЭС, 2019. — 142 с.*
18. *Хлапонин, А. И. Дмитрий Львович Иванов : (некролог) / А. Хлапонин, А. Криштофович // Известия Геологического комитета. — 1925. — Т. 44, № 8. — С. 805–812.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 22.03.2024.

Сведения об авторе: Радишаускайте Наталья Витаутовна, старший научный сотрудник Центра консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края Дальневосточной государственной научной библиотеки, кандидат исторических наук (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

САЛЕЕВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА

ДЕНЬ ПОБЕДЫ — ВСЕНАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК

Статья посвящена истории праздника «День Победы», сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне, строительству мемориального комплекса на площади Славы в Хабаровске, о передаче документов участников войны на государственное хранение.

Ключевые слова: День Победы, празднование 9 мая 1945 года, площадь Славы, мемориал, реконструкция, память, герои Великой Отечественной войны.

Keywords: Victory Day, celebration of 9 May 1945, Glory Square, memorial, reconstruction, memory, Great Patriotic War heroes.

В истории нашей Родины много славных и замечательных юбилейных дат. Но юбилеем первой величины мы по праву считаем 9 мая 1945 года. В этот день на землю пришла долгожданная тишина. 1418 дней наш народ ждал Дня Победы. Далась она нелегко. Люди валились с ног от усталости, недоедания, страдания и мук, но какая-то сила поднимала их и вела в бой с единственным желанием — победить врага!

День Победы — это всенародный праздник. Впервые в нашей стране он был установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года в ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной армии, которые увенчались полным разгромом гитлеровской Германии. В постсоветское время утверждён Федеральным законом «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 года.

О грандиозных событиях тех исторических дней спешили сообщить все средства массовой информации. На первых полосах краевых газет «Тихоокеанская звезда», «Сталинский Комсомольск», «Комсомольская магистраль», вяземской газеты «Ленинский путь», газеты Нанайского района «Сталинский путь» за 10 мая 1945 года были опубликованы поздравления с Победой, адресованные жителям страны и края, долгожданный акт о безоговорочной капитуляции немецкой армии, указ об установлении 9 мая праздником Победы.

С объявлением благодарности за отличные боевые действия были опубликованы приказы Верховного главнокомандующего И. В. Сталина командующим войсками 1-го Украинского фронта маршалу Советского Союза И. С. Коневу, 2-го Украинского фронта маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому, 4-го Украинского фронта генералу армии А. И. Ерёменко. В этих исторических документах названы фамилии и заслуги командующих войсками, а также перечислены города и населённые пункты, освобождённые Советской армией в последние дни войны.

Хабаровский край вместе со всей страной торжествовал в ознаменование Великой Победы. Благодаря сохранившимся в Государственном архиве Хабаровского края периодическим изданиям мы сегодня можем воссоздать хронику великого празднества, проходившего в среду, 9 мая 1945 года, в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Николаевске-на-Амуре и в отдалённых посёлках нашего необъятного края. Радость и ликование хабаровчан передали фотографии Владимира Байдалова, много лет проработавшего в КрайТАСС, статьи хабаровских журналистов Юлии Шестаковой и Вадима Павчинского.

О дне всенародного торжества и 60-тысячном митинге в Хабаровске они рассказали на страницах газеты «Тихоокеанская звезда»:

«“С победой!”, — слышится отовсюду, и люди, заполнившие улицы, вслушиваются в эту короткую фразу. Плещется шумливая расцвеченная весенним солнцем и радостью человеческая река. Со знаменами, с портретами великого Сталина, с плакатами, цветами и песнями вышли люди на улицу. Несколько заводских парней на углу Калининской и улицы имени Карла Маркса качают майора авиации, грудь которого красноречиво свидетельствует о боевых заслугах этого летчика перед Родиной, и вдруг в середину толпы буквально врезается баянист. Удалая русская плясовая наполняет воздух. И люди начинают плясать прямо на уличном асфальте, знакомые и незнакомые. Возле здания краевого радиокомитета по улице Запарина оживленное движение — многие идут в редакцию последних известий по радио с просьбой разрешить им выступить перед микрофоном. До глубокой ночи продолжалось в городе празднество. Вечером на Комсомольской площади вспыхнули сотни разноцветных ракет, ярко озаряя народное гуляние» [6].

И каждый знал, что об этом дне, 9 мая 1945 года, будут написаны поэмы и песни. Писатели, художники и скульпторы запечатлеют этот сияющий майский день во вдохновенных произведениях искусства, будет запечатлён и подвиг советского народа! И они не ошиблись. Во многих городах, посёлках нашей страны героям воздвигнуты величественные обелиски, небольшие памятники, сооружены площади и скверы.

В Хабаровске местом притяжения стал мемориальный комплекс «Вечный огонь» на площади Славы.

История площади Славы началась в 70-е годы XX века. Связано это было с 30-летием Победы, самым значительным событием тех лет. Сроки строительства были сжатые, Хабаровский крайком КПСС осуществлял постоянный контроль за ходом строительства важного объекта, а для того, «чтобы в этом строительстве принял участие каждый житель, каждый трудовой коллектив», организовывались субботники и воскресники, привлекалось население города, студенты и школьники [4].

9 мая 1975 года площадь Славы была открыта. Взору хабаровчан и гостям города, пришедшим почтить память земляков, предстал архитектурный ансамбль, созданный скульпторами Н. Вдовкиным, А. Карих, А. Ореховым и архитекторами А. Матвеевым, Н. Руденко, Э. Константиновым.

Центр площади украшал 30-метровый обелиск, который представлял собой три вертикально расположенные стелы из железобетона, изображавшие символ мирного времени на протяжении трёх десятилетий после окончания

На открытии площади Славы

Площадь Славы, 1975 год

войны. Обелиск венчало развевающееся знамя, на котором изображены пятиконечная звезда и серп с молотом, а внизу — лавровая ветвь. Золотыми буквами на стеле были увековечены имена Героев Советского Союза — уроженцев Хабаровского края.

На другой стороне — имена шести полных кавалеров ордена Славы трёх степеней и фамилии 69 Героев Социалистического Труда и двух кавалеров ордена Трудовой Славы. В северо-восточной части площади была размещена стена-стела, выложенная рельефными блоками из звёзд. Она отображала заслуги перед Родиной предприятий-орденоносцев Хабаровского края, Еврейской автономной области, городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре и Краснознамённого Дальневосточного военного округа, вторую стену украшали 15 гербов республик СССР.

Торжественное открытие площади состоялось в 11 часов 30 минут под государственный гимн Советского Союза. Площадь поручено было открыть первому секретарю Хабаровского крайкома КПСС Алексею Клементьевичу Чёрному, ветеранам войны и труда. К обелиску были возложены цветы, прогремел салют [7].

Благоустройство площади продолжалось. Вторая очередь площади Славы сооружена в 1985 году, к 40-летию Победы, в честь жителей Хабаровского края, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Авторы проекта — архитекторы А. Н. Матвеев, Ю. А. Живетьев, Ф. И. Аптеков, скульпторы Г. И. Потапов, Э. Д. Маловинский, Ю. Ф. Шатурин.

Главным событием тех дней стало открытие Вечного огня и Памятной стены героям. На полукруглой восьмиметровой гранитной стене мемориала были высечены фамилии более 19 тысяч воинов-дальневосточников, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны. Вечный огонь мемориала был взят из мартеновской печи № 1 завода «Амурсталь», давшей первую плавку в грозном 1942 году. Право зажечь факел было предоставлено победителю юбилейной трудовой вахты сталевару Г. Г. Шмакотину. На бронетранспортёре факел был доставлен из Комсомольска-на-Амуре [3]. Торжественное открытие мемориального ансамбля состоялось 9 мая 1985 года. Сотни жителей собрались для того, чтобы почтить память погибших дальневосточников, отдавших свои жизни в годы Великой Отечественной войны.

Вспомним всех поимённо,
Горем вспомним своим.
Это нужно не мёртвым!
Это надо — живым!..

Эти стихи звучали на берегу величавого Амура под торжественную и печальную мелодию, заставлявшую каждого вспомнить о бессмертии тех, кто бесстрашно прошёл сквозь свинцовые бури сражений.

Незабываемы минуты того дня. Герой Советского Союза Г. Д. Лопатин, Герой Социалистического Труда П. М. Сысоев и полный кавалер ордена Славы А. К. Чижиков передают факел А. К. Чёрному. И вот в центре золотой звезды вспыхивает пламя. Вечный огонь горит, напоминая о подвиге героев [1].

Работа по поиску героев Великой Отечественной войны продолжалась. 17 января 1989 года ЦК КПСС принял постановление о подготовке к изданию Всесоюзной Книги Памяти. В Хабаровском крае оргработа по созданию краевой Книги Памяти началась с марта 1989 года. В 1994 и 1995 годах были изданы два тома книги, где названы имена более 30 тысяч наших земляков, не вернувшихся с полей брани. Фамилии героев были высечены на мемориальных пилонах площади Славы, отреставрированной к 50-летию Победы. В 1993 году институту «Хабаровскпромпроект» было поручено разрабатывать проект по реконструкции мемориала на площади Славы. 28 апреля 1995 года акт госприёмки реконструкции мемориального комплекса площади Славы в эксплуатацию был принят с оценкой «отлично». Это был большой подарок строителей к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне [2; 5].

Площадь Славы

В начале 2000-х годов началась масштабная реконструкция площади, связанная со строительством Спасо-Преображенского кафедрального собора в Хабаровске. Реконструкция площади проведена в 2003 году. Стелу передвинули ближе к Дому радио, стену с орденоносными предприятиями полностью демонтировали, а знаки орденов и таблички с названиями организаций перенесли на место, где раньше находились гербы союзных республик.

В суровом и величественном архитектурном ансамбле мемориального комплекса воинской славы увековечена память о боевых и трудовых подвигах дальневосточников. Память о родственниках и близких, которые воевали на фронте или работали в тылу, сохраняется и в каждой российской семье. В Государственном архиве Хабаровского края находится несколько десятков дел участников Великой Отечественной войны, передавших на государственное хранение документы из семейного архива. И эта работа продолжается. За последние пять лет госархив пополнился личными документами участников Великой Отечественной войны: матроса А. Р. Артамонова, младшего сержанта медицинской службы Е. И. Семёновой, связистов Т. С. Кутырчева и И. Л. Рыжакова, зенитчика, участника Маньчжурской операции 1945 года А. П. Страхова.

В 2020 году на хранение были переданы документы Владимира Иосифовича Ханцевича (Р-1205. Оп. 1. Д. 46). Он родился в Хабаровске в 1925 году. В 1943-м был призван в ряды Красной армии. Командир миномётного взвода, воевал на фронте в составе 1-й гвардейской Краснознамённой орденов Ленина, Суворова, Кутузова мотострелковой дивизии 11-й гвардейской армии, принимал участие в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии и Литвы, участвовал в боях за Кёнигсберг. В составе 1-го Дальневосточного фронта принял участие в войне с Японией в августе 1945 года. После войны работал на Хабаровском заводе имени М. Горького.

В 2021 году дочь Михаила Ивановича Крадожёна передала документы о своём отце, который прошёл всю войну. Окончив в 1943 году Хабаровское пулемётно-миномётное училище, Михаил Иванович участвовал в боях на Центральном и Белорусском фронтах, награждён орденом Красной Звезды и Отечественной войны II степени (Р-2404).

Имена участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, тех, кто приближал День Победы и кому мы благодарны, всегда будут в нашей памяти и памяти наших потомков. Их имена — достояние сегодняшних и будущих поколений.

Вот уже почти восемь десятилетий День Победы является самым светлым, самым радостным и одновременно самым печальным нашим праздником. В этот день народы России и все честные люди на земле склоняют головы в знак памяти павшим и благодарности живым участникам этой войны, своей жизнью, своим потом и кровью, нервами, тяжким солдатским трудом обеспечившим Великую Победу. Вечная память павшим! Вечная слава ветеранам Великой Отечественной войны, нашей гордости, золотому фонду нашей нации, до сих пор, несмотря на годы и старые раны, бережно хранящим славные традиции и являющимся для нас живым примером беззаветного служения Родине.

Возложение цветов к Вечному огню на площади Славы

Время не властно над памятью народной, передающейся как священная нравственная ценность, как частица родственной крови из поколения в поколение. Хочется верить, что у Вечного огня мемориала на площади Славы в Хабаровске останется несменяемым на все времена торжественно-печальный караул благодарных сердец, живых сердец наших потомков.

Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым,
Поклонимся и мёртвым, и живым —
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья…

М. Львов

Список использованных источников

1. *В памяти народной : в Хабаровске зажжён Огонь Вечной Славы в честь дальневосточников, погибших на полях сражений Великой Отечественной войны // Тихоокеан. звезда. — 1985. — 9 мая. — № 106 ; 10 мая. — № 107.*
2. *Моренко, В. Скорбный список на мемориале Славы увеличился на 18 тысяч фамилий / В. Моренко // Приамур. ведомости. — 1995. — 3 мая. — № 71.*
3. *О плане подготовки зажжения Вечного огня на площади Славы в г. Хабаровске : выписка из протокола секретариата Хабаровского крайкома КПСС // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 112. Д. 115. Л. 69.*
4. *О сооружении площади Славы в Хабаровске : постановление Хабаровского крайкома КПСС от 7 февраля 1975 года // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 103. Д. 64. Л. 20–21.*
5. *Об утверждении акта госкомиссии по приёмке в эксплуатацию реконструкции мемориального комплекса площади Славы : постановление главы администрации г. Хабаровска от 28 апреля 1995 г. № 1392 // ГАХК. Ф. Р-1971. Оп. 1. Д. 625. Л. 1–8.*
6. *Павчинский, В. День всенародного торжества. 60-тысячный митинг в Хабаровске / В. Павчинский // Тихоокеан. звезда. — 1945. — 10 мая. — № 110.*
7. *Побойная, В. Наша площадь Славы / В. Побойная // Тихоокеан. звезда. — 1975. — 10 мая. — № 109.*

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 26.02.2024.

Сведения об авторе: Салеева Лариса Владимировна, заведующий сектором научного использования документов Центра доступа к архивным ресурсам Государственного архива Хабаровского края, заслуженный работник культуры РФ (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: saleeva@archiv.khv.ru; тел.: 8-914-157-60-44, (4212) 30-53-00.

КОНДРАТЕНКО АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

ИМЕНА НА ОБЕЛИСКЕ: К 55-ЛЕТИЮ СОБЫТИЙ НА ОСТРОВЕ ДАМАНСКОМ

Статья посвящена событиям на острове Даманском в марте 1969 года и подвигу пограничников, героически защищавших в те дни рубежи Отечества. Двое из погибших тогда воинов были уроженцами города Орла — Алексей Сырцев и Станислав Юрин. В статье рассказывается об их биографиях, о том, как в Орле увековечена память об отважных земляках. В 1970-е – 1980-е годы орловский комсомол установил шефские связи с пограничниками-дальневосточниками, на заставах часто бывали делегации из Орла, подвиг защитников Отечества стал темой стихотворений, публикаций в СМИ.

Ключевые слова: остров Даманский, пограничники, Алексей Сырцев, Станислав Юрин, город Орёл, военно-патриотическое воспитание.

Keywords: Damansky Island, border guards, Aleksei Syrtsev, Stanislav Iurin, Oryol, military-patriotic education.

55 лет назад, в марте 1969 года, две державы — СССР и КНР — столкнулись из-за клочка земли под названием остров Даманский. Этот маленький островок на реке Уссури входил в состав Пожарского района Приморского края. Располагался он чуть ближе к китайскому берегу, чем к нашему. Весной, когда река разливалась, остров полностью скрывался под водой. Однако граница проходила не посередине реки, а, в соответствии с Пекинским трактатом 1860 года, по китайскому берегу.

В ночь на 2 марта 1969 года около 300 китайских солдат переправились на остров. Несколько часов они оставались незамеченными, советские пограничники получили сигнал о вооружённой группе в количестве до 30 человек лишь поздно утром…

Попытка захватить остров не удалась. Пограничники его отстояли. Однако в ходе боёв 2 и 15 марта защитники потеряли убитыми и умершими от ран 58 человек, ранены были 94 человека. За проявленный героизм пятеро военнослужащих были удостоены звания Героя Советского Союза. В тех боях в марте 1969-го погибли двое орловских уроженцев — Алексей Сырцев и Станислав Юрин…

Алексей Сырцев родился в Орле в семье участника Великой Отечественной войны (он был одним из защитников Москвы) Николая Николаевича и Нонны Петровны Сырцевых 5 августа 1948 года, в пятую годовщину освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Через несколько лет появился у Алексея и младший брат — Александр.

В школе Алексей увлекался радиоделом, занимался в фотокружке. Его одноклассник Валерий Глущенко вспоминал: «В нашу школу он пришёл уже в 9-м классе из 6-й школы. Быстро влился в коллектив, как будто учился с нами с первого класса. Стройный, симпатичный парень. И не просто стройный, а самым высокий в классе, а может быть, и в школе. Любил играть в баскетбол, в волейбол, футбол. Выступал не только за класс, но и за школу на различных соревнованиях, в том числе и на районных. Получал грамоты. Был добрым. Привыкший играть в команде, он и в классе всегда был среди ребят, никогда его нельзя было увидеть одиноким, скучающим. Был лидером, но не тем лидером, который подчиняет себе остальных. Он не был круглым отличником, но учился хорошо» [1].

Выпускники 26-й школы

На фотографии выпускников (Алексей Сырцев в последнем ряду посередине) рядом с ними учителя Валентина Афанасьевна Морозова (русский язык и литература), Анна Марковна Морозова (немецкий язык), Анна Степановна Труфанова (химия), Эрна Алексеевна Мазина (Николаева) (преподавала историю, была классным руководителем), Евгения Георгиевна Собова (физика), Светлана Алексеевна Свешникова (математика)…

В 1966 году Алексей поступил на физико-математический факультет Орловского пединститута, однако вскоре по спецнабору его призвали в ряды Вооружённых Сил. Служил в Таманской гвардейской дивизии в Москве, где прошёл подготовку на должность командира орудия. Когда стала нарастать напряжённость на Дальнем Востоке, добровольцем перевёлся в пограничные войска — служба проходила на заставе «Кулебякины сопки», которой командовал старший лейтенант В. Д. Бубенин (потом заставе присвоили имя погибшего в марте 1969 года начальника пограничного отряда Героя Советского Союза полковника Д. В. Леонова). Через три месяца службы Сырцев был награждён знаком «Отличник погранвойск» и назначен старшим пограничного наряда.

…В бою 2 марта Алексей Сырцев получил ранение, но продолжал упорно сопротивляться, даже поднял своих сослуживцев в штыковую атаку. Его смогла остановить только вторая пуля, пробившая сердце. Валерий Глущенко вспоминал: «Мы с Лёшкой служили в армии в одно время, но в тысячах километров друг от друга. Он призывался раньше, так как был на несколько месяцев старше, его служба подходила к концу, а у меня только заканчивался первый год службы. К этому моменту после окончания школы прошло уже около трёх лет, в армию я призывался из другого города и ничего не знал о своих одноклассниках. В армии особенно остро чувствуешь связь (или отсутствие связи) со своей малой родиной, ловишь каждое слово о том, что там происходит…

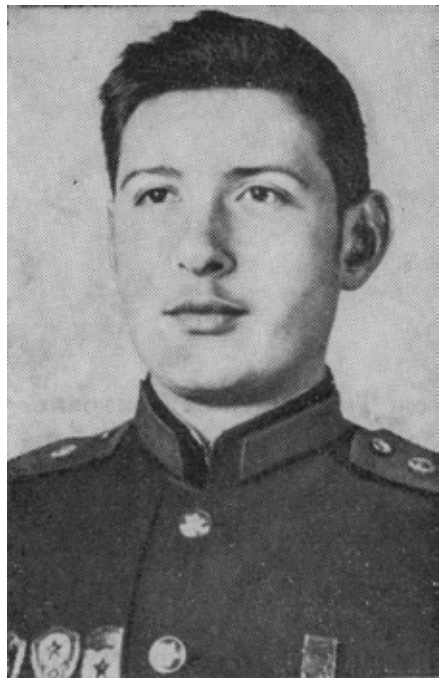
У нас в роте раз в неделю обязательно показывали художественный фильм, а перед ним, как тогда было принято во всех кинотеатрах, вначале была документальная хроника о жизни в стране, за границей. В армии к этому прибавилась ещё и специальная военная хроника. Однажды, сидя в кинозале и глядя на экран, я прочитал знакомое имя: “Алексей Сырцев”. Казалось бы, вот та долгожданная встреча, пусть даже и на экране, о которой можно будет поговорить с ребятами, похвастаться тем, что земляка показали в кино, вспомнить школу. Но мгновенная радость

от встречи с одноклассником тут же превратилась в горечь потери. Показывали вереницу гробов. На крышке каждого стояла фотография, написаны имя и фамилия пограничника. Потом я ещё несколько раз смотрел этот киножурнал в надежде, что ошибся, что-то перепутал. Нет, не ошибся. Наш Лёшка, одноклассник... Это было самое сильное потрясение тех лет, и я до сих пор помню те чувства, которые испытал в мартовские дни 1969 года, узнав, что Лёшка погиб на советско-китайской границе. В те годы средства массовой информации настолько оберегали советский народ от отрицательных сведений, настолько всё было дозировано, что сообщение о гибели пограничников было из ряда вон выходящим событием» [1].

Учитель русского языка и литературы орловской школы № 30 Раиса Алексеевна Масленникова, вспоминая о своём ученике Станиславе Юрине, сравнила его с молодогвардейцем, орловским уроженцем Сергеем Тюлениным: «Прожив очень немного, они обрели бессмертие, потому что каждый из них, будучи лично сопричастен с судьбой своего народа, своей Родины, совершил подвиг» [3, с. 257].

Родные показали учительнице записную книжку — дневник Станислава. Какой символический смысл обрели, казалось бы, обычные записи, сделанные рукой подростка. Вот последняя: «Если смерть смотрит в глаза твоего друга, возьми её взгляд на себя». А вот одна из первых: «Честь — не монета: её нельзя уронить незаметно, а тем более потерять» [Цит. по: 3, с. 257, 262].

Станислав был застенчив, но вместе с одноклассниками всегда участвовал в походах по литературным и историческим местам Орловщины. Обелиски Курской дуги, шёпот тургеневских лугов... Его идеалом был Павка Корчагин из романа «Как закалялась сталь». После школы работал некоторое время на орловском заводе по производству оборудования для текстильной промышленности «Текмаш», мечтал поступить в институт. Служил в Таманской дивизии, потом, как и Алексей Сырцев, добровольцем пошёл на границу — в Алтайский пограничный отряд…



Станислав Юрин

Старался даже там заботиться о родных. Вот строки одного из его солдатских писем:

«Здравствуйте, дорогие мама и Алик [младший брат]! Я жив и здоров. Служба проходит нормально. Пишите, как живёте, что нового?

Мам, как твоё здоровье? Алик, как учёба, чем занимаешься в свободное время?

Дорогая мамочка!

Поздравляю тебя с Международным женским днём 8 марта! От всего сердца желаю тебе крепкого здоровья, счастья и отличных показателей в труде!

Мама! Извини, подарка здесь купить негде» [Цит. по: 3, с. 260].

В последний раз Станислав был в родном городе в ноябре 1968 года, когда получил отпуск за хорошую службу. Зашёл и в школу, повидался с учителями. Раиса Масленникова спросила его, что дали ему походы по литературным и историческим местам Орловщины, краеведческие литературно-музыкальные композиции, которые тогда часто готовили в школе. Он ответил просто: «Научили видеть и любить» [Цит. по: 3, с. 263].

В своём последнем письме домой (уже из района боевых действий) Станислав писал, чтобы о нём не беспокоились — это всего лишь командировка. Тогда он вырезал из газеты «Ноту советского правительства правительству КНР от 2 марта 1969 года» по поводу провокации на Даманском и положил в нагрудный карман.

15 марта 1969 года Станислав Юрин в составе пограничной мотоманевренной группы принял бой. Газеты потом напишут об этом дне: «Восемь часов бушующего огня. Пять раз сквозь него ходили в атаку наши пограничники. И рядовой Юрин вступал в единоборство с врагом в числе первых, сражался мужественно и бесстрашно».«Они дрались за свою землю так, что русские солдаты всех поколений могут снять шапку перед своими младшими сыновьями... Их жизнь и смерть — лучшая аттестация поколению...» [Цит. по: 3, с. 258].

Одна из мин взорвалась всего в нескольких шагах от Станислава, прошив грудь осколками. Чуть позже из нагрудного кармана извлекли залитую кровью газетную вырезку «Нота советского правительства...».

Когда трагическая новость о гибели Алексея Сырцева дошла до Орла, его одноклассница Татьяна Гуренко написала стихотворение:

В то время, когда мы взрослели,
Учились, влюбляясь порой,
Ты был на заставе границы,
Где грянул тот бой роковой.
За мной! В полный рост шёл в атаку,
Хоть дважды был ранен в бою.

Вновь пуля достигла солдата,
Теперь ты навечно в строю.
Погиб двадцать первой весною,
И пусть пролетают года —
Мы память о друге отважном
В сердцах сохраним навсегда! [1].

Это были не просто слова. Имена Алексея Сырцева и Станислава Юрина, награждённых посмертно медалями «За отвагу», стали для орловской молодёжи 1970-х – 1980-х годов символом служения Родине, самоотверженности, воинского подвига. В Орловской области комсомольско-молодёжные бригады вели трудовое соперничество за право носить имена героев-пограничников, проводились спортивные соревнования на призы имени А. Сырцева и С. Юрина [6, с. 286]. Каждый год область направляла на пограничную заставу имени Героя Советского Союза Д. В. Леонова (бывшую «Кулебякины сопки») своих лучших призывников, которые достойно несли здесь службу.

Установилась прочная связь областной комсомольской организации и пограничников-дальневосточников. Как вспоминает председатель Орловской областной организации Всероссийской общественной организации ветеранов войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов Г. А. Казначеева (в 1980-е гг. — секретарь Орловского обкома ВЛКСМ), регулярно большая делегация из Орла (родители погибших воинов, ветераны, комсомольские активисты, артисты агитбригад, писатели, журналисты) отправлялась на Дальний Восток, чтобы провести патриотические встречи, передать привет воинам-землякам, порадовать дальневосточников концертами на заставах и в пограничном отряде. Орловцы возлагали цветы к воинским мемориалам в городе Дальнереченске (здесь был похоронен Алексей Сырцев) и в посёлке Камень-Рыболов (место захоронения Станислава Юрина). По итогам этих поездок в Орле появлялись циклы публикаций в газетах, телевизионные и радиопередачи. По сути, орловский комсомол взял тогда шефство над пограничниками-дальневосточниками.

Подвиг земляков нашёл отклик в творчестве известных орловских поэтов, которые побывали на местах былых боёв. Лев Котюков (будущий председатель Московской областной писательской организации) написал большое стихотворение «Граница». Поэт напомнил читателям о незажившей ране — гибели молодых пограничников:

Окровавленный лёд
На далёкой реке,
Гул тяжёлого боя...
И с чужой стороны
Бьёт в упор пулемёт,
И упал её сын,
Задыхаясь от боли...
Тёмный мартовский лёд!
Тёмный мартовский лёд!
Окровавленный лёд… [2, с. 25–26].

Но жизнь продолжается, и снова на посту зоркие часовые:

Маньчжурские сопки клубятся во мгле,
Клубится туман над рекой,
Бессонная ночь на дозорной земле
Идёт пограничной тропой.
Ни света, ни тьмы на чужом берегу,
В тяжёлой дремоте восток.
Тропа огибает речную дугу,
Вступает на мёрзлый песок…

Спокойны товарищей лица,
Такие не дрогнут в бою.
Тревожное слово — Граница
Судьбу озаряет твою.
Спокойна родная держава,
И сердце спокойно моё,
Но явственно слышу —застава
Грохочет командой: «В ружьё!» [2, с. 26–27].

Поэт-орловец Владимир Перкин (в будущем — руководитель столичных издательств) посвятил памяти Алексея Сырцева «Балладу об изюбрёнке Рыжике». Сюжет выбрал совсем не военный: начинается зарисовка с другого выстрела — браконьер убил в тайге изюбриху, сиротой остался её детёныш. И вот бесхитростный рассказ:

...Его солдаты Рыжиком назвали,
Когда в дремучем гибельном завале
Дрожащего, голодного нашли.
Они горбушку хлеба протянули,
В шинель его плотнее завернули
И на погранзаставу принесли.
Они пришли к начальнику заставы,
И тот сказал: «Хотя не по уставу,
Не гнать же нам малютку в тёмный бор?
Пускай живёт, товарищи, не тужит,
Пусть с вами службу срочную послужит»,—
И улыбнулся сдержанно майор.
Рос изюбрёнок, и росли ребята
Да набирались мастерства солдата —
Надёжного защитника страны,
В дозор ходили, мчались по тревоге.
Он провожал их, стоя на пороге,
Встречал, ревя призывно у стены...
— Эй, Рыжик! Рыжик! —
Ушки на макушку —
И подойдёт, глазищами кося,
Но прежде чем с ладони взять горбушку,

Как будто спросит: можно иль нельзя?
— Бери! Бери! —
И Рыжик в руку ткнётся
Доверчивым, по-детски мягким ртом,
И сладко сердце в этот миг толкнётся
У парня под защитным полотном.
Он проведёт рукой по нежной шёрстке,
По голове погладит, по спине
И, посуровев вдруг,со взглядом жёстким,
Свой автомат оправит на ремне [4, с. 59–60].

На основе дальневосточных впечатлений Перкин написал стихотворение «На дозорной вышке»:

…И вот мы смотрим в окуляры —
И словно вдруг раздался мир.
Предстал как будто на ладони
Вплоть до тропинки луговой…[4, с. 62].

В цикле стихов о границе были и такие строфы:

Какие суровые лица
У этих усталых парней!
Граница, граница, граница —
Тревожно живётся на ней.
Какое мужское упорство
Во взгляде, в крутом желваке!
Ах, как это всё же непросто —
Границу держать на замке.

(«Пограничники» [4, с. 61])

Нет вам ни почестей, ни славы,
Нет ни регалий, ни наград,
О вас военные уставы,
Увы, совсем не говорят;
Хотя и сон ваш так же краток,
Как у мужей в тревожный час,
Когда у детских вы кроваток
Сидите, не смыкая глаз;
Хотя не раз в году метельном,
Когда ломилась в дом пурга,
Как и мужья, в бою смертельном
Встречали первыми врага...

(«Жёнам пограничников» [4, с. 60–61])

За прошедшие с той поры более полувека многое было сделано для увековечения памяти защитников дальневосточной границы. На здании школы № 30 г. Орла установлена мемориальная доска в память о Станиславе Юрине (его именем был также назван рыболовецкий траулер, который трудился в водах восточных морей). Имя Алексея Сырцева в августе 1992 года было присвоено одной из улиц Железнодорожного района г. Орла.

В школе № 26 г. Орла действует военно-исторический клуб «Пограничник», созданы два музея: историко-краеведческий и музей погранвойск. Здесь можно увидеть копию комсомольского билета, пропитанного кровью Алексея Сырцева (на здании школы установлена мемориальная доска, посвящённая выпускнику-герою). Регулярно проходят уроки памяти, где школьникам рассказывают о мужестве и стойкости пограничников — защитников Даманского. Нередко во встречах принимал участие преподаватель Академии Федеральной службы охраны РФ (расположена в Орле) Ф. Н. Вологжанин, который командовал знаменитой заставой с 1980 по 1986 год:

— Я служил именно в тех местах на Дальнем Востоке, — рассказывал он. — О подвиге защитников острова здесь хорошо помнят. Помнят, как проходили похороны, на которые приезжали родители Алексея Сырцева. На заставе поставлена стела, планируется возвести часовню. В городе Дальнереченске сооружён мемориальный комплекс, открыт музей славы. На гранитных плитах высечены в том числе имена наших земляков [5].

Заведующий Орловским военно-историческим музеем С. В. Широков передал в дар школе картину, на которой изображён молодой солдат Алексей Сырцев.

— Картина художника Юрия Ивановича Новикова хранилась в музее, но её место именно в школе, где учился Алексей. Ребята будут брать с него пример, — сказал он [5].

В сентябре 2023 года в школе № 26 был торжественно открыт бюст Алексея Сырцева, в декабре — «Парта героя». Бюст выполнил под руководством доцента Д. В. Басарева выпускник художественно-графического факультета ОГУ имени И. С. Тургенева Николай Лисицкий.

На церемонии открытия бюста присутствовала большая делегация членов Орловской региональной организации ветеранов погранвойск. Участники мероприятия почтили память героев минутой молчания.

Бюст Алексея Сырцева в школе № 26

Руководитель детско-юношеских пограничных подразделений школы С. А. Шипунов отметил, что на примере Алексея Сырцева воспитывалось не одно поколение юных орловцев. Преподаватель истории и обществознания, заслуженный учитель РФ Н. И. Родина рассказала об Алексее Сырцеве, с родителями которого она долго дружила, и срав-

нила подвиг пограничника с подвигами прославленных полководцев и рядовых героев, спасавших Отечество от недругов.

В 2019 году в Орловском военно-историческом музее прошла специальная выставка «Герои Даманского», посвящённая 50-летию боёв за остров. А ещё здесь есть постоянная экспозиция, где представлены документы, фотографии, личные вещи орловских героев-пограничников, памятные подарки, преподнесённые родителям погибших ребят. Много материалов и о тех, кто напрямую не участвовал в боевых действиях, но обеспечивал связь, находился в боевом охранении.

В 2022–2023 годах организация ветеранов-пограничников реализовала в Орле грантовый проект «Развитие кадетского пограничного движения». Итогом масштабной и многоплановой работы стало учреждение кадетского класса имени Алексея Сырцева в его родной школе. Было проведено также более 270 различных общественных мероприятий.

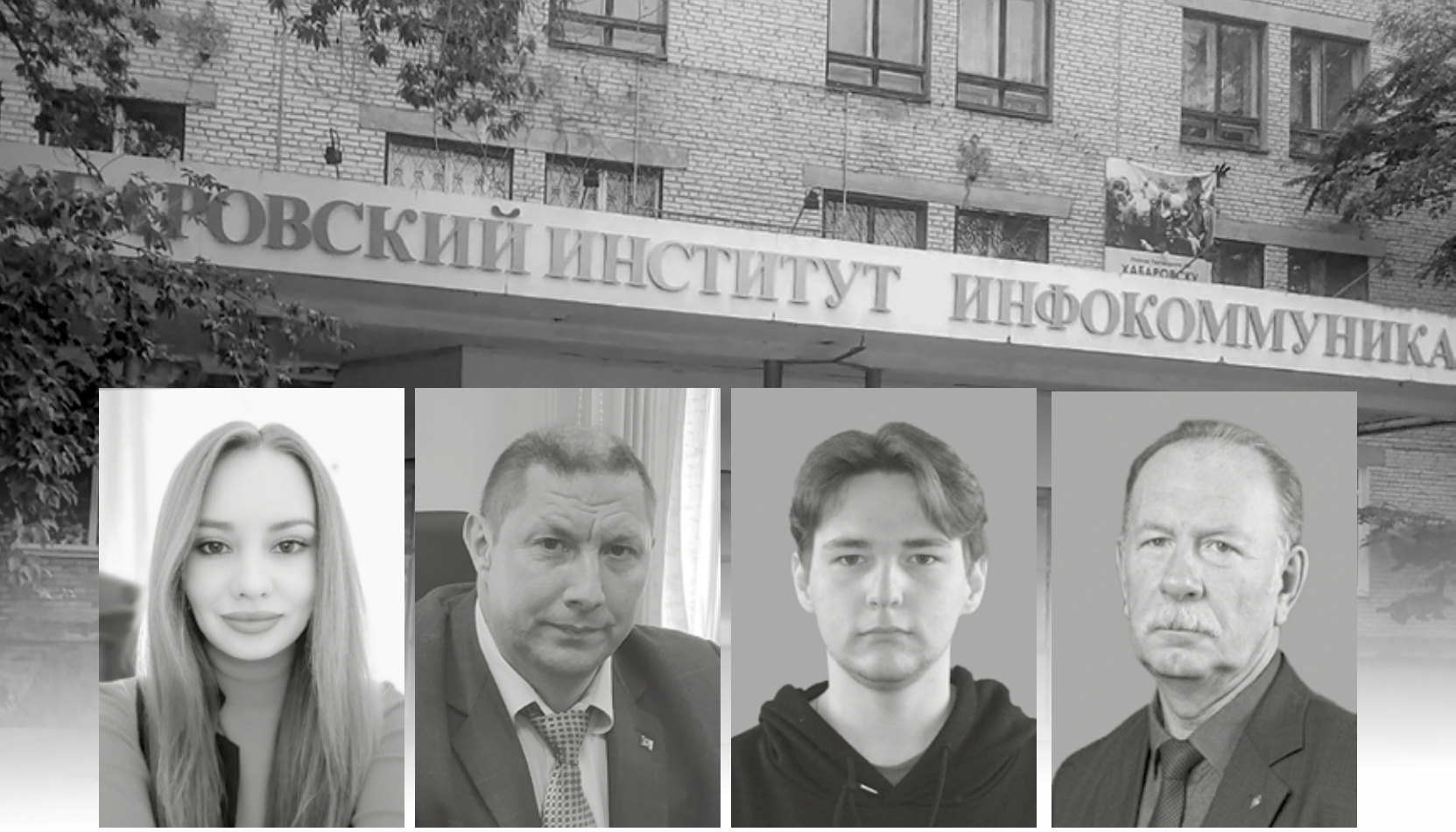
Военный конфликт 55-летней давности, гибель юных воинов— трагедия для всей страны, вдвойне — для их родных и друзей, земляков-ровесников. Но люди нашли силы противостоять беде. На крови родилась прочная дружба орловцев и пограничников-дальневосточников, были налажены шефские и творческие связи. Подвиг был увековечен в стихах, стал примером для воспитания подрастающего поколения. Имена Алексея Сырцева и Станислава Юрина — один из символов прочного единения Орловщины и Дальнего Востока.

Список использованных источников

1. *Глущенко, В. Музей одноклассника / В. В. Глущенко. — Текст : электронный // Орёл знакомый и незнакомый : [сайт]. Публикации. — URL: https://orel-story.ru/pub/65-pamjati-alekseja-syrceva-posvjaschaetsja.html.*
2. *Котюков, Л. Ранний час / Л. К. Котюков. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1988. — 94 с.*
3. *Масленникова, Р. Последняя высота / Р. А. Масленникова // Я солдат, мама: сборник. — Тула, 1974. — С. 257–265.*
4. *Перкин, В. П. Костёр отца / В. П. Перкин. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. — 111 с.*
5. *Рютина Ю. Герои острова Даманского / Ю. Рютина. — Орловская искра. — 2019. — 15 марта.*
6. *Эманова, Г. «Спасибо, что вы есть» / Г. З. Эманова // На страже государственной безопасности: органы ВЧК — КГБ — ФСБ на Орловщине. — Орёл, 2007. — С. 284–286.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 12.03.2024.

Сведения об авторе: Кондратенко Алексей Иванович, заведующий методическим отделом Орловского Дома литераторов, доктор филологических наук (г. Орёл).
Контактные данные: e-mail: istorik57@yandex.ru.



БОЙКО МАРГАРИТА АНАТОЛЬЕВНА, ДАНИЛОВ РОМАН МИХАЙЛОВИЧ,
СТОЛЯР ДЕНИС ГЕННАДЬЕВИЧ, ШУЛЬЖЕНКО НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

СМОТРЯ В БУДУЩЕЕ — ВСПОМИНАЕМ ПРОШЛОЕ (из истории ХИИК СибГУТИ)

В данной работе авторы возвращаются к некоторым страницам развития Хабаровского института инфокоммуникций (филиал) ФГБОУ ВО СибГУТИ (ХИИК СибГУТИ), ибо, не зная истории, трудно строить будущее. Представленная работа охватывает период с 1958 по 2004 год.

Ключевые слова: специалист отраслей связи, студент, преподаватель, Хабаровск, ХИИК СибГУТИ, ХУКП НЭИС.

Keywords: communications industry specialist, student, lecturer, Khabarovsk, KHIIK SibGUTI, KHUKP NEIS.

В этом году Хабаровскому институту инфокоммуникций (филиал) ФГБОУ ВО СибГУТИ (ХИИК СибГУТИ) (далее — Институт, филиал) исполняется 66 лет.

Нам, людям, свойственно по прохождении времени вспоминать прошедшее, с чего всё начиналось... Прежде всего, мы вспоминаем, что свою деятельность Институт начал в 1958 году с создания Хабаровского учебно-консультационного пункта Новосибирского электротехнического института связи (ХУКП НЭИС) для подготовки инженеров-связистов по заочной форме обучения.

Учебный корпус №1, г. Хабаровск, ул. Ленина 73

Изучая научные материалы по освоению Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока (М. С. Высоков, А. А. Глущенко, В. А. Морев, Г. Н. Шапошников и др.), мы видим, что вопросы организации и обеспечения связи (почта, телеграф, телефон) [1; 2; 6; 17; 18; 19] с каждым периодом развития российской государственности (Российская империя, Советский Союз и современная Россия) всегда были важны не только в связи с управлением социально-экономическим развитием регионов, но, прежде всего, в связи с обеспечением национальной безопасности и защиты национальных интересов страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе (А. И. Макаренко, А. Ю. Плотников, А. Ф. Рогоза, К. В. Соколов, Г. Н. Шапошников и др.) [3, с. 524–526; 4; 15; 16; 18].

Но с конца 1940-х – 1950-х годов особую актуальность для регионов Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока (особенно приграничных районов), учитывая их отдалённость и малозаселённость, приобрела радиосвязь, то есть связь без проводов на дальние расстояния. В мире разгоралась холодная война, необходимо было противопоставить враждебной пропаганде свою информацию, поэтому строились передающие центры большой мощности. Кроме того, наступала эра космических полётов, а для обеспечения космонавтов устойчивой связью как нельзя лучше подходил Хабаровск. Наше вещание можно было принимать в любой стране мира, это подтверждали наши посольства из разных стран. С 1961 года началась почётная и сверхответственная работа по обеспечению космических полётов. Первым был полёт Ю. А. Гагарина. Далее до полутора десятков полётов обеспечивал радиоцентр № 7 и приёмный центр № 2.

Развитие средств связи требовало специалистов высокой квалификации. Готовили их вузы связи: Московский электротехнический институт связи (МЭИС), электротехнические институты в Куйбышеве, Ташкенте, Одессе и Самаре, Ленинградский электротехнический институт связи имени М. А. Бонч-Бруевича и Всесоюзный заочный институт связи с филиалами в Минске и Тбилиси. Но выпускники этих учебных заведений задерживались на Дальнем Востоке недолго. Поэтому Хабаровская дирекция радиосвязи и радиовещания выступила с инициативой перед бюро крайкома КПСС о подготовке высококвалифицированных специалистов связи по заочной форме обучения в Хабаровске. И в феврале 1958 года было принято решение открыть учебно-консультационный пункт НЭИС [14].

Первыми студентами-заочниками стали выпускники Хабаровского электротехникума связи (ХЭТС). В основном это были люди, хорошо освоившие практику, занимающие руководящие посты, инженерные должности, но не имеющие высшего образования. В это время резко менялась элементная база средств связи — переходили на полупроводниковые приборы, поэтому необходимо было осваивать теорию, внедрять новую технику.

Первым директором ХУКП был Алексей Афанасьевич Парфенников. Работу вместе с ним начинали методист А. П. Бардаева, секретарь З. Е. Пучкова, библиотекарь Т. Ф. Бабич, заведующий лабораториями А. Т. Быстров. Штатных преподавателей было двое: преподаватель математики А. С. Кантур и преподаватель физики В. Н. Александрович.

В. М. Сурков

Разместился ХУКП НЭИС в электротехникуме связи (в годы Великой Отечественной войны здесь был госпиталь). Занимал он три комнатки на первом этаже, причём в одной располагалась науч-

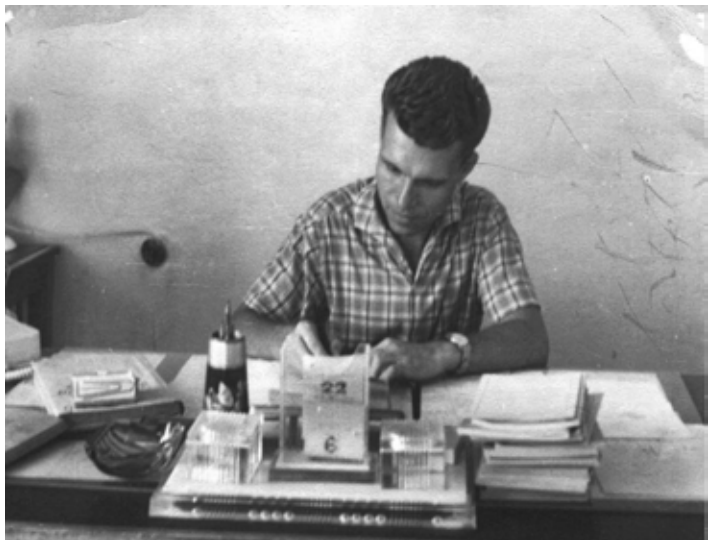
но-техническая библиотека. В 1963 году заведующим ХУКП был назначен выпускник НЭИС В. М. Сурков.

Первые три года студенты заочной формы обучения учились в Хабаровске, а обучение на 4–5 курсах и дипломное проектирование продолжали уже в НЭИС. Сам институт за время своей деятельности неоднократно менял название: в 1994 году постановлением коллегии Госкомитета по высшей школе и приказом Министерства связи РФ Новосибирский электротехнический институт связи был преобразован в Сибирскую государственную академию телекоммуникаций и информатики (СибГАТИ), а в 1998 году академия была переименована в Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ). До тех пор, пока студенты-заочники учились на младших курсах, обходились преподавателями-совместителями, но с переходом на старшие курсы возникла острая необходимость в преподавателях, имеющих специальное образование.

В 1962 году из головного вуза в Хабаровск приехали выпускники НЭИС Ю. Д. и И. Н. Козляевы, К. А. Яковенко, в 1965 году — В. Н. Кудашов. В 1966 году после пяти лет работы на радиопередающем центре в ХУКП пришла В. Л. Ковалёва, впоследствии почти 20 лет проработавшая заместителем директора филиала. В последующие годы коллектив пополнился преподавателями Т. С. Грязновой, М. И. и Г. А. Микрюковыми (1968 г.), А. И. и Н. Г. Горбуновыми, А. П. и И. П. Федоренко (1970 г.).

Большую помощь оказывали кафедры головного вуза — приезжали ведущие преподаватели В. В. Хайновская, А. Л. Алексеенко, С. Я. Седельников, Г. П. Хазанов и другие.

1969 год стал переломным в истории ХУКП. По представлению НЭИС приказом министра связи СССР № 256 от 7 апреля учебно-консультационный пункт был преобразован в Хабаровский филиал Новосибирского электротехнического института связи [12; 13]. Возглавил новое структурное подразделение выпускник радиофакультета НЭИС Андрей Васильевич Ананьин, который к тому времени работал начальником отделения ХЭТС.

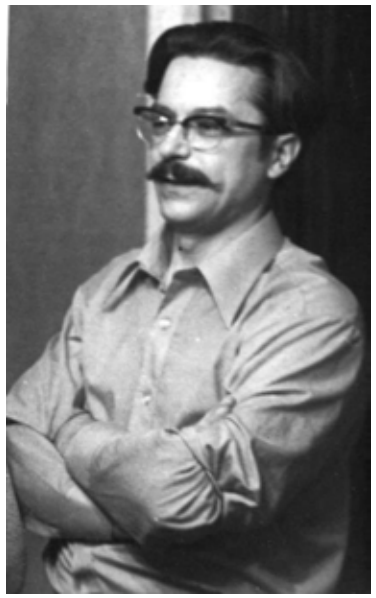


А. В. Ананьин

В 1971 году А. В. Ананьин и В. Н. Кудашов поступили в очную аспирантуру МЭИС, и директором филиала был назначен Г. Г. Лепёхин, который прошёл уже трудовую школу в пос. Раздольном и Хабаровске.

В. Н. Кудашов

К этому времени здание техникума по улице Ленина, 73, перешло полностью в собственность филиала. Началась его реконструкция, причём это было коренное изменение всего облика. Появились большие аудитории, лабораторные помещения, библиотека, читальный зал.



Г. Г. Лепёхин

Преподаватели и сотрудники тоже принимали активное участие в этом сложном и ответственном деле, особенно на завершающем этапе. К 1976 году реконструкция первой очереди завершилась, и учебный процесс полностью стал проходить в стенах филиала. В 1976–1981 годах после реконструкции второй очереди здания студенты филиала получили общежитие на 150 мест.

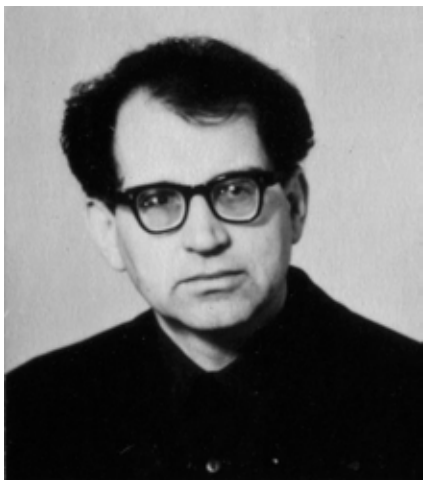
В 1974 году возвратились из аспирантуры кандидаты технических наук А. В. Ананьин и В. Н. Кудашов, и в филиале начала зарождаться наука. Были созданы и обеспечены учебными макетами 19 лабораторий, увеличился библиотечный фонд.

В 1981 году директором филиала стал выпускник НЭИС Виктор Николаевич Кудашов. В это же время в НЭИС вместо П. Г. Каранчука проректором по заочному обучению был назначен Аркадий Николаевич Никольский. Сам бывший заочник, он высоко поднял знамя заочного обучения. В его бытность на заочном факультете НЭИС и в филиале был взят курс на активное взаимодействие учебных заведений с предприятиями связи. Началась работа по организации

выездных вступительных экзаменов в городах региона, что было особенно актуально при наших больших расстояниях. Выездные комиссии, состоящие из представителей НЭИС, выезжали в такие города, как Магадан, Петропавловск-Камчатский, Якутск, Южно-Сахалинск, Благовещенск, Владивосток, Чита.

Везде находили взаимопонимание и помощь, особенно там, где руководителями подразделений были наши выпускники: А. П. Власов (Южно-Сахалинск), Г. Н. Каленов (Магадан), А. Н. Луненков (Петропавловск-Камчатский). Кроме вступительных испытаний преподаватели филиала проводили и сессионные занятия в этих городах, принимали зачёты и экзамены на 1–2 курсах. Не счесть часов, проведённых в воздухе преподавателями филиала А. А. Гусковой, А. Г. Зарубиным, И. П. Филимоновой, О. А. Бекасовой, О. Д. Шереметьевым, Н. Д. Казаковой, обеспечивающими учебный процесс на выезде. Все эти мероприятия в какой-то мере облегчали жизнь студентов-заочников, способствуя в то же время и повышению качества обучения.

Филиал развивался, увеличивался штат педагогов, рос контингент. Преподаватели регулярно проходили обучение на факультете повышения квалификации при МЭИС.



А. Г. Зарубин

О. Д. Шереметьев

В 1985 году в филиале были организованы три факультета: «Радиосвязь, радиовещание и телевидение» (РРТ) во главе с деканом А. В. Ананьиным, «Многоканальные телекоммуникационные системы» (МТС) — с деканом А. Г. Зарубиным и «Сети связи и системы коммутации» (ССиСК) — с деканом О. Д. Шереметьевым. Методистами этих факультетов длительное время работали Л. М. Войтович и Г. С. Лепёхина.

В 1991 году в филиале произошла первая защита дипломных проектов выпускников специальности РРТ. Председателем государственной аттестационной комиссии (ГАК) являлся генеральный директор АО «Электросвязь», наш выпускник В. П. Золотов.

Работает государственная аттестационная комиссия РРТ

С 1996 года защита дипломов по специальностям ССиСК и МТС происходит в Хабаровске. Это позволило избавить студентов от необходимости выезжать для этого в Новосибирск. Председателями ГАК по этим специальностям тоже являлись наши выпускники: В. Д. Каспирович, Г. Н. Фурлянд и другие.

С 1994 года в филиале открывается дневное обучение студентов (на основании лицензии Госкомвуза России от 06.03.1994 № 16Г-542, срок действия лицензии — до 30.03.1999). В этот год началась подготовка специалистов по специальности РРТ, с 1996 года — по специальности ССиСК, с 1999 года — по специальности «Экономика и управление на предприятиях связи» (ЭУПС), а с 2001 года — по специальности МТС. Была проведена реорганизация факультетов, первым деканом факультета заочного обучения была избрана Т. С. Грязнова.

С 1996 года в филиале было создано ещё одно направление учебной работы — сокращённая подготовка специалистов на заочном факультете по специальностям РРТ, ССиСК, МТС, а затем и ЭУПС. Студентов набирали из числа выпускников колледжа связи и информатики. Позднее, в 2000 году, началась подготовка специалистов по сокращённой форме обучения и на дневной форме обучения по специальностям РРТ, ССиСК, МТС.

В 1998 году Хабаровский филиал впервые прошёл самостоятельное лицензирование и в очередной раз изменил своё наименование [11]. К этому времени в его составе действовало восемь кафедр: истории и словесности (заведующий кафедрой — доцент Л. В. Бакулина), математики и физики (доцент А. Н. Селезнёва), информационных технологий (доцент А. И. Андреев), экономики (старший

преподаватель Н. М. Труфакина), ТЭС, электроники и метрологии (профессор В. А. Константинов), телекоммуникационных систем и сетей (профессор А. В. Ананьин), документальной электросвязи (доцент О. Б. Ананьина) и многоканальных телекоммуникационных систем (доцент Л. В. Кудашова).

В 1999 году Институт успешно прошёл второе лицензирование и получил лицензию Минобразования России от 01.04.1999 № 24Г-0300 (срок действия лицензии — до 01.04.2005) на право ведения образовательной деятельности в сфере высшего профессионального образования по пяти специальностям, а также по программам среднего профессионального и дополнительного образования.

В 2001 году во исполнение решения учёного совета СибГУТИ от 27.11.2001 (протокол № 3) приказом ректора университета от 07.12.2001 № 1/88 Хабаровский колледж связи и информатики университета введён в состав Хабаровского филиала в качестве структурного подразделения. Филиал приступил к обучению специалистов как по программам высшего, так и среднего профессионального образования [8].

С 2002 года в институте начал работу отдел дистанционного образования для студентов заочного факультета. Теперь по сети Интернет студенты заочной формы обучения стали иметь возможность сдать тесты, контрольные, а также зачёты и экзамены по ряду дисциплин на 1–3 курсах сокращённой формы обучения.

В 2004 году на основании приказа Федерального агентства связи Хабаровский филиал СибГУТИ был переименован в Хабаровский институт инфокоммуникаций государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (ХИИК (филиал) ГОУ ВПО СибГУТИ) [9].

Время идёт, и на смену ветеранам приходят новые люди. ХИИК, как и головной вуз — СибГУТИ (Новосибирск), чётко определяет для себя перспективу дальнейшего движения: прежде всего инновационное развитие с учётом современной политической обстановки вокруг России.

Список использованных источников

1. *Высоков, М. С. Электросвязь в Российской империи от зарождения до начала XX века : монография / М. С. Высоков. — Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2003. — 272 с.*
2. *Глущенко, А. А. Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900–1917 гг.) : монография / А. А. Глущенко. — Санкт-Петербург : ВМИРЭ, 2005. — 629 с.*
3. *История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 5 : Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. / [А. С. Ващук и др.] ; под общ. ред. В. Л. Ларина ; отв. ред. А. С. Ващук ; Российская акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. — Владивосток : Дальнаука, 2018. — 902 с.*
4. *Макаренко, А. И. Политика России на Дальнем Востоке по закреплению Тихоокеанского побережья (середина XVII – начало XX в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / А. И. Макаренко. — Хабаровск : ДВГГУ, 2009. — 27 с.*
5. *Материалы по истории связи в России: XVIII – начало XX в. : обзор документальных материалов / сост. Ф. И. Бунина, В. И. Вельбель, К. П. Генкина [и др.] ; М-во связи СССР, Центр. музей связи им. А. С. Попова ; Ленингр. гос. ист. арх. — Ленинград : Лениздат, 1966. — 270 с.*
6. *Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Приложение второе : Почта и телеграф в XIX столетии. — Санкт-Петербург : Тип. МВД, 1902. — 242 с.*
7. *Морев, В. А. Первые проекты и начало проведения электрического телеграфа через Сибирь и Дальний Восток (1850-е – 1870-е годы) / В. А. Морев. — Текст : электронный // Новый ист. вестн. — 2015. — № 3. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-proekty-i-nachalo-provedeniya-elektricheskogo-telegrafa-cherez-sibir-i-dalniy-vostok-1850-1870-e-gody (дата обращения: 06.03.2024).*
8. *О введении в состав Хабаровского филиала «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (ХФ «СибГУТИ») «Хабаровского колледжа связи и информатики» (Во исполнение решения Учёного совета университета от 27.11.2001 (протокол № 3) : Приказ ректора университета от 7.12.2001 № 1/88 // Исторический формуляр (ИФ). ХИИК СибГУТИ.*
9. *О переименовании Хабаровского филиала Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» в Хабаровский институт инфокоммуникаций (филиал) Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (ХИИК ГОУ ВПО «СибГУТИ») : Приказ Федерального агентства связи от 26.11.2004 № 25 // ИФ. ХИИК СибГУТИ.*
10. *О переименовании «Хабаровского филиала Новосибирского электротехнического института связи в г. Хабаровске» в «Хабаровский филиал Сибирской государственной академии телекоммуникаций и информатики» в связи с переименованием головного вуза : Приказ ректора Академии от 20.12.1994 № 1/170 // ИФ. ХИИК СибГУТИ.*
11. *О переименовании «Хабаровского филиала Сибирской государственной академии телекоммуникаций и информатики» в «Хабаровский филиал Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (ХФ СибГУТИ)» в связи с переименованием головного вуза : Приказ ректора университета от 15.09.1998 № 1-100 // ИФ. ХИИК СибГУТИ.*
12. *О создании филиала Новосибирского электротехнического института связи в г. Хабаровске : Приказ по Новосибирскому электротехническому институту связи от 23.09.1969 № 440 // ИФ. ХИИК СибГУТИ.*
13. *Об организации и строительстве филиала Новосибирского электротехнического института связи в г. Хабаровске : Приказ Министерства связи СССР от 7.04.1969 № 256 // ИФ. ХИИК СибГУТИ.*
14. *О структуре и штатах комитета по радиовещанию и телевидению Хабаровского края на 1958 год : Решение № 74 от 24.02.1958 // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 1897. О. 11. Д. 45. Л. 12.*
15. *Плотников, А. Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века: Двести пятьдесят лет движения*

России на Восток: монография / А. Ю. Плотников. — Москва : КомКнига, 2007. — 240 с.
16. Рагоза, А. Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развитие боевых сил Приамурского военного округа / сост. А. Ф. Рагоза. — Хабаровск : Тип. Штаба Приамур. воен. округа, 1891. — 154 с.
17. Развитие связи в СССР 1917–1967 гг. / ред. В. А. Володарская. — Москва : Связь, 1967. — 497 с.
18. Соколов, К. В. Правительственная связь Российской империи: Конец XVIII – начало XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / К. В. Соколов. — Москва : РПА, 2005. — 219 с.
19. Шапошников, Г. Н. Сибирский телеграф: геополитический аспект / Г. Н. Шапошников // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. — 2004. — № 1. — С. 90–99.

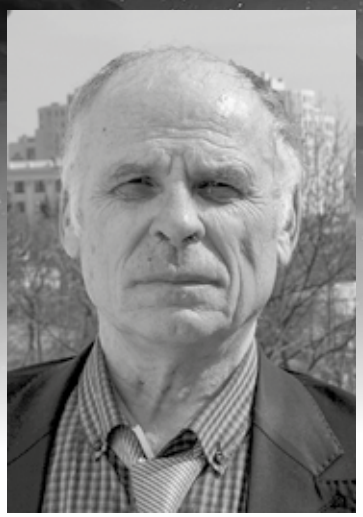
Фотографии предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 21.02.2024.

Сведения об авторах:
Бойко Маргарита Анатольевна, студентка 3 курса факультета «Информатика и вычислительная техника» ХИИК (филиал) СибГУТИ (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: secret@hiik.ru.

Данилов Роман Михайлович, доцент, кандидат технических наук, заместитель директора ХИИК (филиал) СибГУТИ по учебной и научной работе (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: danilovroman@mail.ru; тел. 8-924-311-17-66.

Столяр Денис Геннадьевич, студент 3 курса факультета «Информатика и вычислительная техника» ХИИК (филиал) СибГУТИ (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: denis-stolyar@mail.ru.

Шульженко Николай Владимирович, доцент, кандидат социологических наук, руководитель группы научно-инновационных разработок и дополнительного образования ХИИК (филиал) СибГУТИ (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: shulzhenko60@bk.ru; тел. 8-924-217-36-15.



КОВАЛЬЧУК МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

«ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...»: СУДЬБА РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА-ПРОВИНЦИАЛА П. И. КРЕЧЕТОВА

В статье рассматривается жизненный путь провинциального чиновника, уроженца г. Ельца Орловской губернии Петра Ивановича Кречетова. Это был не типичный чиновник, а интеллигент, совмещавший чиновничью карьеру с литературным творчеством. Автор путём привлечения неизвестных ранее документов и материалов прослеживает все перипетии его биографии на фоне культурной жизни российской провинции в европейской части страны, на Дальнем Востоке и в эмиграции. Также дан анализ его наиболее выдающихся литературно-критических произведений.

Ключевые слова: интеллигенция, провинция, литератор, чиновник, эмигрант, литературный и музыкальный критик, публицист, издатель и журналист.

Keywords: intelligentsia, province, litterateur, official, emigrant, literary and music critic, publicist, publisher and journalist.

Просматривая в Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ) справочник «Писатели, учёные и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг.», изданный в 1922 году во Владивостоке, я обнаружил статью, посвящённую Петру Ивановичу Кречетову. Но прежде чем повести речь о нём, хотелось бы несколько слов сказать о самом справочнике. Безусловно, уникальны место и время издания справочника. Владивосток был тогда под властью белых, а точнее, Временного Приамурского правительства братьев Спиридона и Николая Меркуловых, при поддержке японцев, отчаянно боровшихся с Дальневосточной республикой, так называемым «буфером», за спиной которого стояла Советская Россия. В это же время из Центральной России и Сибири во Владивосток стекалось большое число интеллигенции, напуганной революцией и эксцессами Гражданской войны. Без дела они не сидели. Открывались высшие учебные заведения, издавалось множество газет. Проводились художественные выставки, ставились театральные постановки. Культурная жизнь в приморской столице буквально кипела. В этой связи появление справочника, посвящённого культурной элите Дальнего Востока, вполне объяснимо. Уникальное время породило и уникальное издание. Его автор скрывается под псевдонимом И-ч. В многотомном справочнике псевдонимов находим его расшифровку: «И-ч» — Борис Анатольевич Ивашкевич [21, с. 425]. Однако, по мнению сотрудника ДВГНБ Татьяны Васильевны Кирпиченко, автором справочника могла быть его сестра, Вера Ивановна Ивашкевич (1890–1960 (?) гг.), вторая жена писателя Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971 гг., Хабаровск). Вероятно, через мужа она могла быть знакома с богемной средой Владивостока. Кроме того, она и сама была журналисткой [33]. Но надо иметь в виду, что Борис Ивашкевич (1889–1936 гг.), впоследствии знаменитый дальневосточный лесовод, работал на Дальнем Востоке с 1913 года, а его сестра только приехала сюда в 1921 году. Вряд ли за короткое время она смогла бы проделать большую работу по составлению указанного справочного издания. К тому же о самом Вс. Н. Иванове в справочнике помещена небольшая заметка: «Иванов, В. Н., изд. “Вечерняя Газета”. Его ст.: “Читинскій офиціоз”, “Веч. Газ”»[1] [6, с. 29]. О своём муже В. А. Ивашкевич могла бы написать и побольше. Примечательно, что самому известному писателю-дальневосточнику В. К. Арсеньеву (1879–1930 гг.), всеми любимому и почитаемому его земляками, в справочнике отведено меньше места, чем П. И. Кречетову. Уже само это обстоятельство заставило меня повнимательнее отнестись к этой личности и начать поиск.

Благодаря Интернету обнаружилось, что речь идёт о Петре Ивановиче Кречетове. Эта статья посвящена именно ему, а не Павлу Ивановичу Кречетову[2], которому по ошибке А. В. Калякина [8, с. 53] приписала авторство книги «По родному краю». Последний на рубеже XIX–XX столетий проживал в Орловской губернии и был секретарём уездного дворянского собрания. В настоящей публикации предпринята попытка реконструировать биографию Петра Ивановича Кречетова, внёсшего огромный вклад в изучение Орловской губернии. Нельзя сказать, что орловцы забыли своего земляка. Они достойно отметили его 150-летний юбилей. Ему посвящаются статьи, размещённые в Интернете, сведения о нём включены в книгу «Орловские краеведы» [5] и другие справочники [32]. Тем не менее все известные нам опубликованные его биографии являются неполными, к тому же повествование в них обрывается 1910 годом. В свою очередь, это обусловлено тем, что все публикации о П. И. Кречетове основаны на одних и тех же материалах, а для ликвидации пробелов в его биографии необходимо не только комплексное изучение уже имеющейся литературы о нём, но и вовлечение в научный оборот новых источников, в том числе архивных. В данной статье автор поставил своей целью ликвидировать имеющиеся пробелы в биографии П. И. Кречетова. По ней можно проследить судьбу русского чиновника, жившего на рубеже столетий, но чиновника одарённого, деятельного, творческого, связавшего свою жизнь с русской провинцией.

Детство и юность

Во всех биографических справочниках и словарях, доступных нам, пишется о том, что Пётр Иванович Кречетов родился 24 июня по старому стилю и 12 июня по новому стилю в 1872 году в городе Ельце Орловской губернии в семье чиновника [5; 6; 25]. Однако эти данные следует уточнить, а заодно и пролить свет на его происхождение.

Отец Кречетова, Иван Николаевич Кречетов (1844–1899 гг.), был сыном деревенского дьячка, окончившего духовное училище в г. Ливен, а затем семинарию в г. Орле. Он отличался большой аккуратностью и прилежностью, что позволило ему уже во время учебы исполнять обязанности письмоводителя непосредственно как в самой семинарии, так и в Орловской епархиальной консистории (канцелярии). В 1869 году, по окончании семинарии, он был оставлен в должности штатного письмоводителя в Орловской епархиальной консистории с увеличением жалования «за усердие, казенным помещением и столом». В 1870–1873 годах отец

1 Сохранена дореформенная орфография.

2 Кречетов Павел Иванович, в 1899 г. — титулярный советник, агент страхового общества «Россия» по г. Кромы Орловской губернии [см.: 30, с. 183].

П. И. Кречетова был псаломщиком Елецкой кладбищенской Казанской церкви. Эта церковь, хотя и была основана в 1781 году, то есть при Екатерине Великой, только во второй половине XIX века получила свой штат, состоявший из священника, дьячка и псаломщика. Однако долго в этой церкви Иван Николаевич не продержался и в начале 1874 года занимает должность канцеляриста в прокуратуре Елецкого окружного суда. В конце того же года поступил на службу в Орловское губернское правление. За четверть века на государственной службе он продвинулся с должности корректора губернских ведомостей до должности старшего делопроизводителя [11]. Согласно данным официального справочника, в 1895 году И. В. Кречетов имел чин коллежского асессора [29, с. 32].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что Пётр Иванович Кречетов хоть и родился в Ельце, но своей малой родиной по праву мог считать только г. Орёл, куда он переехал с родителями, можно сказать, младенцем, где прошло его детство и юность. Действительно, его отец был чиновником, но выходцем из церковной среды. И дед, и отец, и родной дядя по отцовской линии так или иначе были связаны с церковью. И если дед «тянул лямку» сельского дьячка, а отец бросил церковную карьеру, то дядя, Александр Николаевич Кречетов, был членом Орловской духовной епархии и её благочинным, под надзором которого в плане соблюдения «благочиния» (общественного порядка) находилось более десятка церквей.

Надо иметь в виду и то обстоятельство, что Иван Николаевич Кречетов, отец нашего персонажа, был всего лишь псаломщик, то есть чтец в кладбищенской церкви. Это низшая должность среди белого приходского духовенства. Отмечая усердие Ивана Николаевича и оставив его при духовной консистории, епархиальное начальство не сочло нужным дать ему приход после окончания семинарии. Переход его с церковной службы на светскую не был предосудителен. Его нельзя было причислить к попам-расстригам, так как псаломщиков не рукополагали и, таким образом, не возводили в священнический сан.

Вероятно, Иван Николаевич был глубоко верующим человеком. В то же время его волновали сугубо мирские проблемы: он был уже женат и у него появились дети (их у него всего было пятеро), что заставило его перейти на гражданскую службу. Всё это не могло не отразиться на мировоззрении его сына, Петра Ивановича Кречетова. Забегая вперёд, отметим, что он в какой-то степени повторил судьбу отца.

Орёл в 1890-х годах представлял собой губернский город, в котором проживало около 69,7 тысячи человек. В Орловской губернии было ещё 11 городов, из которых самые крупные — Елецк (47 тыс. чел.), Брянск (24,8 тыс. чел.). Всего же в Орловской губернии насчитывалось чуть более 2 млн человек населения, но преимущественно крестьянского (88 %) [31, с. VII], так как орловские земли находились в плодородной чернозёмной полосе России. Кроме того, Орёл был административным центром, культурной столицей региона. Тогда в нём были мужская гимназии и реальное училище. К началу XX века к ним присоединилась ещё одна мужская гимназия и кадетский корпус. Все эти учебные заведения предназначались для юношества, но только в реальном училище получали образование сыновья купцов и мещан, а в гимназиях и кадетском корпусе — преимущественно дети дворян. Девочки обучались в двух женских гимназиях и Александринском институте благородных девиц. Последнее по уровню образования приравнивалось к гимназии, но упор делался на изучение языков (мёртвых и живых). Следует отметить, что Орёл уже в XVIII веке стал центром Орловско-Севской епархии Русской православной церкви [7, с. 1–6]. В её ведении в Орле были два духовных училища и духовная семинария, куда преимущественно отправляли детей церковнослужителей.

Несмотря на то что в губернском городе не было ни одного вуза, здесь имелись научные общества и заведения. В частности, от Академии наук работала метеорологическая станция, от Министерства земледелия — сельскохозяйственная. В 1885 году была образована Орловская губернская учёная архивная комиссия по выявлению, сбору и систематизации исторических документов по истории края. Среди почётных членов комиссии был генерал Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822–1899 гг.), отец знаменитого реформатора России Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911 гг.) [29, с. 67]. Комиссия положила начало архивного дела в Орловской губернии. Кроме осуществления своих непосредственных обязанностей она выпускала труды, в которых публиковались исторические документы и научные статьи. Комиссия имела богатую для своего времени библиотеку. В 1897 году она приступила к сбору вещей и артефактов с целью создания краеведческого музея в городе [37]. К началу XX века в музее имелась солидная коллекция экспонатов, в том числе картинная галерея лиц, прославивших Орёл в XIX веке. Среди них портреты писателей Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883 гг.) и Николая Семёновича Лескова (1833–1895 гг.), поэтов Фёдора Ивановича Тютчева (1803–1873 гг.), Афанасия Афанасьевича Фета (1820–1892 гг.) и Алексея Николаевича Апухтина (1840–1893 гг.), историков Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855 гг.) и Николая Герасимовича Устрялова (1805–1870 гг.), этнографа Павла Ивановича Якушкина (1822–1872 гг.) [37, с. 62–53]. Не каждая русская земля давала России столько блестящих имён, прославивших свой край, да и саму нашу страну. П. И. Кречетов вырос и сформировался на Орловской земле.

Он не относится к звёздам первой величины, но его творчество было заметно современникам и не забыто потомками.

Итак, Пётр Иванович Кречетов родился в Ельце 12 июля 1873 года, и уже на следующий год родители переехали в Орёл. С детства он был очень религиозен, и родители решили направить сына по церковной стезе. Его определили в 1-е Орловское духовное училище, которое он благополучно окончил и перешёл учиться в Орловскую духовную семинарию. Здесь он не только продолжил образование, но и готовился стать священнослужителем. В ранних биографиях нашего персонажа указывается, что «…П. И. резко отличался от своих товарищей. Он жил совсем не их жизнью, да он почти не жил в действительности, в настоящем. Вся его жизнь была в книгах. С утра до поздней ночи он где-нибудь в уединённом уголке лихорадочно глотал книги одну за другою» [25, с. 8].

Однако это была противоречивая натура. Стремление к уединению, книжному чтению сочеталось в нём с неуёмным желанием поделиться с другими своими открытиями, внутренними переживаниями. Он старался заразить и своих товарищей чтением. По его инициативе семинаристы читали и обсуждали прочитанное, в складчину покупали книги, выписывали газеты. В то же время он не участвовал в дружеских попойках и, более того, сам вступил в общество трезвости, созданное знаменитым русским учёным и педагогом Сергеем Александровичем Рачинским (1833–1902 гг.), с которым находился в переписке. Следует отметить, что Рачинский переписывался с писателем Львом Николаевичем Толстым (1828–1910 гг.), философом Василием Васильевичем Розановым (1856–1919 гг.), юристом и царедворцем Константином Петровичем Победоносцевым (1827–1907 гг.) и другими русскими мыслителями [36, с. 7]. Находиться в этом ряду адресатов С. А. Рачинского скромному орловскому семинаристу было, безусловно, большая честь.

Пожалуй, самым дерзновенным поступком юного Кречетова-семинариста было написание сочинения по Священному Писанию на выпускных экзаменах в 5-м классе, изложенное, как пишут его биографы, в «духе Ренана» [25, с. 8]. Тут надо иметь в виду два обстоятельства. Сочинение Э. Ренана «Жизнь Иисуса», впервые появившееся на свет в 1863 году, не переводилось и не издавалось на русском языке вплоть до начала XX века, когда после первой русской революции в России была ослаблена цензура [35]. Вряд ли юный Кречетов, которому исполнилось всего 18 лет, мог держать в руках эту книгу, так как она была запрещена в России. Основная её идея состоит в том, что Иисус Христос — это живой человек, а не библейский миф, хотя и имеющий реальную подоплёку. В семинаристском сочинении П. И. Кречетов не мог изложить развёрнуто свою позицию. Но она в корне расходилась и с позицией Русской православной церкви, принимающей в широком смысле учение диофиситов (греч. διο — две, φσίτης — природы) о двух «неслиянных» природах Христа, и человеческой, и божественной, и с теми христианскими монофиситскими вероучениями, которые признают единую — божественную — природу Христа. Разразился скандал, и юный «вольнодумец» чуть было не вылетел из семинарии. Тогда ему простили, но припомнили при выпуске из семинарии после шестого курса обучения. Он был единственным выпускником Орловской семинарии 1893 года, не посвящённым в стихарь, то есть не облачённым в одежду дьякона [25, с. 9].

Кречетову так же, как и его отцу, «светила» карьера псаломщика в церкви. Однако, полный стремления служения народу, он попытался пойти иным путём — стать учителем сельской церковно-приходской школы. С. А. Рачинского справедливо считают идеологом церковно-приходской школы. Тем не менее его педагогические идеи не укладываются в прокрустово ложе религиозного образования. Так, Рачинский однозначно высказался за соединение обучения с воспитанием в школах, и не просто воспитания, а духовно-нравственного, за совместное обучение девочек и мальчиков в сельских школах [34]. Вероятно, эти идеи вдохновляли молодого учителя. И первое, с чего он начал свою работу в школе, — создал на свои средства библиотеку для детского чтения, постарался открыть общество трезвости для взрослых. Сама деревенская жизнь была далека от того идеала, что описывал Рачинский в своих очерках, а принять её такой, какой она есть, самоотверженно трудиться на ниве просвещения деревенских ребятишек молодой Кречетов был не готов. Кроме того, бывший семинарист, весьма начитанный и активный, жаждущий знаний, не мог не чувствовать недостатка и однобокости своего образования, полученного в церковном учебном заведении. С разрешения министра народного просвещения Ивана Давыдовича Делянова (1818–1897 гг.) в конце октября 1894 года Кречетов поступил на юридический факультет Юрьевского (Дерптского) университета, который окончил в 1900 году. В том же году он устроился работать чиновником в Лифляндское губернское правление (г. Рига).

Творческая зрелость

Тартуский (Дерптский, Юрьевский) университет, основанный в 1632 году, — старейший университет в Восточной Европе и старейший из существовавших в Шведском королевстве (тогда Прибалтика входила в состав королевства). Изначально он был назван Academia Gustaviana в честь шведского короля Карла Густава II Адольфа, подписавшего в год своей смерти указ о его основании, и вёл преподавание на шведском языке. В период Северной войны (1700–1721 гг.) университет прекратил свою деятельность и открылся вновь

только в 1802 году уже при российском императоре Александре I [43, с. 857]. Несмотря на более чем 80-летний перерыв в своей работе, университет сохранил свою специфику — готовить специалистов с высшим образованием из остзейских немцев, так как преподавание в нём велось на немецком языке. Это, с одной стороны, открывало возможности для научного и образовательного обмена между российскими и европейскими учёными, преподавателями и студентами, а с другой — ставило остзейских немцев в привилегированное положение по отношению к остальным подданным империи. «Русификация» Юрьевского университета, проводимая в период «контрреформ» Александром III, объективно вела к демократизации образовательного процесса. Непосредственно на юридическом факультете ведение дисциплин на русском языке началось с 1889 года. Преподаватели, которые читали лекции на русском языке, стали получать повышенное жалование [24, с. 139]. Это открывало двери университета для россиян всех национальностей, так как русский язык уже в 19 столетии становился языком межнационального общения.

С другой стороны, в царской России в XIX веке поступить беспрепятственно в университет могли только лица, окончившие гимназии, остальные обладатели среднего образования (выпускники семинарий, реальных училищ) могли сделать это только с высочайшего соизволения министра. Исключение делалось только для вновь открывшегося Томского университета, так как в Сибири гимназий было крайне мало [24, с. 139]. Вероятно, ехать в далёкую и неведомую Сибирь П. И. Кречетов тогда ещё не был готов.

Таким образом, выбор учебного заведения был вовсе не случаен. Он был обусловлен не только тем, что Юрьевский университет был более доступен для молодых людей, но и более привлекателен — для властей русские студенты были здесь желательные. Более того, он имел имидж одного из наиболее либеральных высших учебных заведений страны, куда переводились студенты, исключённые по тем или иным причинам из других вузов страны [43, с. 859].

П. И. Кречетов отличался от своих сверстников не только мечтательностью, стремлением к уединению и размышлению, но и небывалой публицистической активностью. Первая его статья появилась в «Орловском вестнике» 2 июня 1889 года, когда ему было всего 16 лет. Затем он помещал свои произведения в следующих изданиях: «Современный театр и музыка», «Живописное обозрение», «Театр и искусство», «Самарский вестник», «Русский паломник», «Орловские губернские ведомости», «Рижские новости», «Рижская мысль», «Рижский вестник», «Русское богатство», «Русские ведомости», «Наша жизнь», «Сын Отечества», «Мировые отголоски», «Биржевые ведомости», «Русская жизнь», «Живописное обозрение», «Северный курьер», «Петербургские ведомости», «Петербургская жизнь», «Смоленский вестник», «Орловский вестник» и других. Восстановить в полном объёме творческое наследие П. И. Кречетова не представляется возможным. Его статьи, как мы видим, разбросаны по десяткам изданий, многие из которых не дошли до нашего времени. Кроме того, зачастую он писал их под псевдонимами, другие и вовсе не подписывал.

Если попытаться определить его творческое амплуа, то ближе всего к нему подходит слово «литератор». Это и писатель, и поэт, и публицист, и литературный, и театральный критик, и редактор, и издатель, и, безусловно, журналист в одном лице. Однако писательство было его призванием, но отнюдь не профессией. Он был семинаристом, студентом университета, учителем, чиновником и всё это время совмещал основные занятия с литературным трудом.

Его произведениям свойственна высокая степень рефлексии как своих внутренних переживаний, так и происходящего вокруг него. Так, в 1892–1893 годах в печати появились его статьи под характерными названиями: «Задачи школы», «Сельские учителя», «Значение систематического чтения», «К вопросу об экзаменах», «Нужны ли баллы?»[3]. Автор, ещё не будучи учителем, уже пишет свои соображения о своей будущей профессии, а, став им, высказывает критические суждения о существовавшей балльной системе оценки знаний в начальной школе, где он преподавал.

Он живо откликался на все важнейшие события из жизни родного края. В 1897 году в приветственной телеграмме в адрес Орловского общества изящных искусств, организовавшего чествование памяти И. С. Тургенева, он писал: «У меня с именем И. С. соединяется представление о минувших днях моей духовной жизни, о лучших чувствах и благородных порывах, волновавших меня» [25, с. 13].

Кречетов был не просто сторонним зрителем, описывающим свои наблюдения, но и деятельным исследователем-краеведом. Летом 1894 года, перед поступлением в университет, он совершил путешествие по Тульской, Орловской, Черниговской, Смоленской, Курской губерниям, изучая их в историко-этнографическом и экономическом отношениях. Результатом этой поездки явилась книга «Родной край». Впервые она вышла из печати в 1889 году в Орле [45], а затем была переиздана в Риге [15], где в это время служил П. Кречетов. Современные исследователи отмечают остросатирический стиль изложения материала. Особой критике подверглась интеллигенция, которая в уже укоренившейся в конце XIX века традиции должна была быть полна благородных идей служению народу, но быстро шла на дно сонного провинциального болота, предавшись

3 Сами статьи П. И. Кречетова нам оказались так же недоступны, как и газеты, в которых они были опубликованы. Здесь мы доверяемся его биографам [см.: 6].

пьянству. В то же время в книге содержатся интересные наблюдения по экономике городов средней полосы России, их быта и нравов. Поэтому она не потеряла своё научное и познавательное значение и в наши дни. Учитывая это обстоятельство, в 2003 году в серии «Золотая книга Орловщины» вышла книга, содержащая выдержки из названного дореволюционного издания [10].

Пробовал себя П. И. Кречетов и как литературный критик. В 1903 году из-под его пера вышла небольшая брошюра, посвящённая широко известным в начале прошлого века писателям: Алексею Максимовичу Пешкову (псевд. Максим Горький) (1868–1936 гг.) и Леониду Николаевичу Андрееву (1871–1919 гг.) [12]. Можно предположить, что выбор персонажей этой книги был обусловлен не только их небывалой популярностью, не тем, что оба они пытались в молодости свести счёты с жизнью, что не ускользнуло от внимания автора. В остальном они были людьми разными. М. Горький — босяк, опускавшийся на самое дно жизни и приведший в русскую литературу таких же босяков, как и он сам. Он практически нигде не учился. Второй персонаж, несмотря на то что рано лишился отца, с трудом, но окончил гимназию, а затем — университет. Но если произведения первого, вопреки всему, полны сдержанного оптимизма, то у второго, наоборот, ввергают читателя в определённое уныние. Однако оба они одарённые писатели, предчувствующие будущую драму и трагедию русского общества начала XX века. И хотя П. И. Кречетову более симпатичен как писатель М. Горький, «достаётся» и ему. Так он пишет: «Большие произведения: “Фома Гордеев”, “Трое” и начало повести “Мужик” в художественном отношении стоят ниже рассказов. В них есть отдельные прекрасные места, но в целом они крайне растянуты. Повторяются целые сцены. Так, мы выше привели из рассказа “Тоска” превосходную сцену хорового пения в трактире. Вариации на эту тему есть и в “Троих”, и в “Фоме Гордееве”, но в них уже нет той поразительной силы и красоты, от которых в жутком умилении рыдал мельник в “Тоске”» [12, с. 24].

По воспоминаниям его сокурсников, П. И. Кречетов был заядлым меломаном и театралом — несколько статей, опубликованных им, посвящено русскому фольклору крестьян Орловской губернии. Ещё более чётко проявились его театральные пристрастия в 1899 году, когда он опубликовал небольшой очерк, посвящённый крепостному театру графа Сергея Михайловича Каменского (1871–1835 гг.) [30, с. 5–15], который стал прообразом одного из героев повестей — Александра Ивановича Герцена (1812–1870 гг.) «Сорока-воровка» и Н. С. Лескова (1831–1895 гг.) «Тупейный художник». Последний, вероятно, сгустил краски, охарактеризовав заведение С. М. Каменского как театр-тюрьма, тем не менее, нравы в нём были суровые. Граф самолично сёк крепостных артистов за любые оплошности на сцене. Очерк П. И. Кречетова представляет набор исторических анекдотов об этом театре, который с 1814 по 1834 год был единственным в Орле публичным постоянно действующим театральным заведением.

В 1910 году им была издана небольшая брошюра, посвящённая жизни и творчеству двух прославленных оперных певиц и танцовщиц: Марии Николаевны Кузнецовой (1880–1966 гг.) и Лины Кавальери (1874–1944 гг.). Принцип подбора персонажей для обоих очерков тот же, что и в брошюре о двух русских писателях: сопоставление и противопоставление судеб и творчества талантливых людей.

Первая — баловень судьбы, родилась в семье академика Академии художеств Николая Дмитриевича Кузнецова (1850–1929 гг.), в молодости бунтаря, художника-передвижника, в зрелом возрасте — маститого художника-портретиста, кисти которого принадлежит классический портрет Петра Ильича Чайковского (1840–1893 гг.). Именно с детских впечатлений маленькой Маши Кузнецовой от встреч с великим композитором начинается очерк П. И. Кречетова о певице. Разумеется, она получила блестящее музыкальное образование, и в целом её артистическая карьера была безоблачна вплоть до 1917 года.

С. М. Каменский

Лина Кавальери родилась в Риме и, наоборот, была из бедной итальянской семьи. Она рано начала работать, затем выступала как певица и танцовщица в различного рода увеселительных заведениях, а то и просто на улицах Рима, и только в 1894 году попала на сцену театра. В 1897

Лина Кавальери

году она впервые приехала в Россию и в течение шести следующих лет регулярно бывала в нашей стране. Безусловно, обе женщины были талантливы и как певицы, и как танцовщицы. А ещё они были очень красивы, что также помогало их сценической карьере.

Возвращаясь к очеркам, посвящённым двум оперным дивам, следует отметить, что в целом они написаны в благожелательном тоне. Провинциальный чиновник, каким был П. И. Кречетов, вряд ли мог видеть часто блистательных актрис на сцене, а потому доверился театральным критикам, которые публиковали свои отчёты об их выступлениях.

Критические и остросатирические статьи в периодических изданиях вызывали живой отклик у обывателей, и не всегда благожелательный. Он писал: «Девять лет скоро будет, как я сделался корреспондентом. Не много времени, но сколько пережито, сколько перечувствовано! Вас ругают, над вами смеются, вас избегают. Но хорошо было бы, если бы вы только один страдали. Нет, из-за вас страдают и родственники. Им говорят: это ваш родственник пишет? И их начинают теснить. Я имел неосторожность описать порядки или, вернее, беспорядки в одном учебном заведении, и моего брата оттуда исключили. Вы не можете служить, потому что начальство вам говорит: «…что-нибудь одно — иди служить, или писать!» [25, с. 13]. И эти слова принадлежат 26-летнему молодому человеку.

1890-е годы — время бурных исканий студенческой молодёжи. Демократизация студенческих учебных заведений приводила к периодически вспыхивающим студенческим волнениям [46, с. 121]. Какова была позиция самого П. И. Кречетова?

Несмотря на то что с подачи того же И. Д. Делянова создание каких- либо студенческих корпораций в вузах было строжайше запрещено [4, с. 112], в Юрьевском университете активно действовало Общество русских студентов. Оно было создано в начале 1890-х, и активным его членом был П. И. Кречетов. Кроме того, в бытность его студентом существовало ещё одно неформальное студенческое объединение «Белые слоны», в котором состояли студенты, предававшиеся разгульной жизни, проматывавшие деньги, полученные от родителей на учёбу. Как правило, это были отпрыски состоятельных родителей.

Общество русских студентов объединяло в своих рядах романтичных, ищущих ответа на животрепещущие вечные вопросы молодых людей. В 1904 году П. И. Кречетов вспоминал: «В помещении обще-студенческой столовой происходили бесконечные споры марксистов и народников. Многие студенты до крайности увлекались марксизмом или народничеством и, кроме Маркса, Туган-Барановского, Н.-[атан]сона, П. Струве, Бельтова, ничем другим не интересовались» [16 с. 358]. В этих словах чувствуется двойственность автора. С одной стороны, он прекрасно был осведомлён о том, что обсуждалось в студенческом обществе, а с другой — по прошествии нескольких лет после окончания университета считал это увлечение народничеством и марксизмом «крайностью», отвлекающей от основного занятия — учёбы. В предложенном Кречетовым списке молодёжных кумиров, кроме Марка Андреевича Натансона (1850–1919 гг.), одного из лидеров народников, а затем эсеров, преобладают марксисты: Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919 гг.), Пётр Бернгартович Струве (1870–1944 гг.), Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918 гг.) (Бельтов). Примечательно то, что ни один из них не принял Октябрьскую революцию 1917 года.

Сам Кречетов, полагаю, читал Карла Маркса (1818–1883 гг.) и был знаком с трудами видных русских «легальных» марксистов. Об этом свидетельствует тот факт, что он основательно проштудировал работу своего земляка Сергея Николаевича Булгаковаа (1871–1944 гг.) «Капитализм и земледелие». В молодости известный религиозный мыслитель не миновал увлечения марксизмом. Однако уже в этой работе С. Н. Булгаков, имея в виду К. Маркса, писал: «…Он считал возможным мерить и предопределять будущее по прошлому и настоящему, между тем как каждая эпоха приносит новые факты и новые силы исторического развития… Поэтому, что касается предсказаний на будущее, то честное ignoramus мы предпочитаем социальному знахарству или шарлатанству» [3, с. 457–458]. Возражая С. Н. Булгакову, П. И. Кречетов писал: «В силу принципа, что “savoir c'est prévoir”[4], можно сказать, что без возможности предсказаний нет науки и нет теории. Отрицательный вывод г. Булгакова получился лишь оттого, что во всех своих теоретических рассуждениях он неизменно исходит от Маркса и возвращается к Марксу» [11, с. 73]. Из этой цитаты видно, что П. И. Кречетов критически отнёсся к выводам С. Н. Булгакова и сочувственно — к марксизму. Более того, он также внёс свой вклад в дискуссию между народниками и легальными марксистами, опубликовав в печати статьи под характерными заголовками: «Кустарные промыслы в Орловской губернии» (1894 г.), «Заводская и фабричная промышленность и отхожии промыслы» (1894 г.), «Экономическое положение Орловской губернии» (1895 г.), «О развитии промышленности в Орловской губернии» (1896 г.), «Из экономической жизни Лифляндской губернии» (1901 г.) [6, с. 39]. Очевидно, что проблема развития капитализма в России волновала Кречетова со студенческой скамьи, и последняя публикация по этой теме была сделана тогда, когда он уже стал чиновником. И совершенно понятно, на

4 Savoir c' est prévoir — с французского дословно «знать — значит мочь», лаконично — «знание — сила».

чьей он стороне. Однако с годами его взгляды меняются, что нашло отражение и в его поступках, и в его творчестве.

В 1899 году на квартире П. И. Кречетова полицией был произведён обыск. К счастью для него самого, он не подвергся аресту, но в ходе обыска у него были безвозвратно изъяты материалы к публикациям и его богатый архив, о чём он долго сокрушался [6, с. 38]. Причины обыска очевидны — его публицистическая деятельность. По-видимому, этот обыск, а также смерть отца и материальные трудности помешали ему вовремя окончить университетский курс. Вместо положенных четырёх-пяти лет он учился все шесть.

До 1905 года П. И. Кречетовым было написано две драмы: «Бюрократия» и «За любовь и правду». Но обе они не были опубликованы, а текст их был уничтожен автором, так как цензура признала их неудобными к представлению на сцене [25, с. 11].

В 1909 году ему удалось опубликовать небольшую по объёму художественную книгу «Эскизы». Она включает в себя несколько произведений, которые объединены повествованием о неразделённой или безответной любви в духе романа в письмах «Страдания юного Вертера» Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749–1832 гг.). Но это не есть подражание сентиментализму рубежа XVIII–XIX веков. Современный исследователь Н. Н. Кундаева относит «Эскизы» П. А. Кречетова к малой импрессионистской прозе, получившей распространение в первой трети XX века. Она, таким образом, определяет этот жанр литературы: «Импрессионизм является феноменом, рождённым на стыке искусств (литературы, изобразительного искусства, музыки) и разных типов культур (классического, с его вниманием к точности изображения внешнего мира и внутреннего состояния личности, и модернистского, со свойственной ему предельной субъективной окрашенностью образа мира, опорой на деформацию как структурообразующий жанровый принцип)» [18, с. 6]. Действительно, герои Кречетова поют романсы, посещают концерты, присутствуют на литургии, на балах, льют слёзы под звуки музыки и т. д. Само название «эскиз» можно встретить и в лексиконе художников. Это предварительный набросок. Музыканты используют сходное понятие «этюд» — учебное произведение для начинающих музыкантов. Интересно, что слова «эскиз», «этюд» и схожие с ними встречаются в названиях произведений многих писателей, писавших в импрессионистском жанре[5]. Автор уловил время, запросы тонкой и чувствительной интеллигентной натуры. В то же время это не только дань моде. Лично Кречетов пережил какую-то любовную драму, оставившую в его душе глубокий след, в результате чего он до конца жизни остался холост.

Анализ произведений Кречетова подтверждает тезис исследователя о том, что «...в любом произведении, содержащем импрессионистскую составляющую, доминирует энергия примирения и гармонии (в этом принципиальное отличие импрессионизма от других модернистских тенденций, в частности от экспрессионизма, связанного с выражением энергии неприятия действительности)» [18, с. 13].

В 1910 году П. И. Кречетов выпустил небольшую брошюру, посвящённую выдающемуся русскому реформатору П. А. Столыпину. Это, пожалуй, первая из опубликованных его прижизненных биографий. Автор буквально боготворит своего героя. Подводя черту, П. И. Кречетов пишет: «…путь, на который П. А. Столыпин решительно и смело вступил, — верный и надёжный путь свободы, мира, цивилизации и прогресса» [14, с. 32].

В чём причина такого поворота на 180 градусов — от марксизма, критического настроя к окружающей действительности к примиренчеству, а затем и к охранительству? Надо помнить, что легальные марксисты, к которым тяготел Кречетов, вовсе не были революционерами-экстремистами. В марксизме их больше всего привлекали два момента: во-первых, обоснование неизбежной победы капиталистических отношений в России и, во-вторых, блестящее доказательство прогрессивности капитализма в сравнении с феодализмом. Социализм как цель и как идеал был им чужд.

С другой стороны, Кречетов пережил не только личную драму, отразив её в своих художественных произведениях. Он стал свидетелем кровавых событий, развернувшихся в Латвии и непосредственно в Риге. В 1905–1907 годах по накалу борьбы латвийская столица уступала лишь Санкт-Петербургу и Москве. Бурлили митинги и демонстрации, бастовали десятки тысяч рабочих, горели помещичьи усадьбы. На улицах Риги, в деревнях, в тюрьмах карателями были расстреляны и замучены без суда и следствия десятки рабочих и крестьян, русских и латышей [см.: 47]. Нынешние латышские историки пытаются трактовать события 1905–1907 годов как вооружённое восстание против национального гнёта [49]. Но в лозунгах, выдвинутых выступившими против существующей власти рабочими и крестьянами, содержались социальные, а не национальные требования. Неслучайно свидетели и участники тех далёких событий — латышские стрелки — стали преторианской гвардией Владимира Ильича Ленина (1870–1924 гг.), спасшей его правительство от левоэсеровского мятежа в июне 1918 года. Однако для себя П. И. Кречетов сделал один вывод: революция — это кровь, и тот, кто поднялся на восстание, спровоцировал кровопролитие.

5 Е. Милич, «Наброски пером»; А. Трубников, «Моя Италия. Наброски переживаний»; Д. Дрейф, «Эскизы»; Б. Гунько, «Былое. Этюд»; И. Бунин, «Осенью. Эскиз»; Б. Зайцев, «В дороге. Эскиз»; Е. Тагер, «Дорога к счастью. Этюд»; В. Серов, «В паутине жизни. Этюды»; М. Бобровский, «Этюды в прозе»; Н. Колоколов, «Этюды»; Р. Якобовский, «Этюды, эскизы, наброски»; В. Стражев, «Эскизы», и др. [см.: 18, с. 13].

Провинциальный чиновник

В 1900 году перед П. И. Кречетовым, окончившим в этом году университет, был выбор: идти в профессиональные литераторы, а он к этому времени много публиковался в печати, или использовать полученный диплом по назначению и идти в чиновники. Как уже указано выше, он сделал выбор в пользу второго. Нам доподлинно не известно, чем был обусловлен его выбор. Однако судя по тем документальным свидетельствам, которые мы имеем, служил он честно и добросовестно.

Сразу по окончании курса в университете 17 мая того же 1900 года П. И. Кречетов был принят чиновником особых поручений Лифляндской казённой палаты. Затем занимал должности столоначальника в столах: торговом, наследственном, квартирном, окладном и в столе по заведыванию делами податной инспекции. 31 мая 1901 года он по прошению был причислен к штату чинов Лифляндского губернского правления, где был задействован как делопроизводитель губернской чертёжной и губернского правления. 8 февраля 1902 года он был назначен на должность секретаря Лифляндского губернского по городским делам присутствия.

В августе 1903 года П. И. Кречетов был откомандирован в распоряжение командира 20-го армейского корпуса генерала от кавалерии Семёна Васильевича Коханова (1842–1908 гг.), штаб которого располагался в Риге. Коханов командовал южным отрядом войск во время больших манёвров, проходивших под Псковом, в ходе которых было задействовано большое число войск. Это было крупнейшее военное учение русской армии накануне Русско-японской войны. Сам Кречетов непосредственно отвечал за сношения войск с местными гражданскими властями. За деятельную и энергичную работу Кохановым была объявлена ему сердечная благодарность [6, с. 35].

С 27 сентября 1905 года П. И. Кречетов заведовал делопроизводством Лифляндского губернского комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. Достаточно долго — с 22 августа 1905 года по 8 декабря 1908-го — он работал в особом делопроизводстве по выборам в Государственную думу по Лифляндской губернии.

Официально к 1903 году Кречетов имел уже чин губернского секретаря [27, с. 10], что соответствовало 12 классу Табели о рангах. В целом служба шла для него не плохо, так как выпускник университета мог сразу рассчитывать на должность, соответствующую 14 классу. За каких-то два года Кречетов сумел подняться на две ступени Табели о рангах. В 1909 году, находясь официально в той же должности, что и в 1903-м, он имел уже чин титулярного советника [28, с. 7], то есть поднялся ещё на три ступени Табели о рангах. За это время он сменил как минимум две частных квартиры в Риге. Первая находилась по адресу: улица Романовская (ныне ул. Лачплеша), дом 89, квартира 19 [27, с. 237], вторая — улица Столбовая, дом 41 [28, с. 312]. Неизвестно, по какой причине наш герой из центральных исторических районов города переселился ближе к окраине.

Вот характеристика, данная его бывшими сокурсниками по университету: «Как чиновник П. И. отмечал, что он отличается исполнительностью, аккуратностью и честностью. За всё время своей службы он никогда не пользовался отпуском, отлучаясь только в праздники и в исключительных случаях — в будние дни; за всю свою службу в Риге он пропустил всего 25 присутственных дней. Чрезвычайно вежливый и обходительный со всеми, П. И. отличается особенною обходительностью с простым народом, являющимся в канцелярию. Просто, беспритязательно, применяясь к понятиям и знаниям просителей, он объясняет им дело, ради которого они явились, затрачивает иногда на это много времени, но не считает его бесплодно потерянным… В личной жизни это человек в высшей степени мягкий, деликатный, незлобивый, добрый и отзывчивый на всё хорошее. Не склонный к жалобам на удары судьбы, к излияниям интимного характера, он, однако, не является замкнутым человеком. П. И. — самый товарищ, не отказывающий никому в помощи, в любую минуту многие и многие находят у него слово утешения и помощь» [25, с. 13–14].

Однако Кречетов был не только ревностным чиновником, но успевал заниматься общественной деятельностью. Тот же источник пишет: «Он принимал участие в орловских и рижских просветительных и благотворительных обществах. П. И. отдавал не только свой труд, но и сердце на дело благотворительности и бескорыстное служение обездоленному ближнему» [25, с. 14].

28 июля 1906 года П. И. Кречетов был избран членом и секретарём комитета Рижского благотворительного общества для призрения русских бедных. Продолжим цитирование его восторженного поклонника: «Он вносил в дело воспитания и обучения бедных детей этого общества столько света, сердечности и любви, влияя добрым советом на руководителей и учителей и появляясь среди детей как во время учебных занятии, так и во время отдыха» [25, с. 14].

Дальний Восток

В 1910 году случилось неожиданное: П. И. Кречетов исчез из информационного пространства своих земляков и почитателей. А они у него были, судя по справочнику студентов Юрьевского университета, который мы неоднократно цитировали. Он «всплыл» благодаря другому источ-

нику — справочнику Б. И. Ивашкевича[6] [6], выпущенному во Владивостоке в 1922 году, в котором был опубликован пространный биографический очерк о П. И. Кречетове.

Итак, в октябре 1910 года вследствие просьбы Николая Николаевича Витковского (1865–? гг.), управляющего Амурской казённой палатой, П. И. Кречетов переводится из Риги в Хабаровск и назначается чиновником особых поручении при данном учреждении. Каким образом и где пересеклись пути этих двух чиновников, служивших в разных концах Российской империи, выяснить не удалось. 15 июля следующего года Кречетов назначен заведующим 2-м отделением палаты. В феврале 1912 года он уже податной инспектор Иманского, Ольгинского и Никольск-Уссурийского уездов. Одновременно состоял в Никольске-Уссурийском членом Южно-Уссурийского съезда крестьянских начальников и уездного попечительного совета. В обязанность податного инспектора входило принимать активные меры к привлечению новых налогоплательщиков прямых и косвенных налогов и сборов, наблюдать за взиманием прямых государственных и местных налогов, следить за соблюдением всеми сословными и общественными учреждениями правил счетоводства. Он вёл сбор сведений об экономическом состоянии населения податного участка и об их платежеспособности и другом [9]. Кречетову был хорошо известен характер такой работы: в начале XX века он поместил специальную заметку, посвящённую промыслам крестьян Орловской губернии, дававшим им дополнительные неучтённые доходы. В то же время непосредственной раскладкой налогов среди населения и, главное, взиманием недоимок, то есть долгов, занимались сословные — городские и сельские органы, а также полиция. Главными налогоплательщиками были крестьяне. По этой причине П. И. Кречетов был членом съезда крестьянских начальников.

Институт податных инспекторов был создан в 1885 году и находился в привилегированном положении. Инспекторы получали 1500–1800 рублей ежемесячного оклада, без региональных доплат, которые полагались им на Дальнем Востоке. У каждого из них была именная собственная печать. Для поступления на работу они должны были иметь высшее образование. К 1910 году 95 процентов податных инспекторов окончили вузы. Как и все чиновники, при поступлении на службу они давали присягу государю императору. Но, кроме этого, они же давали расписку о том, что не будут состоять ни в каких общественных и политических организациях [9, с. 14].

17 марта 1914 года, накануне Первой мировой войны, Кречетов получает чин надворного советника, что соответствовало 7 классу Табели о рангах, армейский чин — подполковника [23]. Дальнейшее продвижение по чиновничьей лестнице для Кречетова застопорилось. За десять неполных лет, с 1914-го по январь 1924 года, на Дальнем Востоке один за одним менялись публичные властители: до 1917 года существовал царский режим, в 1917 году Временное правительство сменилось Советами, в 1918 году установилась власть социалистических партий, а в конце того же года — диктатура Александра Васильевича Колчака (1874–1920 гг.), в конце 1919-го последний был свергнут и предан суду, с апреля 1920-го установилась власть Дальневосточной республики, на следующий год в Приморье — власть Временного Приамурского правительства. В 1922 году Дальний Восток присоединился к Советской России. И всё это время Кречетов оставался на своей должности. Правда, небольшие подвижки были, но в целом он не менял место работы. Так, с 1 мая 1919 года Кречетов занимает должность податного инспектора 2-го Никольск-Уссурийского городского участка. Такое перемещение было вызвано, вероятно, тем, что колчаковские правители слабо контролировали сельскую местность, находящуюся во власти партизан. Для Кречетова такое перемещение было также и благом, так как не надо было мотаться по приморским сёлам, проверяя финансовое делопроизводство волостных правлений. После восстановления советской власти в регионе Кречетов стал работать финансовым инспектором, что, впрочем, не меняло круг его обязанностей. На примере Кречетова можно сделать один вывод: власти меняются, а налоги собирать нужно, и без грамотного специалиста здесь не обойтись.

С 20 августа 1919 года Кречетов был принят преподавателем истории в старших классах 1-й Никольск-Уссурийской женской гимназии. По мнению исследователя О. Б. Лынша, молодое учебное заведение ничем не уступало Хабаровской и Владивостокской гимназиям [20, с. 83]. На работу его непосредственно принимала только что возглавившая учебное заведение Екатерина Павловна Пожарская, преподаватель русского языка, выпускница Петербургских высших женских курсов[7]. Однако какого-то заметного следа в истории

6 Сличение текста биографической статьи о Кречетове и послужного списка, хранящегося в его личном деле, выявляет во многих местах текстуальное сходство. Можно почти с полной уверенностью предположить, что Ивашкевич и Кречетов были даже знакомы между собой.

7 Пожарская (в замужестве Белобродская) Екатерина Павловна (Санкт-Петербург, 1886–? гг.), из дворян, православная, русская. Окончила Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге в 1910 г. В 1910–1912 гг. преподавала в гимназии в г. Зегевольде (с 1918 г. Сигулда) в Латвии. С 1 января 1912 г., согласно прошению, назначена наставницей в Никольск-Уссурийскую женскую учительскую семинарию. С 1 июля 1914 г. — учительница русского языка в женской гимназии, в 1919–1922 гг. — начальница 1-й женской гимназии. Уволена со службы приказом Никольск-Уссурийского военревкома 20 октября 1922 г. Прибыла в Маньчжурию в 1922 г. из Никольск-Уссурийского через станцию Пограничную. С 1923-го по 1940 г. — преподаватель русского языка и истории реального училища г. Харбина, с 1940 г. — школы языкознания. Муж — Владимир Александрович Белобродский (?–1941 гг.), инженер, профессор Харбинского политехнического университета [см.: 2; 20, с. 237].

женской гимназии П. И. Кречетов не оставил. По крайней мере, О. Б. Лынша, посвятившая народному образованию Никольск-Уссурийского солидную монографию, ничего о его деятельности не пишет [20, с. 83].

Несомненно, по сравнению с Орлом, Юрьевом, Ригой и Хабаровском, Никольск-Уссурийский — медвежий угол. Это даже не губернский, а уездный город, удалённый от Северной столицы на 10 тысяч вёрст, население которого в 1910 году не составляло 34,5 тысячи человек (по сравнению с переписью 1897 г. численность населения возросла в три раза [39, с. 4, приложение]). Всё объясняется просто: после постройки КВЖД Никольск-Уссурийский становится важным железнодорожным узлом, соединившим между собой крупнейшие русские города региона — Владивосток, Хабаровск и Харбин. В городе и его окрестностях было расквартировано большое количество войск. Он был центром крупнейшего на Дальнем Востоке сельскохозяйственного района. В самом городе располагались главные железнодорожные мастерские Уссурийской железной дороги. О росте культурных запросов горожан свидетельствует тот факт, что в 1910 году в нём выходили следующие периодические издания: «Никольск-Уссурийский», «Справочник уссурийского сельского хозяина», «Приморский край», «Живое слово». В здании Народного дома Никольск-Уссурийского, построенного в 1908 году, имелся зрительный зал, вмещавший до 800 зрителей, ставились любительские спектакли [42], здесь же выступали с гастролями артисты-профессионалы. Знаток истории дальневосточного театра А. В. Шавгарова пишет, что к началу прошлого столетия на Дальнем Востоке прочно укрепились антрепренёры и актёры, десятилетиями работавшие только в этом регионе: Иван Маркович Арнольдов (1870–? гг.), Александр Александрович Иванов (1906–? гг.), Варвара Тимофеевна Варина, Михаил Николаевич Кисель-Загорянский (1875–? гг.), Мария Фёдоровна Кнауф-Каминская (?–1921 гг.), Константин Павлович Мирославский, Мария Николаевна Нинина-Петипа, Иван Николаевич Перестиани (1870–1959 гг.), Анна Михайловна Северская-Сигулина, П. С. Станиславская, Елизавета Ивановна Чалеева-Бельская (1880–1966 гг.). Работая только в Дальневосточном регионе, эти театральные деятели сознательно посвящали себя служению одному из самых отдалённых уголков провинциальной России [44].

По свидетельству Б. А. Ивашкевича, на Дальнем Востоке П. И. Кречетов сотрудничал с наиболее популярными региональными изданиями — газетами «Далёкая окраина» и «Голос Приморья». Просматривая их, мы убедились, что большинство публикаций, посвящённых местным событиям, либо не подписывались, либо подписывались псевдонимами. Возможно, что под псевдонимом Старый Театрал стоял П. И. Кречетов, внимательно отслеживавший все бенефисы прославленных артистов на подмостках дальневосточных театров.

В 1921 году Александр Семёнович Ященко (1877–1934 гг.), в 1909–1913 годах преподававший юридические дисциплины в Юрьевском университете, в журнале, издаваемом им в Берлине в 1921–1923 годах, сообщил следующее: «П. И. Кречетов проживает в г. Никольск[е]-Уссурийск[ом] по адресу: ул. Супутинская, 12 (ныне ул. Вл. Давидовича Вейса. — *М. К.*), сотрудничает в местных газетах. Работал над следующими изданиями: “Русский биографический словарь”, “Уроженцы и деятели Орловской губернии”, “Уроженцы и деятели Приамурского края”, “Уроженцы и деятели Лифляндской губернии”, “Культурные сокровища России до 1917 г.”, “Некрополь России”, “Достопримечательности Петербурга до 1917 г.”» [48].

Полагаю, что эти исследования наш герой пытался вести по линии Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. задача которого было сохранение культурного наследия страны. Оно было создано в 1909 году и просуществовало вплоть до 1917-го. В него входили видные российские художники, архитекторы, меценаты и государственные деятели. На 1 января 1914 года общество насчитывало 590 индивидуальных членов [24]. Кречетов вступил в общество в индивидуальном порядке в 1912 году. Вписаться в его работу в одиночку на далёкой в прямом смысле окраине было очень сложно. Для этого необходима ещё и солидная база данных. Как пишет Б. А. Ивашкевич со слов П. И. Кречетова, после того как у него часть архива была конфискована полицией, «…он поручил охрану своих ценных антикварных книг и материалов по искусству своему брату, но последний, по незнанию, часть материала, как “ненужный хлам”, сжёг, а остальное продал за бесценок» [6, с. 37]. Вероятно, он имеет в виду своего брата, который был отчислен из гимназии за его публикации. Остаток личного архива погиб, когда Пётр Иванович попытался перевезти его на Дальний Восток…

В 1935 году желания Кречетова были намного скромнее. В анкете он написал о том, что готовит к печати «Биографический словарь русских деятелей на Дальнем Востоке и Маньчжурии». Вероятно, уже будучи в Приморье, а затем и в Маньчжурии, он начал с завидным упорством собирать информацию для новой книги. Однако и этим планам не суждено было осуществиться.

С переездом в Приморье общественная и публицистическая активность П. И. Кречетова снизилась. Помимо загруженности на работе, сказывались и служебные ограничения. Интересно, что весной 1917 года, когда на волне революционной эйфории горожане попытались возродить Общество трезвости, П. И. Кречетова среди этих активистов не было. Тем не менее в апреле 1917 года он принял уча-

стие в заседании редакционной коллегии самой популярной уссурийской газеты «Уссурийский край» [26], бессменным редактором и издателем которой был Карл Иванович Лепин (Рига, 1880–? гг.). Последний, по данным никольской полиции, был социал-демократом. Цель этого совещания вполне понятна. События в столице, приведшие к ликвидации царской власти, требовали от редакции корректировки издательской политики. Резко вырос поток информации, идущей из центра страны, проснулась глубинка. Теперь уже не требовалось продуцировать скандалы, чтобы привлечь к газете читателей, нужно было оперативно и верно освещать события в центре и на местах.

Что сблизило в 1917–1920 годах «левака» К. Лепина и «охранителя» П. И. Кречетова? Прежде всего, оба они заняли оборонческую позицию по отношению к мировой войне и одновременно считали большевиков безответственными политиками, ведущими к гибели завоеваний Февраля. Ни о какой социалистической революции они и слышать не хотели. Это, соответственно, отразилась на содержании публикаций в газете.

В январе 1923 года К. И. Лепин был арестован и уже в марте того же года приговорён революционным военным трибуналом 1-й Забайкальской стрелковой дивизии (Никольск-Уссурийский) к лишению свободы на десять лет с конфискацией всего имущества, к лишению права издательства газет и редактирования их навсегда, с поражением в правах на пять лет. К этому времени была отстранена от работы и эмигрировала в Маньчжурию Е. П. Пожарская. Оба они, и К. И. Лепин, и Е. П. Пожарская, были близко знакомы с Кречетовым по совместной работе, и произошедшее с ними не могло не повлиять на его решение покинуть страну.

Эмиграция

В конце января 1924 года П. И. Кречетов бежит в Харбин, где переходит на вольные хлеба, занявшись журналистикой. Эмиграция развязала ему руки: он с головой окунулся в общественную работу и одновременно занялся профессионально журналистикой. Так, в феврале 1925 года он стал членом Харбинского комитета помощи русским беженцам и оставался в его руководстве вплоть до своего переезда в Хайлар. Комитет оказывал посильную помощь таким же, как Кречетов, эмигрантам в обустройстве в новой стране. Прежде всего им предоставлялась необходимая информация, позволявшая найти работу, решались юридические вопросы легализации и т. д. В этой связи юридическое образование П. И. Кречетова было очень востребовано. В первом параграфе устава этой организации был продекларирован её аполитичный характер. Однако в седьмом параграфе того же устава было чётко зафиксировано, что «…членами Комитета могут быть лица обоего пола, достигшие 21 года, не признающие советскую власть и не зарегистрированные у Консула СССР» [40, с. 4]. Таким образом, комитет позиционировал себя как антисоветская организация.

В 1925–1927 годах Кречетов был издателем и редактором еженедельного журнала «Вестник железнодорожников». К сожалению, в богатейшей коллекции эмигрантских изданий Государственного архива Хабаровского края мы не обнаружили его. В нашем распоряжении оказался оцифрованный и выложенный в Интернет единственный номер «Вестника…», датированный 23 августа 1926 года [13]. Это еженедельное издание среднего формата, объёмом восемь страниц, причём последняя отдавалась под рекламу. Журнал позиционировал себя как орган литературы, науки и искусства. О политических пристрастиях издания можно судить по небольшой статье «Прежде и теперь». Её автор, некий Н. М. Никифоров, пишет: «А она — эта сов. власть — шлет на Амур из России десятки тысяч переселенцев, очищая земли в России для евреев». И в заключение: «Я сознательно говорю, что в России не просто советская, а еврейско-советская власть» [13, с. 3]. Ни тебе литературы, ни тебе искусства, ни тебе науки, а голый антисемитизм…

В том же номере журнала была напечатана благожелательная рецензия самого П. И. Кречетова на публикацию митрополита Антония «Догмат искупления». В этом сочинении владыка высказал идею, что искупление за грехи человеческие Иисуса происходит через любовь ко всему человечеству, проявленную в молитве в Гефсиманском саду («да минует Меня чаша сия»). Возможно, это напомнило уже зрелому П. И. Кречетову духовные искания его молодости. Однако позиция митрополита вызвала большую полемику среди православных богословов [41]. В 1920-х П. И. Кречетов пишет сочинение об архиепископе Андронике, которое, к сожалению, нами не обнаружена.

Однако главное состоит не только в том, что он выражает в этих работах, а в том, кому они посвящены. И митрополит Антоний (Храповицкий) (1863–1936 гг.), и митрополит Арсений (Владимир Александрович Никольский) (1870–1918 гг.) были яростными противниками «богоборческой» власти. Первый стоял во главе Русской православной церкви за рубежом, второй был расстрелян пермскими чекистами за призывы к священникам и мирянам бойкотировать новую власть. Из всего сказанного вытекает, что П. И. Кречетов в эмиграции занял не просто антисоветскую, а крайне антисоветскую позицию, что отразилось и на характере издаваемого им журнала. В итоге по требованию консульства СССР в Харбине китайские власти закрыли журнал. В межвоенный период, в 1922–1941 годы, в Харбине издавались сотни русских эмигрантских газет и журналов, большинство из которых закрылись из-за финансовых трудностей. Это, пожалуй, единственное из всех изданий, которое мне известно,

которое было закрыто из-за своей непримиримой антисоветской позиции.

С августа 1928 года Кречетов устраивается преподавателем истории в русской гимназии на станции Хайлар Китайской Восточной железной дороги. В неё он был принят с ведома и согласия директора гимназии Владимира Константиновича Левашко, с которым мог быть знаком ещё по Никольску-Уссурийскому[8].

В. К. Левашко

О том, что представлял собой этот городок, свидетельствует проживавший там в 1920-х – 1930-х годах Евгений Васильевич Тулакин: «В начале 20-х годов здесь обосновались и работали филиалы иностранных фирм, которые занимались скупкой и переработкой животноводческой продукции Монголии. На экспорт шли шерсть верблюдов и овец, кожи и мясные продукты. Население города росло за счет притока из России. Появились магазины, торгующие привозными товарами, пекарни, прачечные, бани и аптеки, были построены больница, пожарное депо и другие административные здания. Появилось то, без чего можно было бы обойтись: рестораны, маленькие кафе, злачные места… В общем, за два десятилетия на пустом месте вырос город» [38, с. 2].

Несмотря на оторванность Хайлара не только от России, но и от центра русской эмиграции — Харбина, Кречетов продолжал участвовать в общественной жизни. С 1932 года он состоял членом Русского учительского общества Маньчжоу-Го, с осени 1933-го — Хайларского отделения Русского национального общества, был лектором-общественником в его молодёжном кружке. Как истинный верующий, не просто регулярно посещал местную церковь Преображения Господня, а был членом совета прихожан.

В середине 1930-х, заполняя анкету в личное дело Бюро русских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), в графе политические убеждения записал «монархист». Здесь надо сделать пояснение. Дело в том, что БРЭМ был создан в 1934 году формально властями Маньчжоу-Го, а на самом деле — японцами, которые полностью контролировали их. В задачу БРЭМа входило объединение русских эмигрантов для использования их в борьбе против СССР. Каждый эмигрант должен был встать на учёт в БРЭМе, и на каждого из них от 17 лет и старше заводилось «личное дело». В 1942 году в БРЭМе было зарегистрировано 36,7 тысячи человек в Харбине и 23 тысячи — вне его [1]. Сделал он эту запись не из соображений безопасности, ведь БРЭМ находился под полным контролем японских оккупационных властей, а по стойко сложившемуся ещё в 1910-х годах убеждению. В своей брошюре «Пётр Аркадьевич Столыпин» П. И. Кречетов писал: «В том и состоит непререкаемое достоинство самодержавного образа правления, что оно не опирается на партии, а потому партийность министра, как ближайшего советника и исполнителя воли верховной власти, в делах внутреннего управления, была бы для страны величайшим злом. Русский государственный деятель — не лидер партии, а самостоятельно мыслящий русский человек, душою и сердцем преданный своему Государю и отечеству» [14, с. 7].

При всех превратностях судьбы П. И. Кречетов оставался предельно честным и исполнительным человеком. В 1937 году в Хайларской гимназии разразился скандал. Родители гимназистов написали в БРЭМ жалобу на директора гимназии В. К. Левашко. По их мнению, он установил сверхвысокую плату за обучение в гимназии — от 50 до 150 гоби в месяц, в зависимости от класса — чем старше, тем больше. Для сравнения: сам директор получал в месяц 170 гоби, а его учителя — 50 гоби. Это прегрешение В. К. Левашко могли бы оставить без внимания, но последовал ещё один донос. Оказывается, он препятствует отправлению православных праздников, в частности не отпустил с занятий гимназистов в родительский день, но одновременно потакает празднованию советских праздников. Более того, укрывает от справедливого наказания хулиганов, достойных изгнания из учебного заведения. Кроме прочего, он не русский и говорит с каким-то то ли польским, то ли белорусским акцентом. Однако всё тот же Е. В. Тулакин, окончивший Хайларскую гимназию в 1932 году, через много лет вспоминая своё далёкое отрочество, свидетельствует, что, будучи директором гимназии, В. К. Левашко отличался демократизмом и простотой в общении со своими учениками. Причём ни о каком попустительстве речи и не шло. В гимназии царил строгий порядок [38, с. 1].

8 Лавашко Владимир Константинович (1893–? гг.), родился в г. Борисове Минской губернии; отец — личный почётный гражданин. В 1910–1915 гг. учился в Московской сельскохозяйственной школе. В 1915–1916 гг. работал учителем агрономии при Никольск-Уссурийской опытной сельскохозяйственной станции. В 1916 г. окончил краткосрочную школу прапорщиков в Иркутском военном училище. В августе 1917 г. покинул военную службу в г. Красноярске и выехал на Дальний Восток, откуда эмигрировал в Маньчжурию. В 1918–1925 гг. — заведующий Хайларским начальным училищем, в 1925–1930 гг. — инспектор Хайларской гимназии, в 1930–1937 гг. — её директор. В 1939 г. работал конторщиком в частной коммерческой фирме в Хайларе [19, л. 1–7].

П. И. Кречетов, середина 1890-х годов

П. И. Кречетов, 1935 год

В ходе проверки гимназии выяснилось, что Кречетов к данному скандалу не имеет никакого отношения, и более того, оказалось, что он был единственным учителем, имеющим высшее образование. Это и предопределило назначение П. И. Кречетова на должность директора гимназии. Последняя запись, датированная 1944 годом, в его личном деле: «Кречетов П. И., директор народной и повышенной народной школы в Хайларе, советник родительского комитета школы» [17, л. 7].

У нас есть возможность сличить две фотографии П. И. Кречетова. Одна сделана примерно в 1890-х годах, когда он был ещё студентом, другая — вклеена в его личное дело, относящаяся к середине 1930-х. Между ними около 35–40 лет. Несмотря на то что Кречетов обладал творческой натурой, чиновничья карьера отложила отпечаток не только на его личность, но и на его внешность. Его ученик, обучавшийся в Хайларской гимназии, охарактеризовал его таким образом: «Ярко выраженный человек в футляре — П. И. Кречетов. Преподавал историю и литературу» [38, с. 1]. Однако его натура контрастирует с его внешностью. Он отнюдь не чеховский учитель Беликов, стремящийся всеми силами отгородиться от всего мира, боящийся всего нового.

Заключение

Поставив в заголовок название известного и любимого мной стихотворения Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841 гг.), я задумался: а что общего между великим русским поэтом и провинциальным интеллигентом П. И. Кречетовым? Ведь жили они в разное время, относились к разным сословиям, не соизмеримы были и масштабы их творчества, а кроме того, один прожил всего 27 лет, а другой более 70. Однако главное, что их объединяет — это глубокое чувство одиночества творческих личностей, отражённое ими в их произведениях. Они оба вынуждены были служить, хотя их призванием была литература, оба были глубоко религиозными, оба верили во всё очищающую силу любви, но по жизни остались одинокими. Кто знает, как бы сложилась судьба М. Ю. Лермонтова, не погибни он на дуэли? П. И. Кречетов жил, в отличие от М. Ю. Лермонтова, не в эпоху Николаевской реакции, а в период революций и бурных перемен первой половины XX века. Это обстоятельство не могло не сказаться на его судьбе. Суть трагедии П. И. Кречетова заключается в противоречии, которое преследовало русских интеллигентов на рубеже столетий, между предельной честностью и порядочностью, великими помыслами и благими пожеланиями и конкретными действиями, всё дальше и дальше уводящими их от положительных целей и, главное, результатов. Когда вся страна боролась за социальное и национальное освобождение, он был в стороне, а затем и вообще покинул Россию. Читая личное дело Кречетова, автор со страхом боялся обнаружить его в рядах фашисткой партии К. В. Родзаевского[9]. Ведь смог же П. И. Кречетов от легального марксизма перейти к монархизму, то есть броситься из одной крайности в другую? Правда, такие метаморфозы были не редки с интеллигенцией начала XX века... Однако рокового шага он не сделал и не запятнал своё имя сотрудничеством с русскими фашистами.

Подводя итоги, отметим, что Пётр Иванович Кречетов оставил определённый след в русской литературе, публицистике, краеведении. И эти благородные дела не забыты его земляками. В то же время его судьба интересна и очень поучительна.

9 Родзаевский Константин Владимирович (1907–1946 гг.), создатель и руководитель Российской фашистской партии в Маньчжурии. Активно сотрудничал с японцами. Приговорён Верховным судом СССР к высшей мере наказания.

Приложение.

Библиография произведений П. И. Кречетова

1. Кречетов, П. И. Город Орёл. Путевые заметки, наброски из памятной книжки / П. И. Кречетов. — Орёл : издатель Воробьёв А. В., 2003. — 58 с.

2. Кречетов, П. Из истории Орловского театра / П. Кречетов // Памятная книжка Орловской губернии на 1899 год. Отдел 2. — Орёл, 1899. — С. 5–15.

3. Кречетов, П. И. (Красовский П.). Максим Горький и Леонид Андреев. Их жизнь и произведения / П. Красовский [псевд.]. — Рига: типо-лит. В. П. Матвеева, 1902. — 58 с.

4. Кречетов, П. И. Орёл. Материалы для описания Орловской губернии / П. И. Кречетов. — Рига : изд. П. Александрова, 1903. — 232 с.

5. Кречетов, П. И. Пётр Аркадьевич Столыпин. Его жизнь и деятельность / П. И. Кречетов. — Рига : тип. Бланкенштейна, 1910. — 32 с.

6. Кречетов, П. И. (Красовский П.). Родной край : очерки, заметки и наброски / П. Красовский [псевд.]. — Рига: типо-лит. В. П. Матвеева, 1902. — [4], 435 с.

7. Кречетов, П. И. (Леонард Абодаров). Эскизы / Леонард Абодаров [псевд.]. — Рига : типо-лит. Бланкенштейна, 1909. — 67 с.

8. Кречетов, П. (Красовский П.). Юрьев и Юрьевский университет : очерки, заметки и воспоминания юрьевского студента / П. Красовский [псевд.]. — Рига : типо-лит. В. П. Матвеева, 1904. — 365 с.

9. Промыслы Орловской губернии // Орловский календарь, 1903 год. — Орёл, [Б. д.]. — С. 121–123.

Список использованных источников

1. *Аурилене, Е. Е. Российская эмиграция в Китае : 1920-е – 1950-е гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Е. Е. Аурилене ; Хабар. гос. пед. ун-т. — Хабаровск, 2004. — 46 с.*
2. *Белобродская Екатерина Павловна // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 3696.*
3. *Булгаков, С. Капитализм и земледелие : в 2-х т. Т. 2 / С. Булгаков. Санкт-Петербург : тип. и литография В. А. Тиханова, 1900. — 458 с.*
4. *Господарик, Ю. Иван Давыдович Делянов / Ю. Господарик // Высшее образование в России. — 2002. — № 3. — С. 101–118.*
5. *Ерёмин, В. П. Орловские краеведы / В. П. Ерёмин. — Орёл : Вешние воды, 2005. — 147 с.*
6. *Ивашкевич, Б. А. (И — ч). Писатели, учёные и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг. / И — ч. — Владивосток : тип. «Свободная Россия», 1922. — 72 с.*
7. *Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. 1 : Болховской-Кромской уезды. — Орёл : Орл. церк. ист.-археол. о-во, 1905. — [5], 502 с.*
8. *Калякина, А. В. Региональные музеи и общество / А. В. Калякина // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 2. — С. 40–56.*
9. *Кравцова, Е. С. «Податные инспекторы близко стоят к народному карману, но руки их чисты»: взаимоотношения налогоплательщиков с податной инспекцией на рубеже XIX–XX столетий / Е. С. Кравцов // Вестник РУДН. Сер.: История России. — 2007. — № 4. — С. 14–15.*
10. *Кречетов, П. И. Город Орёл. Путевые заметки, наброски из памятной книжки / П. И. Кречетов. — Орёл : издатель Воробьёв А. В., 2003. — 58 с.*
11. *Кречетов, П. И. Кречетов Иван Николаевич // Орёл. Материалы для описания Орловской губернии / П. И. Кречетов. — Рига, 1903. — С. 114–117.*
12. *Кречетов, П. И. (Красовский П.). Максим Горький и Леонид Андреев. Их жизнь и произведения / П. Красовский [псевд.]. — Рига: типо-лит. В. П. Матвеева, 1902. — 58 с.*
13. *Кречетов, П. Новые научные труды митр. Антония / П. Кречетов. — Текст : электронный // Вестник железнодорожников. — 1926. — № 16 (23 авг.). — URL: https://sites.google.com/view/vladimir-von-tsurikov/russianprintabroad/china/vestnik-zheleznodorozhnika.*
14. *Кречетов, П. И. Пётр Аркадьевич Столыпин. Его жизнь и деятельность / П. И. Кречетов. — Рига : тип. Бланкенштейна, 1910. — 32 с. — URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003769025?page=1&rotate=0&theme=white. — Текст : электронный.*
15. *Кречетов, П. И. (Красовский П.). Родной край : очерки, заметки и наброски / П. Красовский [псевд.]. — Рига: типо-лит. В. П. Матвеева, 1902. — [4], 435 с.*
16. *Кречетов, П. И. (Красовский П.). Юрьев и Юрьевский университет// Очерки, заметки и воспоминания юрьевского студента / П. Красовский [псевд.]. — Рига: типо-лит. В. П. Матвеева, 1904. — 366 с.*
17. *Кречетов Павел Иванович // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 24083.*
18. *Кундаева, Н. Н. Жанровые тенденции в русской малой импрессионистской прозе первой трети XX века : автореф. дисс… канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. Н. Кундаева ; [место защиты: Сам. гос. ун-т]. — Самара, 2013. — 23 с.*
19. *Левашко Владимир Константинович // ГАХК. Ф. 730. Оп. 3. Д. 26638.*
20. *Лынша, О. Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882–1922 гг. / О. Б. Лынша. — Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. — 291 с.*
21. *Масанов, И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей : в 4-х т. Т. 1 / И. Ф. Масанов. — Москва : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. — 440 с.*
22. *Новости науки и культуры // Правительственный вестник. — 1914. — 9 нояб.*
23. *О порядке приобретения дворянства службою // Полное собрание законов Российской империи. — Изд. второе. — Санкт-Петербург, 1845. — Т. XX, отд-ие первое. — С. 450–451.*
24. *Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III : (Со 2 марта 1881 г. по 20 окт. 1894 г.). — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1901. — 676 с.*

25. *Общество русских студентов в Юрьеве : очерк. — Санкт-Петербург, 1910. — 16 с.*
26. *Объявления // Уссурийский край. — 1917. — 21 апр.*
27. *Памятная книжка и адрес-календарь Лифляндской губернии на 1903 г. — XXXIII издание Лифляндского губернского статистического комитета. — Рига : тип. А. фон Грезиус, 1903. — XLVII, 276 с.*
28. *Памятная книжка и адрес-календарь Лифляндской губернии на 1909 г. — XXXIX издание Лифляндского губернского статистического комитета. — Рига : Лифляндская губ. тип., 1909. — XL, 317 с.*
29. *Памятная книжка Орловской губернии / изд. Орлов. губерн. стат. ком. ; под ред. секретаря ком. Попеля. — Орёл : тип А. П. Хализева, 1895. — 318 с.*
30. *Памятная книжка Орловской губернии на 1899 год / изд. Орлов. губерн. стат. ком. ; под ред. секретаря ком. С. В. Розанова. — Орёл : тип. губ. правления, 1899. — [341 с.].*
31. *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел. Т. XXIX : Орловская губерния. — Санкт-Петербург, 1904. — [4], XVI, 259 с.*
32. *Писатели Орловского края: Биобиблиогр. словарь / сост. Шевелева Г. М., Андреева Л. К., Самодурова И. И. и др. ; под общ. ред. К. Д. Муратовой, Г. М. Шевелевой. — Орёл : Приок. кн. изд-во, Орлов. отд-ние, 1981. — 416 с.*
33. *Позина, Н. Пленительная сила женщин / Н. Позина // Словесница Искусств. — 2012. — № 1 (29). — С. 130–132.*
34. *Рачинский, С. А. Сельская школа : сб. ст. с предисл. Н. Горбова. — Москва : тип. М. Г. Волчанского, 1891. — XXI, 219 с.*
35. *Ренан, Э. Жизнь Иисуса. Полный пер. с французского с введением, предисл. и примеч. — Киев: изд. кн. маг. С. И. Иванова и К°, 1906. — 335 с.*
36. *Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) : биобиблиогр. справ. / сост. Т. А. Самойлюк. — Минск, 2018. — 20 с.*
37. *Труды Орловской учёной архивной комиссии / Орловская учёная архивная комиссия. — Орел : тип. губ. правления, 1899. — Вып. 1. — [2], 80 с.*
38. *Тулакин, Е. В. Мой Хайдар / Е. В. Тулакин // На сопках Маньчжурии. — Новосибирск, 1996. — № 28. — С. 1–2.*
39. *Унтербергер, П. Ф. Приамурский край, 1906–1910 гг. : очерк П. Ф. Унтербергера. — Санкт-Петербург : тип. В. Ф. Киршбаума (отд-ние), 1912. — [2], XIV, 428, 54 с., 1 л. фронт. (ил.), 27 л. ил., карт.*
40. *Устав Харбинского комитета помощи русским беженцам. — Харбин, 1925. — 8 с.*
41. *Феофан Полтавский (Быстров, 1873–1940 ; архиепископ). О догмате Искупления. — Текст : электронный // Азбука веры. Православная библиотека. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Bystrov/doklad-ob-uchenii-mitropolita-antonija-khrapovitskogo-o-dogmate-iskuplenija/.*
42. *Хроника событий // Уссурийская окраина. — 1910. — 2 марта.*
43. *Чурилов, Л. П. Дерптский (Юрьевский, Тартуский) университет в истории отечественной науки: международная сокровищница знаний / Л. П. Чурилов, А. Е. Коровин // Здоровье — основа человеческого потенциала : проблемы и пути их решения. — 2016. — Т. 11, № 2. — С. 855–890.*
44. *Шавгарова, А. Развитие театральной культуры Дальнего Востока XIX–XX вв. / А. Шавгарова. — Текст : электронный // Relga. — 2010. — № 5. — URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2597&level1=main&level2=articles (дата публикации: 10.04.2010).*
45. *Шмаркова, И. Н. Путевые заметки П. Кречетова об Орле / И. Н. Шмаркова // Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И. А. Бунина : офиц. сайт. — URL: // http://buninlib. orel.ru›kray /mozaika/18.htm.*
46. *Юртаева, Е. А. Система юридического образования в Российской империи / Е. А. Юртаева // Журн. рос. права. — 2009. — № 1. — С. 116–131.*
47. *Янсон, П. Карательные экспедиции в Прибалтийском крае в 1905–1907 гг. / П. Янсон. — Ленинград : Прибой, 1926. — 87 с.*
48. *[Ященко, А. С.] Судьба и работы русских писателей, учёных и журналистов за 1918–1921 гг. // Русская книга. — Берлин, 1921. — № 7/8. —С. 22–27.*
49. *Līga Lapa. Mežabrāļi Vidzemē 1906. gadā. // Latvijas vēstures institūta žurnāls. – 2009. – № 4 (73). – L. 71-90.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 05.04.2024.

Сведения об авторе: Ковальчук Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: ma_kov@bk.ru; тел. 8-914-548-22-12.

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ НОВОЙ ТИПОЛОГИИ

В статье по аналогии с моделью типологизации науки осуществляется разделение культуры на классическую, неклассическую и постнеклассическую на основании различных трактовок истины, добра и зла, предпочитаемого социального устроения общества. Эта новая модель типологизации культур, по мнению автора, не уступает прочим вариантам по своим познавательным потенциям.

Ключевые слова: культура, истина, добро и зло, социальное устроение общества, классическая, неклассическая, постнеклассическая культуры.

Keywords: culture, truth, good and evil, social organisation, classical, non-classical, postnon-classical culture.

В науке встречается множество названий культуры того или иного исторического периода. Часть из них не удерживается в профессиональном лексиконе, а некоторые становятся устойчивыми терминами со столь же устоявшимися значениями. К числу таких укоренившихся названий относится и словосочетание «классическая культура».

Появление понятия «классическая культура», по всей видимости, следует отсчитывать от эпохи итальянского Возрождения (XV в.), когда так стали называть архитектуру и скульптуру Античности, служившие эстетическими образцами для художественных корифеев Возрождения [4]. В последующие четыре века понятие «классическая культура» серьёзно расширилось в своём содержательном объёме. Во-первых, помимо архитектуры и искусства, оно начало включать и другие проявления античной культуры: античную мифологию, философию и науку, литературу и драму, античную демократию, римское право и этос, античную государственную и воинскую символику, атрибутику, ритуалы и пр. Во-вторых, в это понятие постепенно стали включать всю европейскую аристократическую культуру Нового времени (в том числе и русскую начиная с XVIII в.), ориентированную на воспроизводство античных форм (опять-таки не только в искусстве и архитектуре, но и в элементах социальной культуры высшего общества, стилизованных под античность) [5], противопоставляя её «тёмному средневековью».

В XIX веке в общественных вкусах произошла «реабилитация» европейского средневекового, византийского и древнерусского искусства. Хотя эти феномены не были включены напрямую в понятие «классическая культура», но фактическое отношение к ним и забота по их сохранению и воспроизводству ничем не отличались от отношения к стилевой классике. Ну, и наконец, культуры Востока, в отношении которых появились специальные определения «классическая китайская культура», «классическая японская культура» и т. п., то есть исторические культуры Востока де-факто были признаны классическими, хотя их никогда не объединяли с европейской стилевой классикой в одно явление.

Вместе с тем нужно отметить, что традиционные народные культуры сельских жителей Европы и России в понятие «классическая культура» не включались. Но, если в Европе и России их стилевое отличие от элитарной культуры аристократии было очевидным, то о Востоке этого не скажешь. Произведения народной культуры здесь отличались от элитарных скорее мастерством исполнения, чем стилистикой. Вопрос об их типологизации до сих пор остаётся открытым.

Так или иначе, но понятие «классическая культура» существует в двух форматах — широком и узком. В широком формате классическая культура — это практически вся постпервобытная элитарная культура Евразии от сложения городских цивилизаций до промышленного переворота второй половины XIX века, а в узком — культура Античности и нововременная европейская городская культура, в той или иной мере воспроизводящая в своих формах античные образцы. Характерной чертой этой культуры (в обоих форматах) является её императивная идеологичность, обусловленность определённой религиозной или политической идеологией, пропагандой которой эта культура занимается. Это культура-идеология [см.: 13] в наиболее чистом виде. При этом нужно помнить, что, во-первых, народная (традиционная) культура сельских жителей в категорию «классическая культура» не попадает, поскольку преследует свои специфические социальные цели, которые идеологичны латентно, а в основном ориентированы на мифоритуальный тип мировосприятия. И, во-вторых, классическая культура не ограничивается искусством и архитектурой, а включает в себя весь набор символических форм социально-бытового и военно-политического плана, маркирующих социальную престижность того или иного носителя, его принадлежность к аристократии, власти, наличие богатства, статуса или иной возможности своего социального выделения.

Главное, что отличает эту культуру, — это предельно чёткое деление мира на добро и зло, хорошее и плохое, благостное и греховное, правильное и неправильное и т. п. Парность этих экзистенциальных оппозиций с наибольшей ясностью выражена в религии (Бог — дьявол, праведное — греховное). Но и в любой сфере культуры присутствует сентенция «белое — это то, что не чёрное, а чёрное — это то, что не белое» [см.: 6]. Такой тип сознания принято называть логоцентрическим [см.: 10]. Считается, что он возник в ходе культурной трансформации «осевого времени» (IX–III вв. до н. э.) [14]. В кристаллизованных формах, возможно, он социально возобладал именно в это время и чуть позднее, когда складывались основные религии, определившие дальнейшие судьбы мира. Но в зачаточном виде он, конечно, формировался ещё с первых городских цивилизаций Египта, Месопотамии, Ирана и Индии [3].

Чёткой аксиологической структурированности сознания сопутствовала и столь же чёткая иерархичность воспринимаемого мира и социального устройства («воюющие — молящиеся — трудящиеся»). Истина в этой культуре была абсолютной и предустановленной. Задача человека заключалась лишь в следовании ей и расширении своего знания о ней. Даже научное знание в своих определяющих текстах было столь же чётким и безусловным. Бытие — это поле битвы между добром и злом, истиной и ложью. Кто не с нами, тот против нас — еретик, грешник, иноверец и т. п. Классические культуры одарили человечество выдающимися

образцами идеологии гуманизма и столь же выдающимися примерами жестокости по отношению к другому, к тому, кто трактует благо и истину иначе.

На обслуживании этой бинарной оппозиции в сознании людей, этой вечной битвы добра со злом, как их основной социальной практики, была сконцентрирована классическая культура. Эта её функция особенно заметна по религиозным установкам и в искусстве. «Белое нужно для того, чтобы противостоять чёрному».

Художественные формы классической культуры, как правило, отличаются миметичностью (от греч. «мимесис» — подражание искусства действительности), стремлением к более или менее точному воспроизводству черт наблюдаемой реальности, то есть, говоря упрощённо, реализмом. Даже когда воображение автора строит вымышленные миры, они всё равно оказываются заполненными узнаваемыми земными формами. Например, Луна в романе Фр. Бэкона «Человек на Луне», как и у С. Сирано де Бержерака в «Государствах и империях Луны» оказывается заселена людьми, «Утопия» Т. Мора также воспроизводит земные реалии, в загробном мире «Божественной комедии» Данте находятся известные исторические персонажи и т. п. То же можно сказать и об изображениях ада И. Босхом, богах и чудовищах в античной мифологии. Здесь всё легко узнаваемо по своим земным формам. Мотивация деяний богов вполне человеческая. Европейский и китайский драконы — это огромные змеи с крыльями, а инфернальные чудовища средневековых художников — в основном гигантские насекомые. Всё воспроизводит наблюдаемый мир. В этом суть художественного метода классической культуры: плоды воображения должны легко дешифровываться и узнаваться благодаря своему подобию земной реальности. Художники и писатели классической эпохи редко изобретали новые образы, сюжетные ходы, социальные коллизии. Творческое соперничество в основном ограничивалось техническим качеством изображения канонических образов, интерпретацией канонических сюжетов.

В классической культуре дважды два всегда оказывается равно четырём, несмотря на сопротивление обстоятельств, добро всегда побеждает зло (хотя бы морально), а справедливость торжествует, поскольку истина абсолютна и никаким силам зла её не преодолеть. Это культура по существу религиозная, даже когда она противоречит каким-то установкам той или иной конкретной религии. Но вера в абсолютность истины (осознанно или латентно божественной) и «естественную» иерархическую структуру мира всё равно доминирует.

Особенно важна иерархичность осознаваемого мира. Она подразумевает наличие какого-то высшего авторитета (Бога, монарха, вождя), диктующего истину в последней инстанции. И вся классическая культура так или иначе пропагандирует подобные истины. Тем более, что никто не стремится проверить их обоснованность или абсолютность. Любое сомнение трактуется как измена и безжалостно наказывается. Поэтому в классической культуре так медленно развивалась рациональная наука, которая, без сомнения, в господствующих истинах по определению неэффективна. Однако в идеологических рамках господствующего мировоззрения классическая культура достигала выдающихся результатов, творила шедевры, которые навряд ли когда-нибудь будут превзойдены.

Вторую половину XIX века принято рассматривать как начало научно-технического переворота в истории человечества. Впрочем, нас интересуют не технические изобретения, а трансформация восприятия и интерпретации мира в сознании людей. Начался этот поворот в науке благодаря большому числу естественнонаучных открытий, но очень быстро отразился и в культуре. По аналогии с тем, что науку этого периода принято называть неклассической [12], мы полагаем, что и в культуре наступил неклассический период.

Своеобразной вершиной этого нового мировосприятия в науке стала теория относительности А. Эйнштейна, опубликованная в 1905 году (специальная теория относительности) и в 1907–1916 ггодах (общая теория относительности). Не вдаваясь в сложные физико-математические аспекты этой теории, отметим, что на культурное сознание того времени оказала наибольшее влияние идея контекстуальной зависимости любой истины [см.: 1]. Даже пространство и время представляют собой не независимые субстанции, а лишь продукт вселенского контекста, наблюдаемого взаиморасположения космических объектов, при изменении которого изменятся параметры пространства и времени. Соответственно и любая истина сохраняет свою верность лишь ситуативно, в определённых внешних условиях. Дважды два равняется четырём только в трёхмерном пространстве, а при изменении мерности пространства результат будет иным.

Нельзя сказать, что в культуре очевидны следы непосредственного влияния идей Эйнштейна, но отказ от постулата абсолютности истины так или иначе, несомненно, оказал своё воздействие на культурное сознание. Возвращаясь в рамках этого нового мироощущения к образу «белого и чёрного», можно сказать, что белое — это чёрное, увиденное в ином контексте, при иных внешних обстоятельствах.

Художественный авангард появился практически одновременно с теорией Эйнштейна. Их взаимосвязь представляется как очевидной, так и весьма опосредованной. Художники и писатели навряд ли читали научные труды по физике, но идеи Эйнштейна родились не на пустом месте. Новое мироощущение буквально носилось в воздухе. Вопрос был лишь в том, кто и как его выразит. Беспредметная

живопись, атональная музыка, театр абсурда и прочие творческие новации художественного авангарда явились латентными попытками выйти за пределы трёхмерного ньютоновского пространства и посмотреть, чему будет равняться дважды два в другой системе измерений, при отмене абсолютности истины.

Вместе с тем, художественный авангард, отвергая формы классической культуры, сравнительно лояльно относился к классическим культурным содержаниям, не очень отдаляясь от них, хотя авторы соревновались в создании новых оригинальных образов, сюжетных ходов, панорамных ракурсов и т. п. Одной из главных творческих задач неклассической культуры стала разработка новых культурных форм, которые должны были прийти на смену классическим. Эти новые формы уже не были детерминированы соображениями миметичности как неким идейным обязательством, и их оригинальность заслуживает специального обзора. Для нас же существенно то, что новые формы отнюдь не вытеснили классические из культурного оборота, но существенно пополнили их банк, раздвинули рамки культурных ограничений допустимого и недопустимого.

Было бы ошибочным сводить всю неклассическую культуру к одному лишь художественному авангарду. Основная социальная задача, решавшаяся этой культурой, была связана с разрушением привычки общества к вертикальному сословно-иерархическому устроению и внедрением привычки к устроению горизонтальному демократическому. Политически во многих странах Европы это было сделано ещё в XIX веке, но массовое социальное сознание менялось медленно. В большой мере внедрение демократического принципа равных стартовых возможностей было связано с распространением массовой культуры, родившейся в период активной урбанизации второй половины XIX века. Об эстетических достоинствах этого феномена можно спорить, но его социальные преимущества проявили себя быстро и с достаточной полнотой.

Проблема борьбы добра со злом не утратила своей принципиальной актуальности, но уже не было речи о той идеологической истерии, которая была свойственна прежним векам с их классической культурой. Опыты российского большевизма, итальянского и испанского фашизма и немецкого нацизма по возвращению к ажиотированной идеологичности политического и культурного устроения не встретили понимания в западных либерально-демократических обществах. Это были слишком откровенные попытки остановить историю.

В целом неклассическая культура, конечно же, была внерелигиозной (не зависимо от индивидуальной религиозности того или иного её деятеля), поскольку отрицала абсолютность истины и наличие высшего авторитета, эту истину изрекающего. В числе главных социально-культурных достижений этой культуры следует перечислить торжество либеральной демократии, преодоление массовой неграмотности, разрушение классовых, расовых и национальных ограничений, радикальное расширение поля социальной самореализации женщин. Достаточно проследить в течение XX века внедрение общего начального, а затем и среднего образования, рост гуманитарной эрудированности широких слоёв населения благодаря книгам и кино, процесс демократизации городского костюма и этики поведения в публичных ситуациях и т. п. Именно в условиях торжества неклассической культуры научный концепт культуры превратился в один из основных объяснительных инструментов системного знания о социальных процессах, формирующих общественный организм.

В последней трети XX века произошёл ещё один научно-технический переворот, оказавший существенное воздействие на культуру. Речь идёт о радикальном рывке в развитии электронно-вычислительной техники и, в особенности, о внедрении в массовое пользование индивидуальных компьютеров, становлении Интернета и развитии социальных сетей. В культуре это привело к сложению новой дистанционной системы межличностной коммуникации, началу перехода от книжной к экранной культуре и подстегнуло процесс социального возобладания массовой культуры как основной культуры повседневности всего городского населения.

Одновременно в науке произошло становление новой исследовательской парадигмы, названной постнеклассической [12], наиболее характерным примером которой стала синергетика. Основная мировоззренческая новация новой парадигмы заключалась в признании того, что истина не является научной категорией, поскольку она заведомо субъективна и отражает ту или иную ангажированность учёного какой-то философской или политической идеологией (как правило, это ангажированность латентная, определяемая общим мировоззрением учёного как человека, гражданина и т. п.). Новое отношение к истине хорошо иллюстрируется анекдотом, в котором учитель спрашивает ученика, сколько будет дважды два, на что тот отвечает вопросом на вопрос: «А сколько Вам нужно, господин учитель?» Истина фактически зависит от того, «сколько нужно господину учителю». Возвращаясь к образному примеру «белое — чёрное», эту познавательную ситуацию можно охарактеризовать, сказав, что белое и чёрное — это субъективные интерпретации любого цвета разными авторами. Хотя рождение постнеклассической науки в основном связывается с синергетикой, это новое понимание истины выразилось более всего в культурно-философском течении постмодернизма, что даёт нам основание этот новый этап в развитии культуры

назвать постнеклассической культурой[1], по аналогии с наукой. Впрочем, и синергетики считают случайность столь же важной и частотной, как и закономерность, что, естественно, ставит под вопрос значимость научной истины, случайной на 50 процентов.

Наиболее характерные черты новой культуры уже были описаны в специальной литературе [см.: 7; 8; 9], так что мы остановимся лишь на принципиальных отличиях постнеклассической культуры от классической и неклассической. В первую очередь нужно заметить, что если неклассическая культура отвергала формы классической, но не возражала против её культурных содержаний, то постнеклассическая, наоборот, вполне лояльна к формам, но отвергает культурные смыслы прошлого. К историческим культурным формам постнеклассическая культура относится с ироничным покровительством, охотно используя их в своих парадоксальных концептуальных конструкциях и полагая, что все слова давно сказаны, все образы уже созданы и задача современной культуры использовать их в различных интерпретациях. А вот культурные смыслы обусловлены контекстами, которые по ходу истории меняются, и сегодняшние обращения к древним контекстам, по меньшей мере, неактуальны. Нужно создавать современные контексты, помещая в них классические сюжеты. Наиболее известный пример такого подхода — кинофильм База Лурманна «Ромео + Джульетта» с Леонардо Ди Каприо и Клэр Дейнс, действие которого перенесено в современную Америку. Опыты по современной режиссёрской интерпретации классических опер также хорошо известны. Можно сделать вывод, что если неклассическая культура была озабочена созданием новых форм, то постнеклассическая занимается в основном реинтерпретацией старых форм.

Постнеклассическая культура родилась не на пустом месте. В предшествовавшей ей неклассической культуре можно обнаружить явления, бывшие её прямыми провозвестниками. Например, сюрреализм в литературе и живописи и в большой мере театр абсурда не экспериментировали с новыми формами, а помещали узнаваемые классические формы в парадоксальные контексты, то есть фактически экспериментировали со смыслами. Это были чисто художественные эксперименты, теоретическое основание которых появится позже в философии постмодернизма, но их уже можно назвать протопостмодернизмом. Во всяком случае, литературное творчество Даниила Хармса и роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» оцениваются как провозвестники постмодернизма [11].

Широкой публике постнеклассическая культура известна в основном литературными и архитектурными произведениями, выражающими художественные принципы постмодернизма, экстравагантными постановками классических опер и такими эпатажными акциями, как, например, новосибирские «Монстрации», творчество арт-группы «Война», выходки Pussy Riot, женского движения Femen и т. п. Однако, представляется, что постнеклассическое направление войдёт в историю культуры в первую очередь своими интеллектуальными поисками в области философии, гуманитарных наук, публицистики, переосмысливающими ярлыки добра и зла, хорошего и плохого, правильного и неправильного, накопившиеся за века господства классической культуры.

Говорить о религиозных корнях постнеклассической культуры ещё меньше оснований, чем искать какую-то религиозность в культуре неклассической. Проблема соперничества добра со злом воспринимается постнеклассической культурой тоже с иронией, поскольку ярлыки добра и зла раздают люди, преследующие какие-то свои интересы, что делает эти ярлыки заведомо спорными. Добро может победить зло, если это «нужно господину учителю», сегодняшнему властителю умов. А завтра властителем умов станет другой учитель, и всё может перемениться. Знаменитый грибоедовский вопрос «А судьи кто?» может восприниматься как лозунг постнеклассической культуры.

Однако не стоит рассматривать постнеклассическую культуру только в негативном ключе, как основной источник проблем современных последователей классической культуры. Эти проблемы обусловлены не экспансией постнеклассической культуры, а изменившимися социальными условиями жизни людей, их радикально возросшей информированностью, изменением демографического состава жителей больших городов и ещё рядом новаций в социокультурных порядках, которые в совокупности понизили интерес массы населения к артефактам классической культуры до невиданного ранее уровня. Классическая культура остаётся актуальной для очень небольшой культурной элиты современных сообществ. В этих условиях постнеклассическая культура если не возвращает массовый интерес, то, по крайней мере, способствует информированности населения об основных феноменах классической культуры, её формах, сюжетах и пр. Неклассическая авангардная культура не делает и этого.

Социальную эффективность постнеклассической культуры, конечно, определять ещё рано. Но в качестве тенденций, уже проявившихся к настоящему времени, можно перечислить:

– возрастающую независимость человека от государства;

– трудовую и образовательную мобильность;

1 Этот вопрос поднимала О. В. Архипова в своей докторской диссертации [2], однако в связи с иными проблемами, рассматриваемыми в работе, он остался не раскрытым в интересующем нас аспекте.

– толерантность по отношению к отклонениям от социальных стандартов;

– переход от книжной к экранной культуре;

– растущее отчуждение от классической культуры.

В этот список можно было бы включить ещё глобализацию и мультикультурацию, но ещё не ясно, во-первых, влияет ли глобализация на культуру, а если да, то как, и, во-вторых, является ли мультикультурация естественным процессом или это искусственный водоворот, инициированный политикой Евросоюза.

Так или иначе, но понятно, что сложение и функционирование каждого из рассмотренных типов культуры теснейшим образом связано с господствующим на каждом этапе истории мировоззрением, методом обобщения и аналитического упорядочения представлений о мире и социальном устроении — религией для классической культуры, наукой и философией для неклассической и постнеклассической культуры. В этот ряд в принципе можно включить и народную традиционную культуру в качестве «доклассической», сложившейся в условиях господства мифоритуального мировоззрения.

А вот что касается мировоззренческой основы массовой культуры, то здесь, как представляется, господствует своеобразное «скольжение по поверхности» всех мировоззрений и ситуативное использование любых их элементов, что делает массовую культуру таким пластичным и конформным «мхом на рельефе» социального бытия. Вместе с тем по своей непосредственной ситуативной социальной эффективности массовая культура превосходит все иные культурные феномены, являясь основной культурой повседневности современного городского образа жизни.

Что даёт эта новая типологизация культур по сравнению с существующими в науке? Прежде всего возможность рассмотреть исторические культуры как мировоззренческие системы и разделить их на типы по особенностям отношения к истине, добру и злу, предпочитаемым моделям социального устроения и пр. А это даёт возможность более детально проанализировать мировоззренческий аспект культуры как совокупного способа упорядочивания коллективной жизни людей и их социального сознания как системного взгляда на мир и определения места человека в нём.

Список использованных источников

1. *Айзексон, У. Эйнштейн. Его жизнь и его Вселенная. — Москва : Corpus, 2015. — 1020 с.*
2. *Архипова, О. В. Идея образования в контексте постнеклассической культуры : автореф. дис. ... докт. филос. наук : 24.00.01 / О. В. Архипова ; [место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. — Санкт-Петербург, 2012. — 50 с.*
3. *В преддверии философии : Духовные искания древнего человека : [пер. с англ.] / Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. — Москва : Наука, 1984. — 236 с.*
4. *Вазари, Д. Жизнеописания 12 наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих / Д. Вазари. — Москва : Academia, 1933. — 468 с.*
5. *Винкельман, И. И. История искусства древности / И. И. Винкельман. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 800 с.*
6. *Григорьева, Т. П. Японская художественная традиция / Т. П. Григорьева. — Москва : Наука : Ин-т востоковедения, 1979. — 368 с.*
7. *Ильин, И. П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм / И. П. Ильин. — Москва : Интрада, 1996. — 256 с.*
8. *Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 347 с.*
9. *Можейко, М. А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигмы / М. А. Можейко. — Минск : БГЭУ, 1999. — 297 с.*
10. *Пелипенко, А. А. Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл / А. А. Пелипенко. — Москва : Согласие : Артём, 2014. — 728 с.*
11. *Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. — Москва : Аграф, 1999. — 384 с.*
12. *Стёпин, В. С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция) / В. С. Стёпин. — Москва : Прогресс : Традиция, 2000. — 743 с.*
13. *Флиер, А. Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение : информ. портал. — 2015. — № 3. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/. — Дата публикации: 18.06.2015.*
14. *Ясперс, К. Смысл и назначение истории : [пер. с нем.] / К. Ясперс ; [вступ. ст. П. П. Гайденко]. — Москва : Политиздат, 1991. — 527 с.*

Материал поступил в редакцию 26.01.2024.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор Московского государственного лингвистического университета (г. Москва).

Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

ХАРТАНОВИЧ МАРГАРИТА ФЁДОРОВНА,
ХАРТАНОВИЧ МАРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА

ЭКСПЕДИЦИЯ ХУДОЖНИКА-ГРАФИКА ЕВГЕНИИ ЭВЕНБАХ В ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ В 1934 ГОДУ: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель настоящей работы — ввести в научный оборот документальный источник по истории создания просветительской, учебной литературы на языках народов Хабаровского края, осветить подход к методике экспедиционного сбора достоверного наглядного материала (изобразительного, предметного, фольклорного), представить структуру сведений, использовавшихся для максимально точного воспроизведения в учебной литературе реалий традиционного быта и занятий нанайцев. Подчёркнуто большое внимание, уделявшееся детскому художественному восприятию природы, повседневности, мира взрослых.

Ключевые слова: букварь, экспедиция, книжная иллюстрация, школа, коренные народы, нанайцы.

Keywords: alphabet book, expedition, book illustration, school, indigenous peoples, Nanai people.

Евгения Константиновна Эвенбах (1889–1981 гг.), выпускница школы Общества поощрения художников и Ленинградского высшего художественно-технического института, ученица таких видных мастеров, как Я. Ф. Ционглинский, А. А. Рылов, Н. К. Рерих, К. С. Петров-Водкин, стала одним из первых иллюстраторов советской детской литературы, одним из создателей первых букварей и учебников для бесписьменных народов Сибири и Дальнего Востока, ряда графических работ по традиционной и новой культуре этих народов.

Достоверность, ассоциативная и образная точность, характерные для работ графика, обуславливались большим полевым опытом Эвенбах в Приамурье.

Зарекомендовав себя как иллюстратор детской литературы 1920-х – 1930-х годов, Эвенбах была приглашена в Ленинградское отделение учебно-педагогического издательства (ЛОУЧГИЗ) для работы над литературой для народов Дальнего Востока [3, с. 92].

Первая экспедиция художницы намечалась на 1934 год. В её состав также входили лингвист О. П. Суник и художница Э. М. Кондиайн. Обе художницы получили отдельные задания: Э. М. Кондиайн отправилась в места расселения эвенков, Е. К. Эвенбах — нанайцев и нивхов.

Экспедиция проводилась с целью ознакомления с языком и традиционной культурой эвенков и нанайцев, проверки учебной литературы ЛОУЧГИЗа на эвенкийском и нанайском языках: букварей, книг для чтения, учебников по арифметике и родному языку для 1 и 2 классов, рецензированию их местными учителями. Для продолжения работы над национальными учебниками планировалось проводить зарисовки на местах и собирать исходный материал [4, л. 1].

По букварям и книгам для чтения участники экспедиции должны были проверить:

«I. Тематику и язык книги.

1. Что верно и что неверно в книге по содержанию (рассказы, рисунки и т. д.)?

2. Что упущено в книге из существенного в жизни народа?

3. Насколько усваивается материал из чуждой народу области?

4. Словарь книжки. Насколько язык книги расходится с местным языком? Иначе насколько язык книги понятен местному населению: лексический запас книги; образность языка, конструкции предложений; вопросы новой терминологии» [4, л. 1].

Аналогичный принцип распространялся и на учебники арифметики, но с большим вниманием к доступности задач в плане темы и терминов.

Е. К. Эвенбах должна была обсудить с местными учителями методическую сторону изданий: как книга помогает организовать занятие, структуру организации материалов и их объём, даёт ли учебник систему знаний. С учителями нужно было выявить потребности в учебных пособиях для учителей и учеников на русском и национальном языках по развитию речи, орфографии и правописанию, наглядные материалы по истории и географии. Следовало узнать, что из детской классической литературы нуждается в переводе на местный язык.

Исследовательская работа художников включала сбор фольклорного материала: загадок, детских песен, сказок, присказок и шуток, наблюдения за жизнью детей, совместное с ними рисование на тему животных и растений, труд взрослых. Объектами зарисовок становились бытовая сторона жизни, сочетание традиции и новшеств, в том числе в охоте, рыболовстве, оленеводстве. Сельское хозяйство, производственные объединения и новое промышленное строительство, участие в этих процессах коренных народов также должно было оказаться в поле зрения художника, как и новое культурное строительство: работа школ, красных палаток, красных лодок, больниц и ветеринарных пунктов.

В результате участники экспедиции должны были сдать в редакцию ЛОУЧГИЗа отчёт о литературе, рисунки, фотографии, записи сказок, песен, загадок, шуток, в том числе детских, образцы традиционного искусства, материалы по языку и этнографии.

В первой и последующих экспедициях Е. К. Эвенбах посетила селения нанайцев: Найхин, Джари, Дада, Гаси, Болонь, Джуен; нивхов: Тыр, Кальма, Тахта, Тебах, Чильма, Мочала. Однако из документов, связанных с экспедициями Эвенбах, удалось выявить материалы, связанные только с её первой поездкой 1934 года.

В архиве специалиста по изобразительному искусству народов Сибири С. В. Иванова (1895–1986 гг.) хранится отчёт о первой экспедиции Е. К. Эвенбах в Хабаровский край в 1934 году как сотрудника Ленинградского отделения учебно-педагогического издательства. Документ конкретизирует цели и задачи экспедиции, полученные результаты, анализ ошибок первого букваря нанайского языка, лаконичные впечатления о повседневности нанайского стойбища, воспитании детей, об организации школьного обучения в нанайских селениях.

Очевидно, документы первой экспедиции оказались в архиве С. В. Иванова благодаря совместной подготовке выставки Е. К. Эвенбах «Искусство народов Амура», прошедшей в залах Ленинградского отделения Союза художников в 1959–1960 годах [3, с. 153].

В первой и последующих поездках художница собирала предметы традиционной духовной и материальной культуры: образцы орнаментов, одежды. В собрании Эвенбах

были и предметы духовной культуры: изображения духов, шаманское дерево, амулеты, посуда для жертвоприношений духам воды и медвежьего праздника, изображения умерших [1, с. 37–41]. Коллекция Эвенбах экспонировалась вместе с графическими работами на выставке «Искусство народов Амура», после которой два халата, свадебный и из рыбьей кожи, собранные в первую поездку в 1934 году, были переданы художницей в Государственный музей народов СССР (ныне Российский этнографический музей).

Графические работы Эвенбах хранятся во многих музеях страны, например, в Научно-исследовательском музее при Российской академии художеств, Государственном музее политической истории, Дальневосточном художественном музее, Иркутском областном художественном музее имени В. П. Сукачёва, Городском краеведческом музее Комсомольска-на-Амуре [2].

В имеющихся полевых документах Эвенбах не содержится сведений о том, как коллекции собирались. Отчёт документирует впечатления и факты, влиявшие именно на создание просветительской литературы, нужной и понятной ребятам, формирующимся в определённой среде: «Мышление нанайца чрезвычайно конкретно, благодаря жизни среди непокорённой природы и особой среды», — писала художница [4, л. 13].

Материалы отчёта в некоторой степени цитируются в монографии биографа художницы — искусствоведа В. С. Матафонова, положившего в основу рукописную автобиографию художницы. Полностью отчёт публикуется впервые как документальный источник экспедиционных исследований в Приамурье в 1930-е годы. При публикации сохранён авторский стиль, пунктуация и орфография даются в современной редакции.

Приложение.
АМАЭ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17.

Отчёт о работе экспедиции ЛОУЧГИЗа на Крайний Север (Нанайский национальный район ДВК) художника Е. Эвенбах

Поездка на Дальний Восток к нанайцам является продолжением моей работы по изучению северных народностей для изданий северных национальных учебников, начатой в 1932 году.

Музеи, чужие фотографии совсем недостаточны при работе над книгой, необходимо действительное знакомство с народами, знание их современной жизни. Поэтому в течение всей предыдущей работы я с самого начала, первая моя книга была нивхская, вела постоянную связь со студентами ИНСа[1], расспрашивала их, советовалась с ними, рисовала их, рисовали они мне. А лето 1933 г. провела с ними на даче в Луге[2], сделав много снимков, зарисовок, записала их национальные игры и кое-что из быта.

Всё это говорит, насколько необходима была поездка на север к моменту отправки экспедиции, необходим авторский материал по новейшей жизни, собранный самим художником.

Проверка северных национальных учебников на местах также назрела, т. к. и здесь мы видели неудовлетворительность издаваемых книг — устраивали активом художников общественные просмотры с авторами, ЛОУЧГИЗом, студенчеством ИНСа. Так, в 1933 году в ИНСе организовали выставку учебников ЛОУЧГИЗа, где в течение месяца велась работа по просмотру книг, собраны отзывы, устроено собрание совместно с НИА ИНСа. А затем выставка была перенесена в Союз советских художников, секцию графиков, где и обсуждалась секцией.

Основная цель поездки была:

I. Ознакомление с языком и бытом нанайцев: старое и новое в быту, занятия населения, промышленное строительство на севере, культурное строительство, школа, больница — собрание авторских материалов, нахождение сюжетов для книги в дальнейшей работе по северной национальной книге.

II. Проверка изданной литературы на месте со стороны языка и оформления книги (рисунки, обложка, конструкция книги) на основе полученных знаний и совместно с учительством и культурным активом населения. И отсюда — выявить нужды, запросы для дальнейшей работы по книге.

Имея в основе план издательства, в работе пришлось его менять, добавлять, считаться с местными особенностями.

Слишком быстрый отъезд, 4-5 дней, не дал подготовиться, как надо; это сказалось и в спецодежде, мало приноровленной к местному краю (мошка, насекомые в быту), и в нехватке фотоматериалов, которые сразу в такой короткий срок нельзя было закупить, и недохвате продовольствия, которого иногда при наших условиях не хватало.

Кроме того, надо было кое-что почитать.

Работу начали с краевого центра — крайисполкома в Хабаровске, и районного центра — райисполкома в Троицке на р. Амуре.

1 Институт народов Севера.
2 Город в Ленинградской области.

Краевой центр в Хабаровске

В крайисполкоме мы особенной помощи не получили. Так, почти на все наши вопросы о национальных учителях — узнать на местах, о программах Наркомпроса — узнать на местах, о дошкольниках — предложили нам дать литературу.

В Комитете Севера заручились у Кантера[3] необходимыми документами, в райисполкоме — о транспорте и продовольствии, и в ГПУ — о разрешении мне фотографировать в районе, и взяли карту. В Комитете нового алфавита[4] большую помощь и внимание оказал Аврорин[5], устроивший нас прежде всего после длинной и утомительной 13-дневной дороги в Хабаровске, где нам пришлось побыть некоторое время. Мы познакомили Аврорина с планами нашей работы. С его помощью наметили основной маршрут, который затем в районе уточнили, считаясь с возможностями местного края и транспортом, очень трудным и не налаженным в районе (I съезд Советов Нанайского национального района вопрос о транспорте и связи поставил первым).

В Художественном музее Хабаровска осмотрели выставки искусства народов Севера. Познакомились с директором Покровским[6]. В Найхине есть Комитет нового алфавита, издаётся местная газета «Тасеоceori Pokto»[7], есть небольшая типография с ручным печатным станком, где работают нанайцы.

Комитет нового алфавита организовал курсы ликвидаторов в Болони (где мы были), «красную лодку» на время хода кеты для объездов культурно-просветительской работы на рыбалках (я ездила с ними), ликбез, теперь школу малограмотных. В Найхине — клуб, где ставят национальные постановки. Школа в 6 классов, образцовая, с пионерорганизацией. В Найхине — больница, обслуживающая ряд соседних стойбищ.

Найхин был местом Первого съезда Советов Нанайского национального района.

Мою работу я разделила на два периода: 1) работа в Найхине и близлежащих стойбищах: Даерга, Дада, Гаси, переезд в стойбище Болонь, Верхний Нерген, Малмыж. Общее знакомство и изучение жизни нанайцев до сентября; 2) период с начала сентября, я осталась для изучения определённых тем: 1) кетовой рыбалки, важного факта рыболовной жизни нанайцев; 2) знакомство с национальной нанайской школой; 3) 1-й съезд Советов Нанайского национального района, который дал мне возможность полно закончить работу политической жизнью народа.

Этот период был трудный, было холодно, дожди, штормы, снег, приходилось делать переезды в такую погоду, ночевать в рыбацких балаганах и шалашах, жить в нанайском доме, к осени очень неприспособленном.

Изучение быта

Я поселилась в нанайской семье.

Нанаец всё делает сам. Сам строит дом. Женщины обмазывают глиной. Кроет дом соломой, прекрасной высокой травой. Строит внутри нары, незатейливую мебель, низкие столики и полки или шкапы (есть также красивые разрисованные китайские шкапы и столики). Обрабатывает свой огород всей семьёй. Приготовляет невода и сети для рыбной ловли. Строит лодки, оморочки, привозит дрова.

Женщина ведёт свою домашнюю работу. Приготовляет пищу для семьи, для собак. Рубит и носит дрова, работает в огороде, возится с детьми, часто работает, нося их на спине. Женщина плетёт циновки из камыша. Шьёт на семью одежду, есть машинки. Шьёт обувь, вышивает. Обрабатывает рыбьи шкуры. Ходит по ягоды. Рыбачит вместе с мужчиной.

Теперь организована женская бригада, в которую входят нанайские художницы, они работают артелью на кооператив: обувь (туфли, унты); плетут корзины, циновки; сдают ягоды, виноград.

Женщины охотно посещают ликбез.

В семье женщина никак не равна мужчине — она ест отдельно, она несёт более трудную работу, например, в лодке женщина гребёт, мужчина правит.

У моего хозяина было две жены, которые вполне уживались, причём одна из них была скорее домашней работницей, исполняла всю чёрную работу, плохо одевалась. Нанайцы очень любят своих детей, ласково с ними обращаются, хотя часто не понимают, что надо, чтобы дети были здоровы. У моего хозяина из 22 человек детей выжило 14.

Нанайские дети — живые, подвижные, непринуждённые, и нет в них распущенности, как у русских детей. Они в своих играх изображают жизнь взрослых, подражая их действиям: жизнь в доме, охоту, рыбалку.

Я записала более 10 игр. Да, прошлым летом мне удалось узнать у студентов ИНСа несколько.

Дети очень любят играть на песке (дикари), строят дом, нары, очаг, кладут дрова, одежду, посуду и сами садятся в

---

3 Кантер Осип Давыдович (1885–1935 гг.), член РСДРП с 1903 г., революционер, сотрудник ЧК, советский политический деятель, первый председатель Нижне-Амурского облисполкома (1934 г.).

4 Всесоюзный центральный комитет нового латинизированного алфавита.

5 Аврорин Валентин Александрович (1907–1977 гг.), лингвист, член-корреспондент АН СССР (1964 г.), в 1933–1934 гг. — заведующий сектором народов Севера Комитета нового алфавита при президиуме Дальневосточного крайисполкома.

6 Покровский Пётр Михайлович (1893–1938 гг.), искусствовед, график, краевед, организатор музейного дела, первый директор Дальневосточного художественного музея (1931–1938 гг.).

7 Газета на нанайском языке «Тасеоceori Pokto» («Учебный путь») выходила в 1933–1934 гг.

дом. Играют в местные самодельные игры, играют в русские игры — лапту, шашки. Любят качели, гигантские шаги. Поют — живой подвижный народ.

С детства приучаются к взрослым занятиям. Так, трёхлетний сын моего хозяина ездил с нами на рыбалку в очень холодную погоду, в шторм, ел талу (сырую рыбу), несколько часов провёл в этой непогоде. Рыбак, сын моего хозяина, едет рыбачить с женой и трёхлетним сыном, туберкулёзным, возвращаются в бурю, а мальчик спокойно спит в лодке.

Также ездила я с нанайками в шторм, и одна из них взяла грудного ребёнка в люльке в лодку с нами (есть фотографии). Дети помогают взрослым в работе, носят воду, дрова, помогают готовить пищу, чистят рыбу.

Но ухода за детьми нет. Почти все дети в накожных болезнях, грязные, есть туберкулёзные. Ясли, которые я видела в двух стойбищах, неорганизованны, руководительницы нет, только няни.

Занятия нанайцев

Основные занятия нанайцев — рыболовство, 71 % населения. На этом строится их быт. Приехав, мы застаём подготовку к кетовой рыбалке, которая в Найхине бывает в сентябре, идя постепенно снизу Амура вверх.

Рыбаки, разбитые на бригады, подготовляют невода, чинят старые, делают новые невода, чинят лодки, приготовляют «прозодежду»[8].

На рыбной базе, в мастерских, заготовляют материалы для бочек, делают бочки для солки рыбы.

Кетовая рыбалка — самое тяжёлое время. 35 800 центнеров рыбы по плану надо было выполнить, 60 % всего годового плана.

Не было подготовленности со стороны Интегралсоюза[9], не хватало соли, бочек. Рыбаки плохо снабжены прозодеждой. Не было культурно-просветительской работы. Эти недостатки затрудняли работу.

В сентябре мне пришлось объехать несколько рыбалок: у Даэрги, у Дады, женская рыбалка, на Халане, и напротив Халана, и школьную рыбалку. На рыбалке — 2-3 бригады, которые работают по очереди. Рыбаки часто без прозодежды, без обуви, по пояс в воде, подсушивались в балагане у костра, опять идут неводить.

Часто работают по ночам, чтобы выполнить план. Выполнили план на 104 %, несмотря на затруднения. Работали хорошо. Некоторые бригады на 225 %, 138 %. Рыбу отвозили в базы, где чистили её, солили в бочки. Тут же приготовляли кетовую икру. В Даде помогали пионеры.

Комитет нового алфавита организовал на время кетовой рыбалки «красную лодку» из студентов Николаевского техникума для культурно-просветительской работы.

Я ездила несколько раз с «красной лодкой».

Ребята проводили собрания, составляли стенгазету, ставили кино, но особенно подготовленными к этой работе не были. И им было трудно.

Большое строительство идёт у Болони в 2-х километрах, на рыбном промысле. Там будет консервный завод (сейчас идёт лабораторная работа).

Строится большое помещение для засолки рыбы с чанами. Построена большая пристань, где происходит чистка рыбы уже механизировано. Есть жиротопка, где приготовляется медицинский рыбий жир. Есть три коптилки, где при нас коптили максунов.

Растёт сельское хозяйство нанайцев: 5 % населения Найхинского колхоза «Sikun pokto»[10] к Первому съезду Советов выполнил 92,5 га пахоты (по заданию — 82,5 га).

В колхозе 65 лошадей, 21 корова, 27 свиней.

Я ездила в августе на участок «Бихан», на уборку хлеба. Колхозники убирали машиной, работали дружно, бодро. Ездила в октябре на уборку овощей. Картофель выкапывала новая машина. Распахивали новую землю, целину под пашню, выкорчёвывали пни топорами, рубили, косили и сжигали траву, порубали корни — работа трудная, нет трактора, нужен трактор. И ещё в октябре была мошка. Охота начинается с ноября. Видеть её не могла, кое-что рассказывали мне охотники.

Нанайская школа

Первый съезд Советов нанайского национального района в Найхине указал на то большое внимание, которое уделено культурным нуждам, народному образованию нанайцев — 49 % финансов. В районе 12 нанайских школ. С 1934 года обучением охвачены все дети школьного возраста от 8 до 14 лет. Но не хватает учителей — 17 %. Учителей нанайцев — 5 человек. Учителя 16-17 лет. Учителя низкой квалификации. Национальных кадров нет. Работа по поднятию квалификации не поставлена. Методической помощи нет.

Материально-бытовое и правовое положение учителя неудовлетворительно. Школы к учебному году не подготовлены. Обеспечение учебниками на 6 человек, одна книга по району. Тетрадей хватит на 1-й квартал. Политико-просветительская работа качественного роста не даёт. Несмотря на увеличение изб-читален.

8 Производственная одежда, рабочий костюм. Выдавалась работодателем за свой счёт для предохранения собственной одежды работающего от загрязнений и повреждений.

9 Союз интегральных промыслово-охотничьих рыболовецких кооперативов.

10 Новый путь (нанайск.).

Дошкольное строительство надо начать.

Я была в нескольких школах во время занятий. В Джари, где три класса, две учительницы, русские. Одна ведёт занятия сразу с двумя классами в нанайских группах. Другая — в 3-м классе, совсем неопытная, нелюбящая дело. Как они говорили…

Я была на уроках рисования и гимнастики. Малыши не заняты. Начинают работу, но ненадолго, скучают, слушают, как делает гимнастику другой класс, бросают свои занятия.

Нет методических занятий для учителей, как вести такую работу. А учительница не плохая. Не знает нанайского языка, а преподаёт нанайский язык. Жалуется, что нет русских переводов (Лоучгизом они были отпечатаны!). Нет связи с учителями, книги идут через много рук.

В школе отсутствие каких бы то ни было пособий, бедность, плохая бумага, плохие карандаши, нет цветных карандашей и красок для рисования. Учительница обратилась ко мне с вопросом, как учить детей рисовать. Они срисовывают из букваря рисунки и буквы.

Другой учитель — нанаец из Дары — ведёт три класса, он же и заведующий, он один на всю школу.

В октябре я встретила его в Найхине, он только ехал в школу, пережидал шторм, а занятия в школах с 1 сентября.

На все мои вопросы по анкете, уже упрощённые, наводящие, ничего не мог мне ответить, только повторял мои слова.

И получше школу я видела в Найхине. В 6 классов, где есть директор, заведующая и несколько учителей.

Помещение — мало, из старой церкви, занятия ведутся в две смены, 1 и 2 классы нанайские группы в обе смены. Есть ещё 2-й класс — русская группа. С 3-го класса идут вместе русские и нанайцы.

Школа получает средства непосредственно из Хабаровска, минуя роно. Сделан ремонт школы и интерната. К началу учебного года вставлены стёкла, заготовлены дрова. И более или менее снабжена учебниками. Книга для чтения была получена в октябре, с опозданием к началу учебного года. И учителя хотели, имея один привезённый нами экземпляр, перепечатывать его понемногу в местной типографии, также и рисунки, чтобы по этому работать в классе. Такая потребность в учебнике.

В этой школе я провела на уроках (между поездками моими на рыбалки и в колхоз).

Я наблюдала интересный факт: работу школьников-нанайцев на рыбалке.

Благодаря организованности школа обеспечила себя рыбой, кетой, на зиму — школьные бригады с учителями посменно ездили на рыбалку под бригадирством старого рыбака нанайца.

Я ездила с ними, наблюдала их рыбалку. Нанайцы-школьники работают как взрослые рыбаки — их отцы. С теми же навыками. Также стойко переносили холод и непогоду, также работают по пояс в холодной воде, едят талу[11].

Рыбу засолили и икру приготовили на зиму.

Была в 1-м классе нанайской группы на уроках арифметики и чтения. Класс перегружен, 46 человек. Часть — взрослые девицы 17–18 лет, нехорошо влияющие на дисциплину класса.

В одном конце читают, в другом не слушают, скучают, успехи плохие.

Учитель-нанаец спросил меня, как его занятия. Я сказала. В ближайшее затем время класс был разделён на 2 класса. Этот же учитель (не хватает учителей!). Все занятия в 2 смены, а взрослых девиц хотели исключить, вскоре в Найхине открывается школа малограмотных.

Во 2-м классе в национальной группе была на уроках чтения и рисования.

В 3-м классе на уроках русского языка. Читали Пушкина «О попе и работнике Балде». Дети очень мало понимали, хотя учительница говорила, что всё объясняла им.

В дальнейшей беседе с национальными учителями об учебниках, о методической стороне, они мне указывали на трудность перехода и несоответствие жизни в программах Наркомпроса: переход из 2-го класса (национальный язык) сразу на русский.

Мало было учтено знание нанайского школьника (коренизация — I и II класс).

В старших классах, где нужна специализация учителя, её нет. Чувствуется незнание учителя (уроки литературы, географии).

В школе — отсутствие пособий. При мне были получены, правда, русские орфографические таблицы трудных слов. И таблицы животных в красках московского издания. При мне был инспектор из только что организованной области. Он интересовался состоянием школы.

Уроки рисования печальны. Преподают учителя, не зная, как надо, не понимая. Не учитывается психология ребёнка нанайца, своеобразие его среды, не считаются с национальным искусством одарённого народа.

На уроках ручного труда лучше. Дети лепят свободно. Вышивают, шьют нанайскую обувь, одежду (маленькую), давая нанайские образцы своего творчества (я привезла такие детские работы из Болони).

Пробовала я рисовать с детьми, дав им бумагу, цветные карандаши и краски.

Дети любят рисовать, смышлёны, быстро осваиваются с новой техникой (я привезла эти детские рисунки).

Есть в школе пионерорганизация. Во всех стойбищах, где мы жили, пионеры являются активными ребятами. Так,

11 Еда из сырой рыбы.

в Болони они подготовились к МЮДу[12]. В Даде работали на рыбной базе, заготовляли икру. Откликнулись на работы «красной лодки». Помогали в колхозе летом (ещё до меня). А к 1 съезду Советов подготовили несколько постановок для развлечения вечером делегатов: национальный нанайский хор, хороший струнный оркестр, физкультуру.

Последней частью моей работы была поездка на 1 съезд Советов Нанайского национального района. Я уже вернулась в Хабаровск, израсходовав все фотоматериалы и отвезя тяжёлые чемоданы, при трудной посадке, особенно в последние дни навигации.

В Хабаровске, получив кое-какие материалы, решила вернуться в район. Уговорила начальника пристани дать мне билет на пароход «Рыбак» и 14-го октября была опять в Троицке, откуда катером с делегатами и музыкантами, едущими тоже на съезд, добралась до Найхина.

Съехались почти все делегаты, несмотря на шторм, частью потом доехали. Были делегатки с детьми. Я хочу отметить большой интерес населения к съезду (и перевыборам сельсовета). Клуб был переполнен празднично одетыми и вымытыми нанайцами. Много было женщин. Слушали внимательно. Сами говорили.

Я еле узнавала прежних рыбаков.

Помимо большой подготовительной работы предвыборной комиссии, Найхин весь изменился, побелился снаружи и внутри. Почистили улицу, убрали вешала, украсили стойбище флагами и лозунгами. Подготовили общежитие и столовую для делегатов.

На трёх языках говорили на съезде: нанайском, корейском и русском. Вышел к съезду специальный номер местной газеты.

Докладчики съезда рассказали о состоянии района и работе его. Населения — 17 тыс. (из них 7 тыс. нанайцев). Намечают новые почтовые и телеграфные пункты, аэропланы более тяжёлой конструкции, глиссеры для непогоды.

Рыбное хозяйство — главное занятие нанайцев, увеличилось в 3,1/2 раза. Но ведётся старым способом, без механизации. Постройка рыбного консервного завода в Болони идёт медленно.

В охотничьем промысле, имеющем экспортное значение, недочёты: слабо организованы охотничьи хозяйства, не соблюдаются сроки норм охоты, не налажены взаимоотношения между ПОС-ами[13] и колхозами. Мало внимания второстепенным продуктам охоты: дичи, мясу, ягодам, грибам, кустарным изделиям.

Сельское хозяйство увеличивается, но нет специализации участников, нет МТС.

Также недочёты в лесном хозяйстве. Коллективизация проведена на 87 % у нанайцев, 93 % у корейцев и 73 % у русских.

Осуществляется классовая политика, введена паспортизация. Выселено 428 человек. Будет судья.

Особое внимание уделено народному образованию.

Были выбраны комиссии для выработки резолюций.

Так, прожив среди нанайцев, видя их в производственном труде, я увидела их в политической жизни, разбирающихся в своих недочётах и намечающих новые пути.

Особенно молодёжь хочет знаний.

Какие работы я сделала:

1) рисунки-наброски карандашом: типаж, дети, рыбаки, рыбалка, домашний быт;

2) акварельные рисунки — наброски: пейзажи, быт;

3) зарисовки орнамента на бересте (утварь) и резьбы по дереву;

4) фото — 3 альбома, большинство изображающих новое строительство у нанайцев.

I. Быт: труд женщины, дети, работы мужчины, пейзаж, стойбище, типаж и др.

II. Рыбалки: подготовка к кетовой рыбалке, небольшие рыбалки, кетовая рыбалка (различные моменты работы), рыбные базы, засолка рыбы.

III. Школа: пионеры, медицинский осмотр, школьная рыбалка, типажи.

Курсы ликвидаторов[14] в Болони.

1 съезд Советов Нанайского национального района, типография.

Нанайский колхоз: сельское хозяйство, хлеб, животноводство.

Нанайский кооператив.

Собрала рисунки курганов и рисунки детей нанайцев, которые они рисовали при мне. Работы по ручному труду пионеров. Аппликации к театральному занавесу. Деревянную скульптуру. Несколько китайских икон. Кроме того, сделаны фото отдельных предметов, но в небольшом количестве за неимением фотоматериалов.

II. Проверка учебников (букварь, книга I год для чтения)

Оформление букваря — первой книги, полной рисунков, оказывает большое влияние на воспитание и формирование ребёнка нанайца. Тем более что к книге у него большое уважение и интерес.

Национальная книга знакомит ребёнка прежде всего со всем его окружающим.

12 Международный юношеский день.
13 Промыслово-охотничья станция.
14 Ликвидаторов безграмотности.

Предметы, темы из близкой жизни. Отвечая экономическим, политическим и культурным запросам народа, дают ему лучшие (идеальные) образы.

У нанайцев весь быт, одежда, обувь, одеяла, утварь и пр. неразрывны с их национальным искусством и большим искусством.

Мышление нанайца чрезвычайно конкретно благодаря жизни среди непокорённой природы и особой среды. Нанаец рисует как самобытный художник.

Я привезла ряд работ (работы артелью на Интеграл) и рисунков[15].

Только зная быт народа и зная прекрасные образцы его художественного творчества, можно создать ему нужную книгу.

И ещё.

Знакомство с нанайской школой и нанайским учительством, неподготовленным, низкой квалификации, ещё молодым, указывает на необходимость дать к этой книге в помощь учителю методические указания.

Из разговоров, опросов встречавшихся мне учителей нанайцев я узнала, что они затрудняются вести занятия. Как вести работу при двух классах сразу? Букварь ничего не подсказывает.

Даже затрудняются как подавать материал: ребёнок не читает слово напечатанное, а говорит по рисунку. Пройдя как будто половину книги, ребёнок не умеет читать, дойдя до места без картинки.

Надо методическую записку при книге.

Букварь (смотри книгу)[16]

О предбукварных рисунках. Нет предбукварных рисунков, которые необходимы, чтобы ввести ребёнка в книгу, заинтересовать необходимым материалом, а именно: о нанайской школе, класс в школе, учитель со школьниками. О школьной гигиене, подводящей школьника к необходимым школьным навыкам.

О расположении материала. Чувствуется большая разбросанность материала. Например: о школе: стр. 23 — школа, стр. 34 — школьные комнаты, школьная гигиена, стр. 36 — рабочая комната школы, стр. 38, 39 — о школе, затем стр. 40 — об изюбре, стр. 41 — опять о школе — пионеротряд.

Вожди: стр. 22 — портрет Ленина вклинивается, стр. 28–29 — три вождя, между рыбалкой и амбаром (к вождям нужны биографии их) и через много страниц, стр. 54 — советская власть, стр. 56 — Октябрьская революция.

Также разбросаны темы колхоза: стр. 27 — колхозная бригада, стр. 53 — наш колхоз и стр. 61 — колхозная торговля. Причём здесь неверное заглавие, несоответствующее содержанию, — kolhos hodani (неверно). Надо: 1) kolhos zalogelajni goni. Через 16 строк: 2) Bohgozi zobojgurun. Через 6 строк, на стр. 62: 3) Kolhoz hodani.

На первых страницах букваря нет смысловой связи предметов, стр. 4, 5, 6, 10, 12, 13, 14, 18, 21, 24.

Мало местного материала, особенно мало школьного национального материала. Нет рыбалки, нет охотника и охоты на белку, на медведя, на кабана. Нет аэроплана, глиссера, трактора.

Очень неточны соотношения масштабов. Плохое качество бумаги, неясный шрифт на ней затрудняет чтение. Далее — по страницам: схематичность рисунков, неточность, непохожесть. Внешнее оформление. Переплёт надо прочнее, сохраннее. Очень треплется, изнашивается. Обложка — мрачная (смотри национальное искусство). Обложка не цветная. Нанайцы любят цветастое.

Книга не даёт современной нанайской жизни, в основе рыболовного хозяйства с кетовой рыбалкой. Не даёт новой стройки. Не даёт расширяющегося колхозного хозяйства (хлеб, овощи, животноводство). Так же и охоты.

Книга не передаёт среды: пейзажа, домов, предметов быта, проникнутого национальным искусством. Не даёт типажа. Не даёт живых нанайских детей (книга для детей!). Нет в книге совсем детских игр, которые необходимы, нет школьной жизни с её особенностями, пионерорганизацией, школьной рыбалкой. Ничего нет из нанайской исторической жизни, к этому есть у них интерес.

Общественные и политические темы (рисунки) неясны, непонятны, не заинтересовывают, не привлекают. Нет местных аэропланов (гидропланов), глиссера.

Нет Дальневосточной Красной армии, которая достойна быть в нанайском букваре.

Книга для чтения I год. Перев. Петровой. Язык — сухой, переводной, не нанайский живой. В нише мало рисунков. Стр. 10, 11, 12 и 13 — четыре больших рисунка неверно передают нанайский быт: 1-й рисунок — не тайга, 2-й — так не рыбачат, так невод не тянут, пейзаж не характерен, 3-й — уборка сена. Ребята смеются, что когда косят, то тут же сгребать сено в кучи, и 4-й — пашут — схематично, стр. 16 и 17 — птицы (хорошо нарисованы), но не все известны, надо подписи к ним. Стр. 38 — лошади не нанайские, стр. 43 — неверно.

Книги эти просматривала в Найхине с национальными учителями. Также с курсантами в Болони.

О запросах и нуждах (по запискам на местах). Необходима нанайская литература, помимо букваря, так как грамотность без чтения забывается. Предлагают северянам, окончившим ИНС, заняться этим.

15 Искусство народов Амура : каталог выставки / Ленинградский союз советских художников; [сост. Е. К. Эвенбах ; отв. ред. и авт. вступ. ст. М. А. Сергеев]. — Ленинград: Художник РСФСР, 1959. — 59 с.

16 Awrorin, W. A. Sikun pokto = Новый путь : букварь на нанайском языке. — Ленинград : Учпедгиз, 1932.

В брошюрах, книгах дать небольшие хромографии, картинки, так как нанайцы их любят. Комиксы, для малограмотных картинки нужны, они привлекают прежде всего.

Грамматика по нанайскому языку для учителя (шире, чем ученику).

Есть потребность создать учебник по самообразованию в помощь взрослым. Букварь (детский) недостаточен для кругозора взрослого нанайца. Нужна другая тематика (на рыбалках все рыбаки с букварём). Тематика даётся населением.

Художественный перевод труден, поскорее создать свои произведения, песни, стихотворения. Художественные книги можно перевести, но проще.

Для культурно-массовой работы необходим нанайский песенник.

Дать жизненные темы: на рыбалке, на охоте, огородные, сельскохозяйственные темы, животноводство, птицеводство у ульчей.

Весёлые рассказы из военной жизни. Особая Дальневосточная армия.

Для дошкольников нужны картинки с северной тематикой. Кубики.

Школьные нужды.

Пособия-картинки для русского языка (на 55 мин.) из местной жизни для 1 и 2 классов, для развития речи.

Географо-физическая карта. В 6-м классе — карты всех стран. Картины жарких стран.

Для технического кружка нет моделей для младшего и старшего возраста. Можно картинные вырезные листы (трактор, аэроплан).

Нужны словари: словарь для учителя, словарь для учеников 3 и 4 классов.

Всё это я записала со слов школьных учителей и культурного актива нанайцев.

Методическая записка для учителя, как подавать материал, как вести занятия.

1. Необходимо дать указания, как учить детей рисовать, с небольшими иллюстрациями.

2. Издавать пособия-картинки для развития разговорной речи (на 55 минут) на темы из их местной жизни.

3. Издать словарь для учителя и словарь для учеников 3 и 4 классов.

Чтобы издательству действительно воспользоваться знанием и опытом экспедиций, необходимо так организовать работу:

1) чтобы было больше общения между руководящим составом издательства и художником-специалистом;

2) чтобы художник знал план издательства и заранее был прикреплён к своей теме, чтобы можно было подготовиться, имея срок, иначе серьёзные художники уйдут, будут случайные, берущие какой угодно народ в какой угодно срок, не имея никакой подготовки;

3) при работе над книгой, особенно над букварём, совершенно необходима первоначальная общая работа (до оформления ещё) методиста, автора и художника, как специалиста, так как конструкцию, построение книги, масштаб рисунков, выбор иллюстраций, количество рисунков на странице, общую загруженность книги может дать только художник своей художественной мерой.

Отсутствие в этой работе художника сказывалось во всех книгах. На каждом шагу, и дало самые печальные результаты.

Задача издательства — создать основной коллектив художников, квалифицированный, знающий Север, прикрепить к плану издательства (это не штамп). Без этого не может быть работы хорошего качества. Состав может и должен подновляться.

Заключение

Спешный отъезд экспедиции не дал возможности подготовиться к работе: узнать край, местные условия, транспорт. Сказывалось отсутствие должного количества фотоматериалов, необходимой прозодежды при тамошних условиях (мошка, насекомые).

Короткий срок командировки — с 17.07. по 01.11. с дорогой — недостаточен. Захватив ещё месяц или полтора, узнала бы зимний быт, охоту, больше — школу. Также можно было расширить производственные темы: лесозаготовки, туфкомбинат, стройки Дальнего Востока, как Комсомольск.

Также нужно было объехать другие районы для языка и быта (по нашему маршруту).

Но, несмотря на недочёты и трудности, поездка мне много дала. Пожалуй, я полно охватила все стороны их жизни периода, когда я была, я наметила себе дальнейшие пути.

Привезённый материал, самое существенное из которого я даю на выставке, дал мне возможность по-новому поработать над национальной книгой, а также, я думаю, помочь товарищам. Кроме того, некоторый материал нужен для детской книжки, а также для моей творческой работы.

Нужно предложить и закрепить связь с Нанайским районом. Прежде всего, с культурным национальным центром в Найхине (Комитет нового алфавита, образцовая школа). И, зная действительные нужды, действовать на край. По возвращении в Москве связать с комитетом Севера.

В издательстве надо: 1) переиздать нанайский букварь на основе виденного в районе и привезённого материала, с жизненными темами, с национальной школой, на хорошей бумаге. Букварь, оформленный на основе их нацио-

нального искусства, введя рисунка 4 красочных (вложив лист внутри книги), в крепком цветистом переплёте. К букварю обязательно должны быть привлечены молодые художники, между которыми можно устроить конкурсы, соревнования, чтобы выявить годных для работы.

28 ноября 1934 г. Е. Эвенбах.

Список использованных источников

1. *Искусство народов Амура : каталог выставки / Ленинградский союз советских художников ; [сост. Е. К. Эвенбах ; отв. ред и авт. вступ. ст. М. А. Сергеев]. — Ленинград : Художник РСФСР, 1959. — 79 с.*
2. *Ломыко, А. В. Иллюстрации Е. К. Эвенбах к букварям народов Севера и Дальнего Востока / А. В. Ломыко // Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке : Шестые Гродековские чтения. Т. 4 / Правительство Хабар. края, М-во культуры Хабар. края, Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова [и др.] ; [гл. ред. Н. И. Рубан]. — Хабаровск, 2009. — С. 149–153.*
3. *Матафонов, В. С. Е. К. Эвенбах / В. С. Матафонов. — Ленинград : Художник РСФСР, 1987. — 184 с.*
4. *План работы экспедиции ЛОУЧГИЗа на Крайний Север (Нанайский нац. район ДВК и Витимо-Олекминский национальный округ Вост. Сиб. края) в составе редактора Сев. сектора Козловского А. П., автора Суника О. П., художника Эвенбах Е. Н. и Кондайн Э. М. // Архив Музея антропологии и этнографии (АМАЭ). Ф. 33. Оп. 1. Д. 15. — Машинопись.*
5. *Эвенбах, Э. Отчёт о работе экспедиции ЛОУЧГИЗа на Крайний Север (Нанайский национальный район ДВК) художника Е. Эвенбаха // АМАЭ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17.*

Материал поступил в редакцию 22.03.2024.

Сведения об авторах:
Хартанович Маргарита Фёдоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арктических исследований Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург).
Контактные данные: e-mail: mkhart@yandex.ru; тел. 7-921-922-52-91.

Хартанович Мария Валерьевна, заведующая отделом цифровых проектов Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург).
Контактные данные: e-mail: marijah@mail.ru; тел. 7-921-924-68-64.

ГОРЕЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,
НАУМЕНКО АРТУР ЭДУАРДОВИЧ

ОТРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НИВХОВ В СКАЗКЕ «ХРАБРЫЙ АЗМУН»
(на материале сборника амурских сказок Д. Д. Нагишкина)

В статье рассматривается произведение устного творчества нивхов, представленное в сборнике Д. Д. Нагишкина как миф, содержащий архаические представления нивхов об устройстве Вселенной. В качестве структурного компонента мифа, одновременно выступающего как вербализация элемента мистического сознания, взята мифологема. Мифема принята как мельчайшая единица мифа, воплощённая в конкретном высказывании. В результате анализа выявляются бинарные оппозиции, пространственно-географические и анимистические мифологемы. В статье подчёркнута роль анимистических мифологем в создании одухотворённых образов природы, что позволяет выявить особенности повседневной жизни и культуры народа. Результат может быть использован в изучении вопросов этнографии и культурологии.

Ключевые слова: миф, мифема, мифологема, архетипический образ, космологическая модель, мистическое мировоззрение, нарратив, символ, бинарная оппозиция.

Keywords: myth, mytheme, mythologeme, archetypal figure, cosmological model, mystical worldview, narrative, symbol, binary opposition.

В XIX – начале XX века культура нивхов носила архаический характер, христианство, привнесённое переселенцами, мало повлияло на неё. Религиозное сознание оставалось анимистическим, и в качестве его ядра сохранялся промысловый культ, а также культы очага и предков [2, с. 7]. Архаическое сознание коренных жителей Дальнего Востока моделировало особый образ мирозданья, индивидуальную систему мироустройства, которая отражена в мифах. Миф — это иллюстрация мистического опыта освоения действительности [1, с. 79]. Архаические мотивы сохранились в фольклорном материале, который собрал и изложил Д. Д. Нагишкин в сборнике «Амурские сказки». Поэтому, говоря о нивхской сказке «Храбрый Азмун», необходимо рассматривать заключённый в ней нарратив как продукт первобытного мышления, как миф, отражающий особенности сознания нивха.

Первобытное мышление, по определению антропологов, в частности Л. Леви-Брюля, пралогическое и мистическое [6, с. 396]. Мифологема должна быть понята в соответствии с этой установкой. Это позволит выявить в мифе о храбром Азмуне космологические представления нивхов. Кроме того, следует отграничить понятия мифологемы и мифемы как структурных единиц мифа.

Мифологема — это «максимально большая смыслообразующая единица текста мифа»; «исходные образы и сюжеты в искусстве, основанные на традициях народной культуры и приобретшие статус символических (подход, характерный для культурологической и этнологической парадигмы исследований)» [3, с. 210]. Мифологема часто понимается как архетип, существующий в конкретном произведении, и также имеет природу образа [5, с. 12; 9, с. 4; 13, с. 35].

Мифема рассматривается К. Леви-Строссом как «короткая фраза», содержащая «пучок отношений» [2, с. 80]. Использование термина «мифема» затруднительно. К. Леви-Стросс являлся учёным-структуралистом. Миф понимался им как текст, имеющий структуру. Обратившись к лингвистике, Леви-Стросс пришёл к выводу, что необходимо выделить в мифе мельчайший структурный компонент, сводимый к фразе или высказыванию. Этот компонент он назвал мифемой [7, с. 219]. Пытаясь выявить космологические представления в мифе, следует сконцентрироваться на образах, не содержащих предикат, то есть на мифологемах. Космологическая модель, использованная в мифе, определяется во многом именно образами и тем, как они функционируют.

Тем не менее в сюжетной линии сказки о храбром Азмуне мы можем обнаружить важные мифемы, смыслообразующие единицы текста мифа, устойчивые мотивы, которые характеризуют сознание нивхов. Мифема должна содержать предикат, поэтому следует указать мифемы как действия персонажей. Это диалог Азмуна и тотемного животного (нерпы и чайки), обмен с божеством (ритуал обмена в религиях нивхов соответствовал дарению и жертвоприношению во многих других религиях). Примеры обмена в мифе: Азмун и его названый отец Плетун «отдают» водам Амура юколу, сушёную рыбу, сопровождая ритуал диалогом с рекой; Азмун оставляет женским духам бусины, в которые превратилась взятая им с берега Амура «родная» земля; Азмун в качестве платы «за добро» оставляет Тайрнадзу музыкальный инструмент — кунгахкеи.

Ещё один устойчивый мотив — это перемещение (путешествие Азмуна по Океану на спине косатки), брак с обитателем чужой стихии (Азмун отказывается жениться на одной из красавиц полуженщин-полутюленей — обитательниц острова Тайрнадза, его поступок мотивируется заботой о своём народе и связанным с этим долгом).

Перемещение связано с универсалией, «границей». Такая универсалия концептуально не отделима от бинарных оппозиций, которые мы можем увидеть в мифе о храбром Азмуне: «верх — низ», «свой — чужой», «сухое — влажное» [8, с. 604]. Главный персонаж, невероятной силы Азмун, движимый заботой о своём народе, страдающем от наступившего безрыбья, совершает на спине косатки путешествие через Охотское море, названное Пилькеркх, к «Морскому Хозяину» Тайрнадзу.

В мифе видна функционирующая среда — мистическое «море». Встречаются и тотемные животные, связанные с морем, нерпа и чайка, которые, как и нивхи, страдают от наступившего бедствия — безрыбья. Герой встречается с морскими духами — косатками, совершающими превращение в людей и опять в косаток. Очень важно, что встреча происходит возле камней: «Вышел на морской берег Азмун. <…> Сел среди камней на песке…» [10, с. 12]. Фигурирует устойчивый символ перехода из одного мира в другой — камень. В мифах нивхов такому предмету также соответствуют скала и утёс, то есть нечто, связанное с камнем, геологической породой [11, с. 195]. Это мифологема камня.

Особенно ценной становится мифологема сабли. Сабля тоже имеет значение связи между мирами и характерна для мифов с трёхчастной космологией [11, с. 173]. В мифе сабля выступает атрибутом парней-косаток. Для перевоплощения им необходимы шкуры этих животных, которые Азмун принимает в обмен за лодки и сабли. Надевая шкуры косаток, парни реализуют оппозицию «верх — низ»: шкура опускается на них, что означает перевоплощение в косатку — морского тотема. Снятие шкуры — обратное перевоплощение. Эта мифологема характерна для мифов с двухчастной космологией, где происходит превращение в медведя [11, с. 42]. Сабля же становится спинным плавником. Причём, лишаясь атрибута (Азмун крадёт саблю у одного из

парней), морской дух, хоть и принимая облик кита-убийцы, теряет возможность оказаться дома — на берегу острова Морского Хозяина.

Архаические религиозные представления нивхов о Вселенной основывались на базовой пространственной мифологеме «своего» и «чужого» мира, а также на фундаментальной, архетипической пространственной координате «верх — низ». Сопки, покрытые лесом, воспринимались единой «средой», хозяевами которой были «горные», или «таёжные», люди-медведи. Примечательно, что для обозначения леса и гор в языке нивхов использовалась единая категория — лексема «пал» — «лесистые сопки». «Горным» людям противопоставлялся мир «низовских» людей, с которыми нивхи отождествляли себя. Для того чтобы оказаться в мире «таёжных» людей, необходимо было подняться над «низовским» миром, персонаж должен был совершить физическое восхождение. Это так называемая двухчастная космология. Она содержит эти две антитезы, или бинарные оппозиции, «верх — низ» и «свой — чужой», а кроме того, в ней происходит взаимодействие человека с единственной мистической средой — покрытыми лесом сопками [11, с. 173].

Трёхчастная космологическая модель сложнее. Она включает в себя две взаимодействующие стихии, а значит — хозяев двух стихий — лесного и морского. Верховным хозяином «горного» мира является божество Палызин, для представления которого использовался образ тотемного животного медведя. Морской хозяин назывался «Тайрнанд», или «Тайрнадз», и его облик, как правило, соединялся с тотемным морским животным — нерпой или косаткой [11, с. 24–25]. Такая «метрика» предполагала координату, в которой имело место соединение двух миров, позволяющее совершить переход из одного в другой.

Таким образом, в мифе создана система, в которой происходит взаимодействие двух пространственных мифологем [3, с. 124], характерных для архаического сознания нивха: сухопутного мира — мира нивхов, и морского мира. Кроме того, в мифе «Храбрый Азмун» имеется сюжетный элемент перехода из одного мира в другой посредством соответствующих образов перехода: камня и сабли. Отсутствия в мифе лесных тотемных животных, духов леса и элемента борьбы хозяев двух противоположных стихий говорит о доминировании одной стихии — моря, что делает миф двухчастным.

В результате анализа мифологической системы нивхской сказки, наличествующих в ней мифологем мы можем сделать вывод, что в мифе действует двухчастная космологическая система. В центре её — мифологическое существо, морской дух, являющийся хозяином морского мира, — Тайрнадз. Заранее зная, что в мифологии Тайрнадз создаёт речную систему, и используя значения слов, словарные и коннотативные, которыми обозначается это мифическое создание, можно предположить, что центральное божество в мифе воспринимается первобытным сознанием как Демиург, мудрый, обладающий разумом, создатель и властелин мира, чьё влияние ощутимо впоследствии лишь косвенно — через появление рыбы в реке; при этом влияние Демиурга судьбоносно: благополучие нивхов зависит от того, будет ли рыба выпущена божеством и насколько обильно. Таким образом, создаётся мифологема Демиурга [11, с. 175]. Однако облик Демиурга в данном мифе изменён. Он не повторяет традиционную ипостась — нерпы или косатки, хотя родство с косатками реализуется в мифе. Божество представлено как огромного размера старик. Появляется атрибут нивха — трубка. Нивхи курили мох, с трубкой во рту можно было увидеть даже ребёнка. Можно предположить, что трубка для нивха — часть самоидентификации.

«Большой, как скала подводная; лицо доброе, усы, как у сома, висят. На коже чешуя перламутром переливается. Из морских водорослей одежда сшита» [10, с. 18]. Возможно, на внешность Морского Хозяина повлияли образы «горных» жителей. Они внешне очень похожи на нивхов. Кроме того, жилище находится в скалах, добраться к ним можно через отверстие в земле — пещеру. Снова реализуется бинарная оппозиция «верх — низ». Несмотря на то что горные люди требуют подъёма, их жилище представлено как подземный дом, в который нужно спуститься. В мифе мы можем увидеть описание жилища Тайрнадза: «Далеко в море остров стоит. Из острова дым идёт. Не остров то, а крыша юрты Тайрнадза, из трубы дым идёт», «…всё в доме как у нивха — нары, очаг, стены, столбы, только всё в рыбьей чешуе. Да за окном не небо, а вода» [10, с. 17]. Под нарами у Тайрнадза большой «чан», «в том чане горбуша, калуги, осетры, кета, лососи, форели плавают. Видимо-невидимо рыбы!» А рядом «…шкура лежит. Ухватил её Старик, четверть шкуры рыбой наполнил. Дверь открыл, рыбу в море бросил, говорит: “К нивхам на Тромиф, на Амур плывите! Быстро плывите, плывите! Хорошо весной ловитесь!”» [10, с. 20]. Здесь частично реализуется мифологема «каменного дома», применимого к мифологии нивхов. В мифологии этого народа любой камень или утёс является домом какого-либо духа. Однако дом находится под водой, являет собой центр морского мира.

Интересен и образ радуги, по поверхности которой Азмун возвращается домой, он реализует бинарную оппозицию «верх — низ» (за подъёмом следует опущение), а также оппозицию «влажное — сухое» (радуга представлена как красящая субстанция): «Едва вскарабкался. Весь перепачкался: лицо зелёное, руки жёлтые, живот красный, ноги голубые» [10, с. 22].

Таким образом, в мифе о храбром Азмуне реализуются бинарные оппозиции (верх — низ, сухое — влажное, свой — чужой), пространственно-географические (суша, море) и анимистические мифологемы, создающие одухотворённый мир природы.

Для понимания мифа о храбром Азмуне важны анимистические мифологемы, потому что в них отражаются ключевые особенности первобытного сознания, в частности первобытного сознания нивха. Практический опыт совмещается с мистическим, например, одновременно с охотой происходит диалог с тотемным животным. Такое сознание, названное учёными пралогическим, объясняет реалии не логическими связями, а мистическими, то есть причиной их указывает деятельность того или иного духа, божества. Например, появление рыбы в Амуре объясняется деятельностью божества, подобного Демиургу. В анимистических мифологемах отразились особенности уклада жизни нивха — промежуточное существование между двумя могучими стихиями: морём и тайгой, судьбоносная зависимость от промыслов: рыболовства и охоты.

В заключение перечислим найденные нами анимистические мифологемы, которые составляют смыслообразующее ядро нивхской сказки и определены сущностной связью с миропониманием коренных народов Амура: морской Демиург, косатка как ипостась Демиурга, сабля как символ гармонии и взаимного существования «сухопутного» и морского миров, каменный дом, дом Морского Хозяина. Данные мифологемы придают универсальному содержанию мифа индивидуальные черты, которые были закреплены в схваченных сознанием нивхов смыслах и получили художественную форму благодаря мастерству писателя Д. Д. Нагишкина.

Список использованных источников

1. *Едошина, И. А. Миф, мифологема, мифема в контексте деятельностного подхода к феноменам культуры / И. А. Едошина // Вестн. Вят. гос. гуманитар. ун-та. — 2009. — № 3–1. — С. 79–81.*
2. *Забияко, А. П. Народы и религии Приамурья / А. П. Забияко, А. О. Беляков, А. С. Воронина, Е. А. Завадская, Я. В. Зиненко, Е. А. Конталева, В. С. Матющенко, О. В. Пелевина, К. И. Родионова, Н. В. Чирков. — Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2017. — 424 с.*
3. *Ковков, Р. А. Семантический анализ мифологического текста: опыт структуралистской интерпретации / Р. А. Ковков // 90 лет Викторову Владимиру Петровичу : материалы круглого стола «Религия и религиоведение на Урале», Екатеринбург, 20 октября 2017 года : сб. науч. ст. и тез. — Екатеринбург, 2018. — С. 124–128.*
4. *Коновалова, Н. И. Мифологема как свёрнутый сакральный текст / Н. И. Коновалова // Полит. лингвистика. — 2013. — № 4 (46). — С. 209–215.*
5. *Круталевич, А. Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии / А. Н. Круталевич // Культура и цивилизация. — 2016. — № 1. — С. 10–21.*
6. *Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. — Москва : Академический проект, 2020. — 430 с.*
7. *Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс, — Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.*
8. *Матвеичева, Т. В. Особенности вербализации пространственных мифологем в сказочных текстах / Т. В. Матвеичева // Гуманитар. и соц. науки. — 2014. — № 2. — С. 604–607.*
9. *Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — Москва, 1994. — 436 с.*
10. *Нагишкин, Д. Д. Амурские сказки / Д. Д. Нагишкин. — Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2020. — 296 с.*
11. *Островский, А. Б. Мифология и верования нивхов / А. Б. Островский. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1997. — 288 с.*
12. *Седюк, Е. В. Мифологическая парадигма «Амурских сказок» Д. Нагишкина / Е. В. Седюк // Лосевские чтения – 2015 : материалы регион. науч.-практ. конф., Благовещенск, 27 марта 2015 года. — Благовещенск, 2015. — С. 112–119.*
13. *Щепановская, Е. М. Мифологические архетипы как ценностное ядро национального менталитета / Е. М. Щепановская // Ценности и смыслы. — 2012. — № 1(17). — С. 34–49.*

Материал поступил в редакцию 08.02.2024.

Сведения об авторах:
Горелова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Высшей школы русской филологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: gorelovaolvl@mail.ru; тел. 8-924-213-77-73.

Науменко Артур Эдуардович, студент 2-го курса Института лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: naumenkoartur761@gmail.ru; тел. 8-914-673-37-01.

ПРИХОДЬКО ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРИАМУРЬЕ
(на материале «Словаря русских говоров Приамурья»)

В поле зрения настоящей работы находятся энтомологические диалектные слова и фразеологизмы жителей Приамурья XIX–XX веков. В статье предпринята попытка на материале «Словаря русских говоров Приамурья» и «Фразеологического словаря русских говоров Приамурья» выявить темы и тематические группы слов, которые наглядно отражают народную энтомологическую картину мира переселенцев на Дальний Восток, показывают народные представления, верования, обряды, связанные с насекомыми.

Ключевые слова: энтомологическая лексика, тематическая группа, диалектизмы, фразеологические единицы, метафоры.

Keywords: entomological lexicon, thematic group, dialectisms, phraseological units, metaphors.

Под энтомологической лексикой в данной статье понимаются диалектные названия насекомых и слова, имеющие отношение к лексико-тематической группе «Насекомые».

Наименование «насекомые» происходит от глагола «сечь» / «насекать». Современное название является калькой с французского слова, восходящего к латинскому insectum — «насекомое», что в свою очередь тоже калька с греческого entomon, со значением, что и в русском языке «животное с насечками», «тварь с насечками» [12, Т. 3, с. 47].

Актуальность систематизации и реконструкции энтомологических представлений дальневосточников обусловлена значимостью традиционных представлений о мире в отражении русского языка, а также отсутствием в современной диалектологии работ, в которых производится комплексный лингвистический анализ энтомологической лексики русских говоров Приамурья.

Совокупность народных представлений о тематической группе «Насекомые» как части традиционной картины мира представлена А. В. Гурой в монографии «Символика животных в славянской традиции» [2]. Насекомые в исследовании А. В. Гуры рассматриваются через верования, фольклорные, обрядовые и языковые факты как особые мифологические персонажи. Автор описывает насекомых в составе класса гадов, причём много места уделено символике домашних паразитов (блоха, клоп, таракан и т. д.), кусающих и летающих насекомых (комар, овод и т. д.), исследуется символика таких насекомых, как бабочка, мотылёк, божья коровка, жуки.

В монографии Т. И. Вендиной «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)» тематическая группа «Насекомые» рассматривается через лексико-словообразовательную организацию языка [1, с. 179–182]. Т. И. Вендина пишет о частой немотивированности номинаций насекомых, что в названиях редко присутствуют расширители в виде суффиксов: жук — *жуковина,* клещ — *клещук*, овод — *оводень*. Однако среди мотивированных названий она выделяет следующие «мотивы»: 1) звук, издаваемый насекомым (*жужелка*), 2) характерный окрас (*желтопуз, зеленка*), 3) характерная часть тела (*рогач, рогохвост*), 4) характерный запах (*бздунья* — клоп ягодный, *вонючка* — жужелица), 5) место обитания (*затучник*), 6) способ перемещения (*бегун, скакунок*), 6) воздействие (*жегун*), 7) продукт, вырабатываемый насекомым (пчела — *медовица*), 8) фауна или растительность, которую насекомое поедает (*горохлянка* — гороховый жук, *капустянка* — червь, подъедающий листья капусты). Автор обращает внимание на частые метафорические переносы в названиях насекомых (*кобылка* — сверчок, *козлик* — стрекоза и т. д.) [1, с. 179–182].

Исследования Ю. А. Кривощаповой посвящены группе «Насекомые» в народном представлении, уделяется внимание отдельным фразеологизмам, содержащим энтомосемизмы, а также русской энтомологической лексике в этнолингвистическом освещении [3; 4].

До сих пор учёными не предпринималось комплексного этнолингвистического изучения русской энтомологической лексики в русских говорах Приамурья. В «Словаре русских говоров Приамурья» [5] представлены следующие тематические группы насекомых:

1) божья коровка,
2) мухи,
3) бабочки (мотыльки),
4) гусеницы,
5) пчёлы,
6) моль,
7) муравьи,
8) комары, мошка и другие.

В работах научных предшественников тематические группы насекомых традиционно делятся на полезных насекомых (пчёлы) и паразитов (комары, клопы).

Интересно, что в мифологических представлениях славян божья коровка имела положительные коннотации, так как была отнесена к жене и детям Перуна, а позднее — к Божьей матери. О. А. Терновская в статье «Божья коровка, или Ночь накануне Ивана Купалы (соотношение микро- и макроструктур)» соотносит славянские названия божьей коровки с персонажами мифологического сюжета «свадьбы Солнца» и с реалиями обрядности летнего солнцестояния [8].

В русских говорах Приамурья божья коровка позиционируется как паразит, вредящий урожаю: *Чичас божья коровка съедает всё* [5, с. 253].

Аналогичными вредителями урожая видятся старожилам и черв*а*к, и скач*о*к, и бухарка: *В этом году опять* **червак** *всю черёмуху съел* [5, с. 478]. *У нас кузнечиков* **скачками** *звали. Они таки же зелёные, а скачок потому, что скачет. Это по-литературному кузнечик, а по-нашему, народному, — скачок. На скачки иногда берёт рыба. Кузнечик ешшо скачок называтся. Их много вредителей, скачок — саранча была така. Ленков ловили на кузнечиков. Скачок этот на крючке за собой тянет по берегу* [5, с. 397]; **бух*а*рка, бук*а*рка**. Летающее насекомое, вредитель растений. *Бухарка, она съедат всё. Кучам сидели, одни степешки остались. Едуча она: ес всё. Это красенька букашка с крылышками, она летит и съедат всё растение. Никто её не берёт* [никакое средство]. *Объес — на друго место перелетат. Бухаркой, бухашка мы ее называли. Всю картошку букарка бусая облепила. Угурцы-то пропали: букарка напала, ес. У вас ела картошку букарка*; **бух*а*рочка**. *Уменьш.* к бухарка. *Картошки плохие нынче: бухарочка напала;* **бух*а*шка**. *Сейчас кака-то бухашка нападат: кругленька, красенька. Прошлый год в Суюзной всю картошку поела* [5, с. 48].

Мухи в языковой картине мира славян — насекомые амбивалентные, вопреки однозначному современному пониманию о вредоносности и паразитарности насекомого.

В работе О. А. Терновской «Белые мухи (две жатвы)» [7] рассказывается об обряде, распространённом в разных славянских культурах, в частности, на Русском Севере жнецы выгоняют мух из дома хозяина поля. В западной части ареала обряд сопровождается заговором: «Чёрные мухи из хаты, белые в хату». Заговор представляет собой выкликание снега, который, укрыв поля, способствовал бы новому урожаю. Белые мухи — метафора снега. В некоторых говорах сохранилось выражение «мы торчали в поле до белых мух» [7, с. 108]. В народном представлении важно противопоставление «чёрный — белый», так как чёрные мухи пропадают, белые прилетают.

Вылетающим из дома осенним мухам вслед произносились слова: «Мы свою жатву выжали, теперь вы ступайте жните» [7, с. 108].

Все ритуальные выкликания и заговоры связаны не только с пониманием смены времён года: лето — зима, но и с представлениями о мире живых — о земле, и мире умерших — небе. По мнению древних славян, погибая, мухи отправлялись на небо, к ушедшим небесным пахарям, и там продолжали осуществлять свою функцию: сопровождение жатвы. В своих работах О. А. Терновская рассматривает славянские фразеологические выражения, в которых опорным компонентом является сочетание «мухи в голове». Такая модель используется для характеристики эмоциональных состояний человека (гнев, вздорность, грусть, хитрость, капризность, сумасбродство, нетрезвое состояние, глупость, колдовские способности) и является элементом архаического представления о мухе как олицетворении человеческой души [9].

В русских говорах Приамурья положительных коннотаций у слов, относящихся к тематической группе «мухи», не обнаружено. Мухи в сознании дальневосточников — вредоносные насекомые, вызывающие досаду, с которыми приходится бороться: **мухота**, *собир.* Мухи. *Палочки у зыбки, товаром обошьют, ну, положек-то сделают, чтоб мухота не зашла. Мухоты налетело сёдни — ужасно! Мухота лезет во все шшели* [5, с. 249].

Образ мухи надоедливый, привязчивый, её надо выгнать или уничтожить: **завязаться.** Привязаться, пристать. *Вот чёрт, муха завязалась, хлестану её* [5, с. 139]. *Я там на погребушке спала, глухо было очень, мухи к утру заели* [5, с. 80]; **мухобейка**, устройство для уничтожения мух; мухобойка. *Вот так, возьмут мухобейку и бьют мух* [5, с. 249]; **щёколка.** Мухобойка. *Мух колотила щёколкой: не могу терпеть их* [5, с. 503]; **фукалка.** То же, что пуркалка. *Мух много, только успевай брать эти фукалки* [5, с. 463].

Помимо мухобоек и фукалок, переселенцы прибегали к растительным средствам борьбы с мухами. Исходя из названия, эффективен мухомор: *Мухи, оне с его сдохнут, с мухомора, оне с его валятся* [5, с. 377], а также успешно применялись ядовитые ягоды, например **муховка**. Ядовитая лесная ягода воронец *Actaea L. Муховка в лесу растёт, она ядовита. С корнем муховку вырвешь, насушишь, заваришь и травишь мух. Ягоды у муховки прозрачные и чёрны есь, и красны* [5, с. 249].

О. А. Терновская в статье «К описанию народных славянских представлений, связанных с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних насекомых» описала существующие у славян народные обряды борьбы с паразитами и вредителями, например, похороны мухи и блохи [10]. «Словарь русских говоров Приамурья» подобных ритуалов не обнаруживает. Все способы борьбы с насекомыми у дальневосточников не носят ритуального или мистического характера. Например, самый частотный способ борьбы с гнусом, мошкой, комарами — это разведение костра с дымом: **дымарь**. То же, что дымокур. *Разведу хороший дымарь на берегу. Вначале дымарь раскочегарю, а потом корову дою*; **дымник**. То же, что дымокур. *От комаров, мошки спасались дымником;* **дымокур**. Дымящий костёр из коры, мха, опилок и т. п., разжигаемый для защиты от гнуса. *Дымокур разложить надо: много комаров. Дымокур как средство от комаров. Чтобы дымокур развести, в огонь кладут сырого чего-нибудь. В дымарь дымокур разводят* [5, с. 122].

В статье О. А. Терновской «Бабочка в народной демонологии славян: “душа-предок” и “демон”» бабочка в языковой картине мира славян рассматривается как душа умершего человека [6].

Есть две версии происхождения слова «мотылёк»: название происходит от слова «мотыло», существовавшего до XVIII века, сохранившегося в русских говорах, означавшего выгребную яму, испражнения, мусор, поскольку личинки, черви и куколки бабочки отождествлялись с гниением (от др.-русск. *мотыла*, ж., *мотыло*, ср. р. «навоз») [12, т. 2, с. 665]. Вторая версия происхождения — от слов «мотаться, метаться». Трепетание крыльев, полёт бабочки напоминают метание, мотание; «метаться туда-сюда», мести (метла) [12, т. 2, с. 665].

По М. Фасмеру, слово «мотылёк» связано «со ст.-слав. метѫ, *мести*, *«бросить, мести»* [12, т. 2, с. 665]. В русских говорах Приамурья бабочку старожилы называли *метляк, метлячок*. Ср.: **метляк**. Бабочка. *А метляком это бабочку называли любую. Метляк — ну, бабочка. Вот это большая, царь назы¬вают, большой метляк. По вечерам метляки залетают в избу на огонь. В этом году на черёмухе много метляка* [5, с. 240]; **метлячок.** *Ласк.* к метляк. Метлячки — это бабочки. *Метлячки, всяки бабочки на свет летят ночью* [5, с. 240].

Образное народное мышление проявляется через красивую метафору: «большая бабочка — царь».

Мотивированное диалектное название маленькой бабочки *картовника* связано с народной приметой, с местом её обитания и питания: **карт*о*вник.** Маленькая бабочка (какая?). *Картовники летают, когда картошка наливается. Если картовников много, хороший урожай будет* [5, с. 175].

Особое место в языковой картине мира дальневосточников и в энтомологической лексике Приамурья занимают гусеницы. Давно установлено этимологическое родство между существительными *гусеница* и *ус* [12, т. 1, с. 477].

Гусеница — это общеславянское слово, восходящее к usenica (появление начального «г» объясняется удобством произношения), произведённому от прилагательного *usenъ*, восходящего к существительным *ус, волос*. Первоначальное значение — «волосатое (усатое) насекомое».

В русских говорах Приамурья гусеница представлена следующими лексемами: **жигули***и*. Гусеницы. *Жигули всю черёмуху закутали* [5, с. 132]; **уса.** Гусеница. Усы на капусту напали [5, с. 457]; **жгучка**. Гусеница. *Жгучки собирали цыплятам. Ой, скоко жгучки на смородине!* [5, с. 129].

Пчёлы в русской языковой картине мира являются символом трудолюбия (*тружусь, как пчёлка*), мудрости, бесстрашия (*пчела ожалит и сама погибат*), честности, чистоты и целомудрия. Даже оплодотворение пчёл переселенцы называли благотворением (благо и творение): **благотворение.** *Оплодотворение, осеменение (в пчеловодстве). Трудень нужен из сотни один для благотворения матки. А когда облёт, матка обязательно на благотворение выходит* [5, с. 112].

Заниматься пчёлами — это **пчеловодить.** *Третий год он пчеловодит. Я в колхозе стала работать, он пчеловодил.* Пчеловод — это **пчелопасек**, **пчельник:** *Шёл и у пчелопасека сразу дом купил* [5, с. 358].

По-разному называются в русских говорах Приамурья ульи: **левецкий улей.** *Длинный высокий ящик для пчёл. Левецкий улей, он другой, длинный и высокий* [5, с. 221]; **лётка.** *Отверстие в улье для вылета пчёл. Лётку сделал, чтоб пчёлки лазили* [5, с. 223]; **мчанник,** *или* **мшанник** (улей) — тот же пчельник, улей ещё называют [5, с. 249]; **пчёлик**, *или* ***пчельник,*** *то же, что мчанник. Домик для пчёл — пчёлик. Улик и пчёлик — одно и то же. Мой зять всё пчёлики делает. Пчельник — для пчёликов здание* [5, с. 358]. *Раньше пчёл токо в дуплянках, колонках держали* [5, с. 189].

С пчёлами связаны многие народные приметы: пчела залетела в дом — скоро будет радостное событие, много пчёл залетело — к свадьбе, пчела летала над человеком, но не ужалила — к приятным новостям, мёртвая пчела — к убыткам и к болезням близких, убить пчелу — к неприятностям, рассказать около ульев о проблемах — беды вскоре пройдут.

По пчёлам старожилы определяли погоду. Например, пчела улетает далеко — к хорошей погоде: *мёд в зобиках пчёл, уходящих с роем, на десять километров идёт пчела, берёт запас* [5, с. 149]; много пчёл влетело в улей, но мало вылетело — к ливню.

По приметам пчела жалит плохого человека. *Жало пчелы, осы — это* **жегало**. *В моей руке осталось жегало: пчела укусила* [5, с. 129]. Если рой пчёл не кусает кого-то, то этот человек — праведник. Невесту не кусают — она чиста и невинна, жениха не жалят — хороший хозяин.

В природе у пчелы среди насекомых есть враг. Это **мотыл*и*ца**, пчелиная вошь *Braula coeca* из отряда двукрылых насекомых *Diptera. Мотылица — это моль, это самый гад, сама вредна, она все рамки прямо сплетёт, и черви там, личинки, пчёлы гибнут. Мотылица, она забирается, кладёт яички, потом червь получатся, размножатся, а пчела уходит* [5, с. 246].

Среди диалектной лексики, относящейся к тематической группе «Пчёлы», много профессиональной пчеловодческой лексики: **детва**. Личинки пчёл и молодые пчёлы, которые только что вывелись из них. *Пчела ложит в ети ячейки, потом выводится детва. Детва — куколки там, в сотах, пчёлы кормят их. Детва — это расплод, пчёлы, которые ещё в сотах. Всё это называют детвой и расплод* [5, с. 112]; **отв*о*док.** Отделённая от основной пчелосемьи часть пчёл вместе с молодой маткой. *С отводком легче. Когда пчела роится, её лучше отводком взять* [5, с. 293]; **оттяг*а*ть.** 1. Наращивать вощину в рамках улья. *Оне оттягают трутневы ячейки, и засеват матка их. Оттягают хорошо, это оне счас плохо оттянули* 2. Отделяясь, уводить из улья (о пчёлах). *Матка оттягат пчёл, маточники оттягают пчёл, если две матки* [5, с. 293]; **н*а*прыск.** 1. Первый мёд. *Первый день напрыск не густой, а жидкий, к вечеру густеет. Первый день пчёлы начали таскать, называшь напрыск. Но обязательно в день, дождь смыл напрыск — мёду не будет. А на другой день смотришь — напрыск. Слой жидкого мёда для приманки пчёл. Жидкий мёд, напрыск сде́лашь на улье, рой пойма́тся* [5, с. 261]; **перв*а*к, перв*я*к**. *Первый рой пчёл. Трутовки — это уж первак. Перваки не пойдут. Первак — это пчёлы, первый рой, а есь вторяк, есть третий рой — это уж у плохого пчеловода. Первяк — это пчёлы, рой, а есь вторяк. Первый рой выходит, называется первяк, второй — вторяк* [5, с. 261].

Много неприятностей и убытков во все времена доставляет **моль:** *Моль начала шкуру бить* [5, с. 34].

В русских говорах Приамурья моль — это волосоед, или шашел: **волосо*е*д**. Моль — вредитель шерстяных вещей. **Ш*а*шел** *побил меховую шубу, на самом деле это волосоед* [5, с. 68]; *козлятину обделывают на половинку, потом выдымят и шили, её моль не кушат, она крепче* [5, с. 76]. *А сундук-то и червь не трогает, и моля там не заводится* [5, с. 244].

В русских говорах Приамурья мурашка — это муравей. *А муравьёв мурашками звали* [5, с. 248]. Муравьи строят муравейники в лесу: **мурав*и*ще** — это несколько близко

расположенных друг к другу муравейников. *Называем муравище, где много кучек нагребённых* [5, с. 248].

У муравьёв лесной враг — это медведь-**муравятник**. Медведь. *Медведь питался весной муравьями, вот и прозвали муравятник. Муравятник — маленький медведь по величине* [5, с. 245]. Такой медведь ещё носит название **белогрудка**. Вид медведя с белым пятном на груди *Selenarctos thibetanus. Есть белогрудка и бурый медведь. Белогрудый набросится, а бурый трусливый. Муравьятник — это и есть белогрудка, у его жир хороший от простуды* [5, с. 30]. *Муравьятник под корчёй вывороченной живёт. По-нашему корч, а он называл кокара* [5, с. 196].

Комары и мошка (гнус) — издавна настоящее бедствие для переселенцев на Дальний Восток: *Комар, гнус задавлял их там. Оне потом ниже скочевали, в другу деревню* [5, с. 400]. Для роя комаров есть метафора **туча**: *У сырцов всегда комарьё тучами летало* [5, с. 411]. Их так много, что они могут **заслепить**. *Заслепило глаза. Заслепляло прямо: комаров туча. Заслепляет, мошкары много* [5, с. 154]; **комар*а* на чёрта.** Много. *Наберётся на эти сани как комара на чёрта*, **до чёрта** [11, с. 31]; **мошня.** Мошка. *Ну да, мошни у нас много, мушек всяких, комаров* [5, с. 247]; **глаз (глаза) не разинуть.** Глаз не открыть (о большом количестве гнуса). *Комара было ой-ё-ёй — глаз не разинешь. В траве-то счас глаза не разинешь, а в степе накомарники надо* [5, с. 361]. *За скотом утянется мошкара, комары всё облепят* [5, с. 459]. *А вечером оделся, комара достаёт всюду. Комара здесь всюду жужжит. Комарь нынче злой какой-то, вечером на лавке не посидишь* [5, с. 189].

Комары, по определению старожилов, приносят резкую боль, сильно кусаются, поэтому эти насекомые злые, хлёсткие, могут жгучить: *А комары, особенно ночью, так жгучат, заснуть нельзя* [5, с. 129]. *Каки хлёстки комары* [5, с. 467].

Спасение от комаров и мошки — **накомарник (дымник, дымарь, дымокур)**. Дым для отпугивания комаров. *Накомарник для комаров делали, когда вечером работали* [5, с. 257].

С поведением комаров связывают некоторые природные явления: исчезновение комаров в конце лета обещает раннюю осень, а большое появление в конце лета — к тёплой осени и зиме, громко жужжат и кусаются комары перед дождём, стаи мошки активизируются во время созревания ягод и т. д.

Таким образом, энтомологическая лексика в Приамурье жителей XIX–XX веков представлена разными тематическими группами: 1) божья коровка, 2) мухи, 3) бабочки (мотыльки), 4) гусеницы, 5) пчёлы, 6) моль, 7) муравьи, 8) комары, 9) мошка и т. д.

Отношение к насекомым у переселенцев практическое, приземлённое, дифференцируется в зависимости от того, приносят насекомые вред (моль, комары, червь) или пользу (пчёлы). С наблюдением за поведением насекомых связаны приметы о погоде, предсказываются природные явления.

Некоторые насекомые вызывают эстетические чувства. Например, большая бабочка — царь. Другие насекомые (мухи, черви, моль, комары) вызывают отвращение и брезгливость.

Список использованных источников

1. *Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. — Москва : Индрик, 1998. — 240 с.*
2. *Гура, А. В. Символика животных в славянской традиции / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 1997. — 912 с.*
3. *Кривощапова, Ю. А. Номинативные особенности ЛСГ «Насекомые» (на материале русских народных говоров) / Ю. А. Кривощапова // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. — Екатеринбург, 2004. — Вып. 5. — С. 169–179.*
4. *Кривощапова, Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. А. Кривощапова ; [место защиты: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького]. — Екатеринбург, 2007. — 23 с.*
5. *Словарь русских говоров Приамурья / сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. — 544 с.*
6. *Терновская, О. А. Бабочка в народной демонологии славян: «душа — предок» и «демон» / О. А. Терновская // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.III.89–6.IX.89 : Проблемы культуры. — Москва, 1989. — С. 151–160.*
7. *Терновская, О. А. Белые мухи (две жатвы) / О. А. Терновская // Balcano-Balto-Slavica : симпозиум по структуре текста : предварительные материалы и тезисы. — Москва, 1979. — С. 108–110.*
8. *Терновская, О. А. Божья коровка и народный календарь. Заметки по истории культуры / О. А. Терновская // Мифологические представления в народном творчестве. — Москва, 1993. — С. 50–51.*
9. *Терновская, О. А. Ведовство у славян. II. Бзык (мухи в голове) / О. А. Терновская // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. — Москва, 1984. — С. 118–130.*
10. *Терновская, О. А. К описанию народных, славянских представлений, связанных, с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних насекомых / О. А. Терновская // Славянский и балканский фольклор. — Москва, 1981. — С. 139–157.*
11. *Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. — 155 с.*
12. *Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 4-е изд., стер. — Москва : Астрель : АСТ, 2004.*

Материал поступил в редакцию 06.02.2024.

Сведения об авторе: Приходько Виктория Константиновна, доктор филологических наук, доцент Высшей школы русской филологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: г. Хабаровск, ул. П. Комарова, д. 2, кв. 21; e-mail: ulius-viktori@mail.ru; тел. 8-962-502-69-86.

ГОНЧАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА,
НОСОВА АНГЕЛИНА ВИТАЛЬЕВНА

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ СКУЛЬПТУРЫ ЯПОНИИ И РОССИИ

В статье рассматривается история скульптуры Японии: её возникновение и связь с историко-культурными аспектами. Проведён сбор информации о материалах, используемых в скульптуре, об организации городского пространства и о различных конкурсах скульптуры. Также сделана попытка сравнительного анализа праздничного сезонного оформления городов России и Японии.

Ключевые слова: Япония, Россия, скульптура, организация городского пространства.

Keywords: Japan, sculpture, organization of urban space.

С объектами искусства люди встречаются почти ежедневно, и скульптура, в свою очередь, занимает довольно большое место в нашей повседневной жизни. Мемориальные доски, памятники на площадях, фонтаны, рельефы и различные декоративные элементы — всё это форма изобразительного искусства под названием скульптура [1].

Скульптура (лат. *sculpture*, от *sculpo* — вырезаю, высекаю), ваяние, пластика — вид изобразительного искусства, произведения которого имеют объёмно-пространственную форму, трёхмерны и осязаемы.

Скульптура играет значительную роль в развитии искусства многих стран и также является одним из важных аспектов культурной и исторической жизни разных народов. В Японии она считается одной из древнейших форм искусства, зародившегося ещё в период Дзёмон (13 000 г. до н. э. – 300 г. до н. э.) [8]. Этот вид изобразительного искусства смело можно назвать одним из самых древнейших в Японии. Скульптура здесь развивалась в тесном взаимодействии с живописью, декоративно-прикладными искусствами и прежде всего с архитектурой. Во многих храмах и монастырях Японии хранятся ценные произведения искусства, созданные мастерами разных периодов, скульптура этой страны оригинальна и самобытна. Несомненно, и в наше время этот вид изобразительного искусства не утратил своей значимости, всё так же являясь, безусловно, одним из самых важных аспектов архитектурного и культурного развития страны.

История скульптуры Японии

Как уже было сказано, в Японии предметы самых ранних скульптур датированы периодом Дзёмон. Прежде всего, это глиняные скульптуры, получившие название ханива (яп. 埴輪, «глиняный круг») и выполненные в форме женских фигур с большими глазами, напоминающими глаза насекомых, и стилизованными телами. Формы этих ранних скульптур абстрактны и довольно просты; помимо человеческих фигур ханива также могли изображать животных, дома и даже лодки, что, несомненно, придаёт им историческую и в определённой степени эстетическую значимость [7].

Тем не менее исторической эрой начала развития искусства в Японии принято считать период Асука (538–710 гг.), период, когда искусство буддизма проникло во все сферы японской жизни. Основанное на корейской и китайских культурах, искусство периода Асука занимает почётное место среди шедевров японской скульптуры.

В качестве материалов того периода активно применялись бронза, дерево и глина. Камень, сыгравший столь важную роль в Индии и Китае, почти не использовался в Японии [6].

Ханива

Скульптуры, созданные в последующий период Нара (650–794 гг.), были ещё более совершенными и в значительной степени основывались на китайских прототипах династии Тан. Самым известным из этих изображений является гигантский бронзовый Будда в храме Тодай-дзи в Наре.

В период Хэйан (794–1185 гг.) скульптура приобрела более традиционный, типично японский стиль, больше не следуя континентальным образцам. Предпочтительным материалом стало дерево. Формы, более мягкие и изящные, соответствовали утончённости и элегантности того времени. Большая часть скульптур всё ещё являлась изображением буддийских божеств, но синтоизм постепенно проникал и в эту сферу искусства.

Последним великим периодом японской скульптуры стал период Камакура (1185–1392 гг.). Одной из самых известных статуй того времени является огромный Будда Камакура, высота которого составляет около 42 футов (13 м) [9].

Смешение разнородных элементов, ставшее особенностью камакурской пластики, в конечном итоге привело к нарушению её былой образной цельности и стилистического единства. В то же время в лучших произведениях, созданных камакурскими ваятелями,

Гигантский бронзовый Будда в храме Тодай-дзи в Наре

Статуя Будды в Камакуре

нашли своё яркое и подчас более непосредственное, чем прежде, выражение драматизма эпохи и духовная стойкость её героев [2].

Тем не менее в XIV веке с упадком традиционного буддизма скульптура перестала играть важную роль в японском искусстве. Единственными оригинальными творениями более поздних веков являются маски театра но. Как главное средство выразительности, они возникли в XV веке в период Муромати (1336–1573 гг.) и продолжают изготавливаться по сей день, а также небольшие резные фигурки нэцкэ периода Эдо (1603–1867 гг.). Хотя эти миниатюрные резные фигурки часто очаровательны и интересны, вряд ли они являются основной формой художественного самовыражения. Только народная резьба этого периода сохраняет некоторую выразительную силу более ранней скульптуры [12].

Маски но

Фигурка нэцкэ

Роль скульптуры в современной архитектуре Японии: организация городского пространства

В Японии закономерности организации городского пространства и принципы пространствопонимания сформировались ещё в древности и остаются актуальными и в наши дни. В качестве основных категорий, являющихся основополагающими в пространственном восприятии, зачастую выделяют следующие понятия: пустота, промежуток, тень [4]. Также необходимо отметить, что данные понятия существуют в единстве и полноценно работают только в тесной взаимосвязи друг с другом.

Понятие «пустоты» прежде всего пришло в японскую культуру и искусство из буддизма. Он наделил категорию «пустоты» новым качеством: пустота, или Абсолют, то есть «истинный путь», в дзэн-буддизме — это не та пустота, где при отсутствии различий царит негативное ничто, это «пустота прозрачная», она является «крайним пределом начала и конца», в котором все различия сливаются в единую целостность [3]. Именно этот принцип в значительной мере повлиял на организацию городского пространства и городского планирования. В качестве примера, где особенно ярко видно применение данного принципа, можно отметить ансамбль императорской виллы Кацура.

Именно пустое пространство интерьеров здесь играет значительную роль и несёт в себе основной художественный смысл. Ощущение пустоты создаёт атмосферу спокойствия и сосредоточенности. Именно с помощью пустоты и передается этот образ бесконечности пространства и эстетика выразительности и простоты.

Идея промежутка, или промежуточной зоны, в основном заключается в плавном перетекании одного в другое и отсутствии резких границ. В организации городского пространства этот принцип наиболее ярко виден в раскрытости

Вилла Кацура

построек. Дом открыт природе, но при этом оказывается полностью закрытым для посторонних. Также промежуточная зона находит своё воплощение в виде *энгавы* — открытой галереи, опоясывающей традиционную постройку и прячущую комнаты. Располагаясь в галерее, посетители находятся не дома, но и не в саду — она включает в себя оба пространства. Также интересен выбор материала: древесина и бамбук обеспечивают плавный переход от травы и растений к бумажным сёдзе и соломенным татами, присутствующим в интерьере дома [4].

Энгава

Тень — также одна из основных составляющих триады, формирующей пространство в японском восприятии. Это неотъемлемая характеристика галереи. Никакой мебели в таком случае не предусматривается, поэтому в данном случае тень действительно принимает на себя главную смысловую нагрузку.

Каждый из рассмотренных выше принципов имеет важнейшее значение для восприятия «японского» пространства, и каждый из современных архитекторов Японии выбирает свою комбинацию данной триады и, конечно же, создаёт свое собственное понимание традиций.

Исторические особенности развития скульптуры в России

Древняя русская скульптура тесно связана с народным искусством. Славянские племена оформляли свои дома резьбой, украшали сосуды, орудия труда узорами в виде птиц, животных, растений.

Скультура во времена язычества была деревянной, но из ее произведений до наших дней практически ничего не дошло. Остались только упоминания в литературе.

С крещения Руси в X веке начинает развиваться христианское искусство. Храмы украшались резьбой в византийском стиле.

Византийское воздействие отразилось на искусстве, в том числе и на скульптуре. Развивалась прикладная рельефная скульптура. Кольчуги, мечи, утварь украшаются рельефной резьбой. Восточное христианство отказывается от скульптурных изображений, чтобы не вернуться к старым языческим идолам. До XVII в развитие русской объемной скульптуры останавливается и остается только в виде рельефных украшений деревянной, а позже каменной архитектуры.

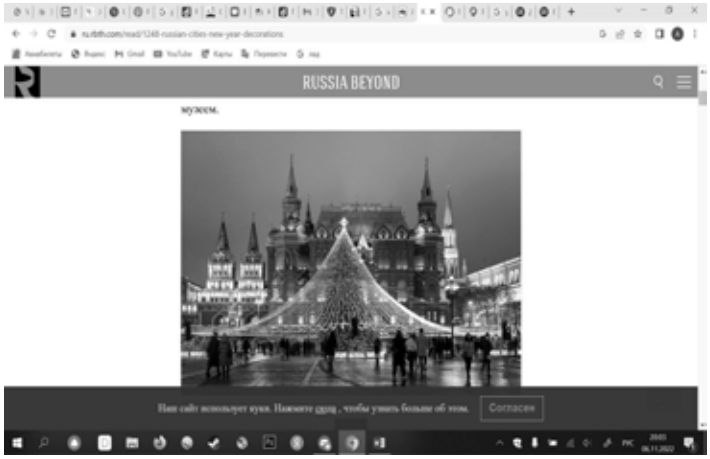
В Древней Руси рельефные изображения применялись в декоративном искусстве, ювелирном, косторезном деле.

С началом царствования Петра I происходит изменение в культурной жизни страны. Русское искусство скульптуры приобретает черты светского искусства.

Сезонное оформление: Япония и Россия

Одна из важных функций скульптуры и архитектуры в целом так или иначе связана с украшением пространства. Будь то жилое помещение или городская площадь, где сезонное оформление зачастую имеет прочную связь с праздниками и событиями города и страны, а те, в свою очередь, с культурой и историей. В этом аспекте Россия и Япония имеют довольно значительные отличия.

Одним из основных и самых массово отмечаемых праздников в России является Новый год. Декораторы меняют архитектурно-художественную подсветку зданий, чтобы



Москва, праздничная ёлка на Манежной площади перед Историческим музеем

создать праздничное настроение; в основном используются такие символы, как новогодние ели с разноцветными шарами, ёлочные шары, валенки, варежки, и в целом популярна символика зимы. Также активно применяются световые арки и иллюминации.

Сезонное оформление в Японии имеет определённые отличия. Конечно, всё также активно применяется иллюминация и один из главных символов этого праздника — рождественская ель. Но прежде всего хотелось бы заострить внимание на другом аспекте, а именно: на прочной связи сезонного оформления и национальной религии Японии — синтоизма. Так, например, одним из самых популярных символов праздника является *шимеказари* (注連飾り) — украшения, сделанные из нитей рисовой соломы, называемой *симэнава* (注 連 縄), с зигзагообразными полосками бумаги, называемыми *сидэ* (紙垂). В составе также присутствуют сосновые листья, символизирующие долголетие, и горький апельсин — символ плодовитости. Шимеказари закрепляются на дверях домов и офисов, чтобы привлечь богов удачи и отвадить злых духов.

Также следует отметить, что почти в любом синтоистском святилище в Японии можно увидеть сидэ — тот же знак, что используется и в шимеказари. Он определяет храм как пристанище для синтоистского бога и, следовательно, отмечает священное место, в которое не могут проникнуть злые духи. Зигзагообразные полоски бумаги представляют собой грозу и дождь, что напрямую связано с историей, так как Япония — страна, которая жила в основном за счёт выращивания риса. Следовательно, дождь был необходим для хорошего урожая.

Шимеказари

Сидэ

Также одним из специфических украшений к Рождеству и Новому году в Японии является *кадомацу* (門松), который состоит из трёх побегов бамбука разной длины, веток сосны и сливы. Как и в случае с шимеказари, кадомацу размещают у входа в дом или в сад. Считается, что кадомацу служит временной обителью синтоистских богов. И так как в Японии почти все декорации так или иначе имеют смысл, связанный с религией, то и кадомацу не является исключением. Бамбук символизирует процветание, сосна, как и шимеказари, — долголетие, а ветки сливы — постоянство [13].

Кадомацу

Интересно рассмотреть весеннее оформление улиц. Поскольку в России основными весенними праздниками являются Международный женский день, День труда и День Победы, то и сезонное оформление следует канонам этих праздников. Например, активно применяются красный цвет, символика голубей как символа мира и цветы, а именно тюльпаны как символ весны.

Москва, сезонное оформление, 1 Мая

Праздничное оформление улицы в Киото, Япония

Украшения в виде карпов у Токийской телебашни в апреле

Сезонное оформление весенней Японии кардинально отличается. Основным событием этого времени года является цветение сакуры — *ханами* (花見, «любование цветами»). Следовательно, декорации также повторяют цветочные мотивы, но, в отличие от России, символом весны в Японии является цветок сакуры. Активно применяются традиционные японские фонарики, в основном *тётин* (提灯, «свет, который несут») и *андон* (行灯, «идущий свет»).

Одним из основных праздников весны также является *Кодомо-но-хи* — День детей. В качестве оформления выступают бумажные фигурки карпов, которыми украшают улицы.

Конкурсы скульптуры в Японии и России

Ещё один аспект, который хотелось бы рассмотреть в рамках статьи, — это конкурсы скульптуры, которые ежегодно проводятся в России и Японии. И пусть культуры двух стран, как мы уже рассмотрели выше, довольно сильно разнятся, но и в данном вопросе можно найти определённое сходство.

Так, например, одним самых известных внутри России скульптурных конкурсов является конкурс снежных и ледовых скульптур. В нём участвуют профессиональные и любительские команды из России и зарубежья. В данном случаем самым интересным моментом является материал: организаторы предоставляют участникам конкурса ледовые блоки и кубы прессованного снега.

В Японии также присутствует свой аналог данного конкурса — International Snow Sculpture Contest [10], который ежегодно проводится в Саппоро. Выбор города обусловлен его климатическими особенностями: холодной зимой и возможностью сохранить скульптуры из такого материала, как снег и лёд.

Популярностью в России пользуются и конкурсы песчаных скульптур. В них так же участвуют команды из России и зарубежья. Участники выполняют работы на заранее указанную тему, используя в качестве материалов песок, воду и клей ПВА. То же мы можем увидеть и в Японии. Так, например, Inazawa Sand Festa проводится в городе Нагоя. Это выставка, тема которой меняется ежегодно. Здесь представлены скульптуры, сделанные из песка, извлечённого из русел рек и набережных.

Помимо вышеперечисленных событий, в России ежегодно проводятся и десятки других конкурсов, например, Международный конкурс деревянных скульптур в Усть-Алдане [5] или открытый конкурс на определение лучших проектов мемориальных памятников. Здесь сложно выделить наиболее важные, так как все конкурсы кардинально отличаются друг от друга и по форме, и по материалам.

В Японии же одними из основных событий в мире скульптуры, доступных в том числе и для иностранцев, является YUKUHASHI International Figurative Sculpture Competition (один из немногих конкурсов фигуративной скуплтуры в Японии) [14] и The Taro Okamoto Award (конкурс в том числе и современного искусства) [11].

На основании вышеизложенного можно сказать, что исторические и культурные аспекты оказали влияние на развитие скульптуры России и Японии. Народное искусство обеих стран ощутимо воздействует на современную скульптуру каждой из них, а демонстрация культурных особенностей в городском пространстве и на международных конкурсных платформах помогает во взаимообмене культурными ценностями, влияет на художественный вкус людей; международные симпозиумы и конкурсы являются площадками для обмена опытом мастеров и их профессионального роста. Городские скульптуры постоянного и сезонного назначения улучшают имидж города, формируют сознание, вкус, эстетическое представление.

Список использованных источников

1. *Байор, Н. Скульптура / Н. Байор. — Текст : электронный // Энциклопедия Кругосвет : универс. науч.-попул. энцикл. — URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/izobrazitelnoe_iskusstvo/SKULPTURA.html (дата обращения: 27.10.2022).*
2. *Виноградова, Н. А. Скульптура Японии : III–XIV вв. / Н. А. Виноградова. — Москва : Изобразит. искусство, 1981. — 239 с.*
3. *Главева, Д. Г. Традиционная японская культура : Специфика мировосприятия / Д. Г. Главева ; Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока. — Москва : Вост. лит., 2003. — 262, [2] с.*
4. *Коновалова, Н. А. Приёмы организации пространства в современной архитектуре Японии / Н. А. Коновалова. — Текст : электронный // ARCHI.RU. — URL: https://archi.ru/elpub/91666/priemy-organizacii-prostranstva-v-sovremennoi-arkhitekture-yaponii (дата обращения: 03.11.2022).*
5. *Международный конкурс деревянных скульптур проводят в Усть-Алдане. — Изображение (движущееся) : видео // Якутия 24 : [информ. телеканал]. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=d4YiQgN7kXg (дата обращения: 05.11.2022).*
6. *Asuka and Nara Periods (538–794) = [Периоды Аски и Нары (538–794)]. — Текст : электронный // The Met : [офиц. сайт]. — URL: https://www.metmuseum.org/toah/hd/asna/hd_asna.htm (дата обращения: 01.11.2022).*
7. *Brooklyn Museum = [Бруклинский музей] : [офиц. сайт]. — URL: www.brooklynmuseum.org (дата обращения: 27.10.2022). — Текст, изображение : электронные.*
8. *Hayman, L. Japanese Sculptur / L. Hayman. — Текст : электронный // Artsmith. — URL: https://artsmith.org/jabs-sculpture/ (дата обращения: 27.10.2022).*
9. *Kamakura Sculpture: Realism and Spirituality = [Скульптура Камакура: реализм и духовность]. — Текст : электронный // ASIAN ART, 11.05.2016. — URL: https://asianartnewspaper.com/kamakura-realism-and-spirituality-in-the-sculpture-of-japan/ (дата обращения: 01.11.2022).*
10. *Sapporo Snow Festival : Official Website. — URL: https://www.snowfes.com/en/about/international-snow-sculpture-contest/ (дата обращения: 05.11.2022).*
11. *Taro Okamoto Memorial Museum : [офиц. сайт]. — URL: https://taro-okamoto.or.jp/en/taro-award/24th/recruit/ (дата обращения: 06.11.2022).*
12. *The History and Development of Japanese Sculpture = [История и развитие японской скульптуры]. — Текст, изображение : электронные // Felt Magnet. — URL: https://feltmagnet.com/sculpture/The-History-and-Development-of-Japanese-Sculpture (дата обращения: 01.11.2022).*
13. *Traditional Japanese New Year Decorations = [Традиционные японские новогодние украшения]. — Текст, изображение : электронные // JW. — URL: https://jw-webmagazine.com/traditional-japanese-new-year-decorations/ (дата обращения: 05.11.2022).*
14. *YUKUHASHI Biennale 2023. — URL: https://yukuhashi-biennale.jp/en/application-requirements/ (дата обращения: 06.11.2022).*

Фотографии предоставлены авторами.

Материал поступил в редакцию 22.04.2024.

Сведения об авторах:
Гончарова Наталья Владимировна, преподаватель Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: natamur8@mail.ru.

Носова Ангелина Витальевна, студентка Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 2019100275@pnu.edu.ru.

БЕЛКИНА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА

МУЗЕЙНАЯ КУХНЯ. «РЕЦЕПТЫ» ОТ ЭКСПЕРТОВ

В статье рассказано об единственном в своём роде семинаре-практикуме Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова «Музейная кухня». Рассмотрены особенности его проведения и темы, затрагиваемые в ходе обучения.

Ключевые слова: Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, «Музейная кухня», эксперты, семинар-практикум.

Keywords: Khabarovsk Krai Museum named after N. I. Grodekov, “Museum Kitchen”, experts, workshop.

Юбилейные даты призваны подчеркнуть важность знаменательного события и дать повод наблюдать трансформации, которые происходят в жизни юбиляра.

130-летие Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова — возможность посмотреть на то, каким музей встречает сотрудников, коллег и посетителей сегодня, проживая первую четверть XXI века, как преобразуется и что в меняющемся мире представляет современный музей.

Помимо экспозиций, побед в грантовых конкурсах, сотрудничества с ведущими музеями страны, Гродековский зарекомендовал себя как методический центр Дальнего Востока. Одним из знаковых проектов последних пяти лет стал практико-ориентированный семинар «Музейная кухня», позволяющий выйти за рамки теоретических форм работы музейщика, погрузив в активность и предоставив выбор разных «рецептов» профессионального роста. В течение семи дней в ходе интенсивного обучения, которое проводится на базе музейных экспозиций и экспонатов, эксперты дают рекомендации, как работать со смыслами коллекции, памятью и идентичностью сообщества, как сформулировать идею и проверить её релевантность для целевой аудитории. Главным аспектом участия становится получение уникального опыта проектирования, самостоятельной и командной работы, понимание, как с помощью музейных проектов можно найти или получить ответы на проблемы города и сообщества.

Семинар построен таким образом, что сочетает в себе опыт формального (тематика, структура, упражнения и задания, часы обучения) и наставнического взаимодействия (общение и мнения, опыт, наработки и выбор экспертов).

Все приглашённые на «кухню» спикеры являются ведущими музейными экспертами: специалистами в области музейного проектирования, авторами и кураторами лучших практик, работ с проблемными темами, знатоками тенденций развития жизни музеев. Это экспозиционеры и дизайнеры, специалисты музейной педагогики, психологи, игротехники, бизнес-тренеры, филологи и историки.

География приглашённых наставников широка: Дальневосточный регион, Санкт-Петербург, Москва, Воронеж и другие, что даёт возможность проанализировать лучшие экспозиционные проекты из разных регионов и стран, реализованные спикерами, видевшими или принимавшими участие в проектах, поделиться опытом «насмотренности», который является основой музейной деятельности.

Эксперты представляют проекты разного уровня, с использованием различных методик, материалов, форм, предлагая разобраться, как в музейной работе соединить метод презентации материального и нематериального, как, например, показав дневник писателя или исследователя, представить его творческую лабораторию.

Темой первого образовательного проекта, который был проведён в 2018 году, стали «Актуальные вопросы музейной деятельности». Программным директором был приглашён президент Фонда друзей музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург) Леонид Копылов.

Основными понятиями, с которыми работали группы, стали те, с чем музейщики сталкиваются ежедневно: вещь, текст, экспозиция, проект, посетитель. По сути, это основы основ музейной жизни, и в зависимости от того, как эти основы осваиваются, «складывается» или «не складывается» понимание и приязнь к работе. Разговор затрагивал утилитарное и символическое, предмет в музейном контексте, сложности комплектования современности. Разговор вели о том, как выйти за традиционные схемы повествования — хронологические, чему способствовали такие виды упражнений, как «История в одном экспонате», «Учимся смотреть».

Начиная с первого семинара итоговой работой каждой группы становился тематический проект, который необходимо было разработать, макетировать и презентовать. Прошедшие все стадии подготовки выставочные проекты представлялись к защите.

«Музейная кухня 2.0» была посвящена теме «Комплексный подход в работе с семейной аудиторией в музее». Каждая из пяти групп разрабатывала проект, который включал выставку, образовательную программу, рассчитывала бюджет и предлагала идеи по продвижению.

В ходе двух первых семинаров были апробированы разные форматы работы, часть осталась в арсенале «Кухни». Наиболее интересными стали «Выбор эксперта», «НеЛекция», «Завтрак с экспертом». Первый представляет кейсы современных музейных практик экспозиционной деятельности, работы с посетителями. Формат «НеЛекции» предлагал вопросно-ответную часть, предваряющую традиционную лекцию. Серия публичных интервью входила в формат «Завтрак с экспертом».

Групповая работа, 2022 год

Работа с фотографией: способы презентации, 2022 год

Защита проектов, 2023 год

Возобновить проведение семинара после вынужденного перерыва удалось в 2022 году. Участников пригласили на работу, обсуждение, представление сложной темы «Исследование и предъявление фотоматериалов и документов». В этом же году был апробирован новый формат работы — дебаты. Сутью таких публичных прений были аргументация выдвигаемых тезисов и убеждение третьей стороны, а не друг друга. Было выбрано несколько тем: «Копия vs подлинник», «Фрагментарность музейного нарратива vs непрерывность музейного нарратива» и другие.

В 2023 году, в год 180-летия со дня рождения Николая Ивановича Гродекова, «Музейная кухня 4.0: Музей имени…» позволила затронуть широкий спектр теоретических вопросов, связанных с ролью выдающихся личностей в истории страны, понять, как музей на практике реализует ответ на вопрос: меняет ли человек свою эпоху? Помимо разговора о личностях, обсуждали мемориальные коллекции, которые могут превратиться в «Музей имени…». Разбирались, в чём миссия таких музеев, как бороться с девальвацией имени, о героях большой и малой истории и, непосредственно, какое имя в Хабаровском крае достойно увековечивания в формате мемориального музея.

Идейным вдохновителем данного проекта, который знают многие сотрудники муниципальных и краевых учреждений, частных и ведомственных музеев, стала Нина Маркова, заместитель генерального директора Гродековского музея, а сам семинар теперь — фирменный продукт музея.

В юбилейный для Гродековского музея месяц Хабаровск стал культурной столицей России в рамках «Музейных дней на Амуре». Ряд масштабных мероприятий позволил обсудить проблемы и перспективы развития музейного дела, провести образовательные программы «Культурные профи» и «Музейные профи», на которых обсуждались актуальные вопросы, связанные с аудиторией, информационной и фондовой безопасностью, маркетингом и продвижением, искусственным интеллектом в музейной сфере.

Такое активное взаимодействие музейного сообщества в Хабаровске помогло обсудить возможности расширения географии участников семинара, областей экспертной деятельности и сформировать траектории для следующих семинаров-практикумов «Музейная кухня», информация о которых будет опубликована на официальном сайте музея.

Участники и эксперты, 2023 год

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 02.05.2024.

Сведения об авторе: Белкина Марина Владимировна, заведующий научно-исследовательским сектором культурологии и литературоведения Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: kulturadv@gmail.com.

ЗИЛОВА КЛАРА НИКОЛАЕВНА

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (к 100-летию со дня смерти)

Публикация о творчестве дальневосточных писателей XX века, посвятивших свои произведения В. И. Ленину, создателю первого социалистического государства на планете Земля.

Ключевые слова: В. И. Ленин, Октябрьская революция, социализм, Мавзолей, Дальний Восток, поэзия, проза, драматургия, памятник Ленину.

Keywords: V. I. Lenin, October Revolution, socialism, Mausoleum, Far East, poetry, prose, drama, Lenin monument.

Владимир Ильич Ленин (Ульянов) — российский революционер, крупный теоретик марксизма, советский коммунистический и государственный деятель, создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), главный организатор и руководитель Октябрьской революции 1917 года в России, первый председатель Совета народных комиссаров РСФСР и Совета комиссаров СССР, создатель первого в мировой истории социалистического государства.

Марксист, публицист, идеолог и создатель Третьего (Коммунистического) Интернационала, основатель Союза Советских Социалистических республик.

Мнения и оценки исторической роли Ульянова отличаются крайней полярностью. Многие, даже некоммунистические, исследователи считают его наиболее значительным революционным государственным деятелем в мировой истории.

Родился В. И. Ульянов 22 апреля (10 апреля по старому стилю) 1870 года в Симбирске. Его отец — Илья Николаевич Ульянов (1836–1886 гг.) — инспектор народных училищ, дослужился до чина действительного статского советника, который соответствовал чину военного генерал-майора, давал право на дворянство. Мать — Мария Александровна, урождённая Бланк (1835–1916 гг.).

Учился Владимир Ульянов в Симбирской гимназии, окончил с золотой медалью, поступил в Казанский университет на юридический факультет. Через три месяца был отчислен за участие в студенческих беспорядках. Был выслан в деревню Кокушкино, где жили его родственники.

Его брат, Александр Ильич Ульянов, участник народовольческого заговора, был осуждён и приговорён к смерти через повешение (1887 г.).

Из-за связи с нелегальным студенческим кружком и казни брата Александра Владимир попал в список неблагонадёжных лиц, подлежащих политическому надзору и запрещению восстановления в университете.

В 1890 году власти разрешили Владимиру Ленину готовиться экстерном к экзаменам на юриста. В 1891 году сдал экзамены за курс юриста Императорского Санкт-Петербургского университета.

Увлекался Плехановым, изучал Маркса. От народовольческих перешёл к социал-демократическим взглядам. Целью Ленина стало добиться революции в стране.

В семье Ульяновых было восемь детей. Ольга (1868–1869 гг.) и Николай (1879–1879 гг.) умерли в младенчестве. Александр Ильич Ульянов (1866–1887 гг.) был казнён, Ольга Ильинична Ульянова (1871–1891 гг.) умерла от заболевания. Анна Ильинична Ульянова (Елизарова) (1864–1939 гг.), Дмитрий Ильич Ульянов (1874–1943 гг.), Мария Ильинична Ульянова (1878–1937 гг.) были соратниками и сподвижниками В. И. Ленина. Занимали крупные посты в Советском государстве, были продолжателями дела Ленина после его смерти.

Анна Ильинична Ульянова (Елизарова) — активная участница русского революционного движения, советская государственная и партийная деятельница. Работала в России и за границей, помогая во всём Ленину. Подвергалась неоднократно аресту, была сослана в Кокушкино. После революции 1917 года — член Бюро ЦК РСДРП, секретарь газеты «Правда». С 1918 по 1921 год — заведующий отделом охраны детства, организатор Истпарта. Написала книгу воспоминаний о В. И. Ленине. Муж — Марк Тимофеевич Елизаров (1863–1919 гг.) — первый после революции нарком путей сообщения. Умер от сыпного тифа. Приёмный сын Георгий Яковлевич Логачёв-Елизаров (1906–1972 гг.) работал следователем, журналистом. Воспитанник Николай Владимирович Елизаров (Цзан Цзынго) (1910–1988 гг.) — сын Чан Кайши, в будущем президент Китайской республики (1978–1988 гг.).

Дмитрий Ильич Ульянов — российский революционер и советский партийный работник. В 1893 году поступил на медицинский факультет Московского университета. Студентом начал заниматься революционной деятельностью. В 1897 году был арестован, сидел год в тюрьме, был исключён из университета, выслан в Тулу, в Подольске с 1898 года жил под гласным надзором. В 1900 году стал корреспондентом газеты «Искра», в 1901 году окончил медицинский факультет Императорского Дерптского университета. Совмещал революционную деятельность с работой врачом. В 1903 году — делегат II съезда РСДРП. В Первую мировую войну служил военным врачом в армии. После Октябрьской революции вёл борьбу за советскую власть в Крыму. После 1919 года назначен наркомом здравоохранения, председателем Совнаркома Крымской Советской Социалистической республики. С 1921 года жил в Москве, работал в Наркомздраве, Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, Коммунистическом университете Востока, вёл работу в Центральном музее В. И. Ленина в Горках. В 1930-х годах вместе с Марией Ильиничной написал воспоминания о В. И. Ленине. В 1941–1942 годах жил в эвакуации в Ульяновске, затем в Москве. Делегат XVI, XVII съездов ВКП(б). Дети были только у Дмитрия. Первый брак с А. И. Нещеретовой был бездетным. С А. Ф. Карповой (1883–1956 гг.) — дочь Ольга (1922–2011 гг.), внучка Надежда, правнучка Елена. С Е. М. Червяковой (внебрачная связь) — сын Виктор (1917–1984 гг.), внуки Владимир и Мария, правнуки Надежда и Александр.

Самой младшей в семье была Мария Ильинична. Родилась в Симбирске. Окончила гимназию, потом Сорбонну. Участница революционного движения в России. Верная соратница В. И. Ленина. Помогала распространять «Искру».

После Февральской революции работала в газете «Правда». Пять раз была арестована, выслана в Вологду. Была заведующей Бюро жалоб Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР. Член РСДРП. После революции — редактор журнала «Работница и крестьянка». Была организатором рабкоровского и селькоровского движения. Была любимой сестрой Ленина. Во всём ему помогала, поддерживала. Похоронена в Кремлёвской стене.

На основе книги З. Воскресенской «Сердце матери» в 1965 году был снят одноимённый фильм о семье Ульяновых (дилогия). Второй фильм — «Верность матери», снят в 1966 году. Роль Дмитрия сыграли Андрей Богословский (в детстве) и Юрий Соломин.

В. И. Ленин был женат на Надежде Константиновне Крупской (1869–1939 гг.), рождённой в дворянской семье в Санкт-Петербурге. Российская революционерка, советский государственный, партийный, общественный и культурный деятель. Организатор и главный идеолог советского образования и коммунистического воспитания молодёжи. Доктор педагогических наук, почётный член АН СССР, член Президиума Верховного Совета СССР, член ЦК ВКП(б). Награды: Герой Труда (1929 г.), Орден Ленина (1935 г.), Орден Трудового Красного знамени (1929 г.). В Москве создан музей Н. К. Крупской. Московский областной педагогический институт с 1957 по 1991 год носил имя Н. К. Крупской. В настоящее время — Московский государственный областной университет. Памятник Крупской установлен в Москве, скульптура — в Артеке.

Первым словом в устах советской литературы было слово «революция». В единстве со словами «Великий Октябрь» встало имя вождя: Ленин.

В образе Ленина советская литература раскрывает черты нового деятеля русской и всемирной истории. Стихи о Ленине писали Д. Бедный, В. Маяковский, С. Есенин, Н. Тихонов, В. Брюсов, А. Безыменский, А. Жаров, В. Инбер, Н. Асеев, М. Исаковский, А. Твардовский и многие другие.

Значительные успехи в воплощении ленинской темы выпали на долю драматургии. «Человек с ружьём», «Кремлёвские куранты» Н. Погодина, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» (сценарий Н. Каплера, режиссёр — М. Роом, образ Ленина воплощён Б. Щукиным) выдержали проверку временем и вошли в фонд нашей классики.

Первостепенное значение в развитии ленинской темы, в утверждении реалистических принципов изображения вождя имела работа М. Горького, его очерк «В. И. Ленин» [8]. В поэтической Лениниане в годы Великой Отечественной войны выразился патриотизм советских людей, для которых имя Ленина было символом победы над врагом. Это стихи С. Щипачёва, А. Суркова, Н. Тихонова, А. Твардовского, С. Маршака, А. Прокофьева, О. Берггольц.

Советская литература стремится осмыслить пройденный путь, показать роль Октября в развитии мировой истории. Об этом пишут поэты В. Фёдоров, А. Вознесенский, Р. Рождественский, Я. Смеляков, Е. Евтушенко.

Ленинизм предстаёт в стихах поэтов как вечная молодость мира и как солнце, освещающее путь народам к счастливой жизни.

Значительный вклад в разработку ленинской темы внесли и прозаики. Это произведения Э. Казакевича, С. Дангулова, А. Коптелова, М. Шагинян, З. Воскресенской, М. Прилежаевой.

Ленину не довелось побывать на Дальнем Востоке, но в его речах, выступлениях, телеграммах и письмах чувствовалась большая и постоянная забота о трудящихся далёкой в то время окраины.

Ещё в Гражданскую войну поэты обращались к образу Ленина. Георгий Отрепьев в драме «В волнах революции» (1920 г.) [21] пытается создать образ Ленина, вождя и человека, показать его неотделимость от народа, простоту, человечность. Замысел осуществлён частично, так как пьеса страдала агитационным, плакатным изображением революции, характерным для первых советских драм.

К имени Ленина в годы японо-американской интервенции обращается поэт К. Рослый, адресуя дальневосточным крестьянам стихотворение «Нечисть вымести!..»:

Вам поможет он,
Лени-батюшка,
В деле праведном,
Он поможет вам
Нечисть вымести,
На широкий путь
Правду вывести! [24]

А. Ярославский стихотворение «Ленину» [36] написал в областной тюрьме Владивостока, куда был посажен интервентами. Стихотворение пронизано верой в победу революции. В нём высказана любовь и преклонение перед гением Ленина:

Из крови, гнева и таланта
Тобою создан ореол;
И силу древнего Атланта
Ты дерзкой мощью превзошёл! [36, с. 82]

Поэт сравнивает Ленина с Солнцем, Периклом, новым Архимедом. Образ вождя изображается в соответствии с каноном поэтики пролетариата.

Более органична тема Ленина в творчестве А. Богданова и С. Шилова. Они были по своим убеждениям и работе революционерами-ленинцами.

А. Богданов — профессиональный революционер, член РСДРП с 1900 года, современник Ленина и Горького, поэт пролетарского подполья. Шесть лет, с января 1919 по на-

чало 1925 года, он жил в Приморье, известен как писатель, журналист, один из руководителей пролеткульта, редактор дальневосточных газет. В стихотворении Богданова «Ленину» [5] — живой, взволнованный отклик современника на смерть Ленина. Личные встречи с Лениным усилили боль утраты. Участие поэта в траурном митинге трудящихся Владивостока оживило стихи, вдохнуло в них поэтическую жизнь.

Прост и эпически широк зачин стихотворения:

Я помню
Вечер похорон:
Метельной мглой
Ползли тайфуны,
Дробился в сопках
Снежный звон,
И кедры —
Вторили, как струны. [5, с. 71]

Течёт по улицам народная масса почтить память Ильича, плывут знамёна над бухтой Золотой Рог:

Пусть хлещут
Вихри озверело,
И злится враг,
И стынет мгла.
Мы —
Схоронили только тело,
Но живы —
Мысли и дела. [5, с. 73]

С. Шилов впервые увидел Ленина в Швейцарии, на одном из его сентябрьских выступлений 1911 года, когда Владимир Ильич читал реферат «Столыпин и революция». Эти события сказались на содержании картины в его романе «Чад» (диспут Ленина с Г. В. Плехановым в зале казино Сан-Пьер). Глава Шилова о Ленине, основанная на личных впечатлениях, приобретает силу художественного обобщения. Над образом Ленина Шилов работал в Хабаровске в 1928–1929 годах.

К этому времени М. Горьким были написаны очерки о Ленине [8; 9; 10]. Он даёт психологический портрет Владимира Ильича. Но свидетельства Шилова дополняют очерки Горького, помогают представить Ленина в Швейцарии в 1911 году, который не освещён у Горького.

Через всю поэзию Дальнего Востока проходит ленинская тема.

В стихотворении Арсения Несмелова «Аккумулятор класса» Ленин предстаёт как могучая личность, собравшая «сто миллионов раздробленных воль» в единую силу, в аккумулятор. И такой человек не мог умереть:

Кто говорит, что Ленин умер? Вздор!
Он растворился в классе. Имя — лозунг.
И до сих пор гремят в упор
В аккумулятор собранные грозы. [19, с. 114–115]

Стихотворение «Умер…» Николая Костарева [13] было одним из первых откликов на смерть В. И. Ленина. Их автор — близкий друг А. Фадеева. Вместе с Сергеем Лазо и Нестором Каландаришвили партизанили они в лесах Забайкалья. Строки были опубликованы 24 января 1924 года в газете «Красное знамя».

Солнце! —
Оденься в траур…
Мир — на колени…
Сегодня…
в шесть
часов утра, —
мы узнали, —
Умер —
ЛЕНИН… [13]

В 1950-е – 1960-е годы о Ленине пишут стихи П. Нефёдов, С. Смоляков, Б. Некрасов, Е. Лебков, Р. Аёшин, Ю. Немоляев. Это разные стихи. Но их объединяет одно — безграничная любовь к человеку, чьё имя Ленин.

Он идёт сквозь время и пространство
От стены московского Кремля,
И любовно шепчет ему «здравствуй!»
Материнским голосом земля. <…>
В партию, в народ свой веря свято,
По земле проходит Человек.
И шагает вместе с ним Двадцатый,
Наш победный коммунизма век. [20, с. 7, 8]

Любые стихи о Ленине — это всегда стихи о Родине, о радости трудных побед, о нелёгком пути к коммунизму. Так понимают ленинскую тему поэты-дальневосточники. И это естественно, потому что:

Едва мы, наследуя старшим,
На жизненном встали пути —
Нам выпало — в траурном марше
Вождя провожая, пройти, — пишет Степан Авксентьевич Смоляков в своём стихотворении «Ты нам завещал» [30, с. 3].

Все помыслы и дела партии и народа были направлены на воплощение в жизнь ленинских заветов и планов. От имени своего поколения С. Смоляков говорит:

Сегодня мы видим свершенье
Твоей исполинской мечты!
И нам, обошедшим полмира,
Угрозы врагов не страшны… [30, с. 4]

Л. Шкавро в стихотворении, посвящённом Ленину, пишет не только о русском народе, но и о всех народах земли, которые понимают правду Ленина и ценят опыт России:

Настанет день, и всей земли народы
на самом отдалённом рубеже
поднимут знамя братства и свободы.

А те, кому оно не по душе,
пускай доспехами бряцают всеми,
не запугают и на этот раз...
Ведь имя Ленина
вечно, как и время,
которое работает на нас! [35, с. 4]

Имя Ленина давно стало символом борьбы за свободу и независимость. Так его воспринимают простые люди всей планеты. С этим именем они борются со своими угнетателями. И в этой борьбе им помогает великое учение Ленина, пример страны, воплотившей на деле это учение.

Есть стихотворения, которые посвящены отдельным эпизодам жизни Владимира Ильича, конкретным историческим событиям. Так, выступлению Ленина на III съезде комсомола посвящено стихотворение Н. Наволочкина «Третий съезд комсомола»[1] [17]. О ленинском Декрете о мире рассказывает стихотворение Б. Некрасова «С ленинским декретом» [18]. О покушении На Ленина — стихотворение Б. Копалыгина «Ленин идёт выше» [12]:

Шёл он, опираясь на перила,
Вождь и воин с пулями в плече.
Выше, выше, выше…
Сколько силы
Оказалось в нашем Ильиче!
И казалось очевидцам:
Ленин
Шёл в бессмертье, так же как домой:
Обернулись годами ступени,
Лестница —
Историей самой! [12]

Мы никогда никому не грозили войной. И наш герб символизирует это. Известен факт: рисунок герба нашей страны подсказан Ильичом. Этому эпизоду посвятил своё стихотворение «Герб» поэт Фёдор Архипов.

Проект герба республики Советов
Представили однажды Ильичу.
Звезда алела на рисунке светлом,
Сплелись колосья, наклонясь к мечу.
И вождь сказал:
— Зачем же грозный символ? —
И меч перечеркнул карандашом. —
Мы никому не угрожали силой.
Вот серп и молот — очень хорошо!» [3]

В стихах Евгения Лебкова выражена не только любовь к Ленину, а смысл этой любви, её корни:

Ленин,
Большелобый,
Большедумный,
Свой, родной
Морщинкой каждой…
…Город громыхает шумный,
Многоэтажный.
Памятник не только человеку.
Памятник не только Ленину, —
Веку,
Поколениям. [15]

К образу Ленина обращаются и дальневосточные писатели-прозаики. Это В. Балябин (глава 12 о ленинском декрете в повести «Комса» [4, с. 70–78], А. Вахов [7], К. Майбогов (роман «Чёрный камень» [16]), П. Сычёв (глава «Приезд Ленина» из повести «Великий тайфун» [31, с. 44–50]), Л. Антонова (роман «Заслон» [2]). В романе нашли отражение такие мало освещённые события, как трагедия города Николаевска в 1920 году и бой под Казакевичево. В книге показан посланец комсомольцев Благовещенска на III съезд РКСМ в Москву Пётр Милославский (Пётр Мацюпа), избранный впоследствии секретарём Хабаровского обкома комсомола.

Широко и во многом по-особому отразился образ В. И. Ленина в самой молодой литературе нашей страны — литературе народов Севера и Дальнего Востока. К образу Ленина обращаются чукчи и эвенки, нанайцы и ульчи, эскимосы и эвены, нивхи и удэгейцы.

Так, обращается к великому Ленину, вождю и другу, чукотская поэтесса Антонина Кымытваль:

Здравствуй, Ленин, здравствуй славный вождь,
Здравствуй, человек, простой и мудрый!
Я оттуда, где пурга и дождь, —
Из чукотской заполярной тундры.
Слушай голос сердца моего… [14, с. 4]

Многие сборники обошло стихотворение Фёдора Тинетева (Тынэтэгына) «Раньше и теперь». С именем Ленина связывает поэт ставшую реальностью новую жизнь чукчей:

Карандаш и книгу дал нам Ленин,
Он свои заветы нам оставил,
Вот когда мы стали жить светлее,
Словно горы, к солнцу вырастая! [34]

О больших переменах в жизни нанайцев первым заговорил на родном языке Аким Дмитриевич Самар. Первым из народностей Севера был он принят в члены Союза писателей. Ленину посвящены лучшие строки поэта. Поэт раскрывает единство партии и народа в стихотворении «Ленин».

Летят миллионы снежинок,
Сугробы они создают.
Из тысячи тысяч песчинок
Сыпучие дюны растут.
Под знаменем непобедимой

1 Это же стихотворение было напечатано в журнале «Дальний Восток» (№ 1 за 1951 г., с. 3) под названием «Ленинский завет». — Ред.

Великой правды своей
Силою стали единой
Миллионы рабочих людей. [27]

Об октябрьском живительном ветре и Ленине, поднявшем мир угнетённых на богачей и господ, пишет поэт. В общем порыве восклицает он в стихотворении «Ильич не умер»:

Я бы жизнь и сердце, не жалея,
За тебя, любимый вождь, отдал.
Только б вышел ты из Мавзолея,
Только б ты живым сегодня стал.
Только б сердцем бьющимся согретый,
Ты увидел бы, как наш народ
Выполняет все твои заветы,
Как призыв твой солнечный живёт. [26]

В одной из глав повести первого удэгейского писателя Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай» автор рассказывает о том, как впервые узнали удэгейцы о Ленине: «Купцов больше нет, богатых и злых начальников нет… трудовой народ сам управляет государством. Все богатства, какие есть в нашей стране, все принадлежат народу. Это Ленин такой путь указал» [11, с. 118]. И люди приходят к убеждению: «Советская власть дала нам хорошие законы. Будем делать так, как учат нас старшие наши братья — русские люди…» [11, с. 124–125].

Чукотскую легенду о Ленине, созданную народом, рассказал талантливый чукотский косторез и художник Михаил Вуквол. По её мотивам он создал большую композицию на моржовом клыке. В легенде рассказывается о том, что приходил Ленин к людям и рассказывал им о «сильном брате». Из уст Ленина слушают чукчи сказку о том, как лучше жить беднякам: честно, дружно работать, учиться, помогать друг другу.

Совершенно по-новому рассказывают старые сказки писатели-северяне. Старый охотник Ното Зоринча, главный персонаж очерка первого ульчского прозаика А. Вальдю «Жизнь и сказка», знает множество сказок, легенд, преданий, но теперь он создаёт новую сказку о богатыре, пославшем бурю, которая «подхватила наниских богачей с маньчжу-купцами и их выбросила за девять сторон, за сорок морей» [6, с. 263]. Вальдю показал, как складывается в народном сознании образ вождя революции. Ното Зоринча не называет имени богатыря, но в его образе нетрудно увидеть Ленина.

О Семипёрой птице Счастья рассказывает ребятам старый дедушка Лузгин, герой повести Владимира Санги «Семипёрая птица» [28]. Никто не видел этой птицы Счастья. «Счастье пришло к нивхам неожиданно. <…> И не Семипёрая птица принесла нивхам счастье. Ленин — вот кто дал нивхам новую жизнь. …а Семипёрая птица осталась в сказке...» [28, с. 45]. Так по-новому осмысливается писателем старое предание.

Мотивы народных преданий о Ленине вводит в свои произведения и Юрий Рытхэу. В повести «Пять писем Вали Крамаренковой» старый охотник Мэмыль рассказывает русской учительнице сказку «О том, как на Чукотку свет пришёл». Это уже не фольклорная сказка, а сущая правда о первых посланцах Ленина на Чукотку. В. И. Ленин держит совет с учёными, как помочь чукотским людям. И враги здесь конкретные: «американский скупщик да царский чиновник, байдарный хозяин да ещё шаман» [25, с. 269]. И друзья — первые ревкомовцы, геройски погибшие за свободу, за советскую власть. Один путь видит Ленин: «Надо для чукотских людей грамоту составить и вообще принести в этот далёкий и тёмный край свет новой жизни» [25, с. 270].

Чувство глубокой слитности всех людей, со всех концов земли пришедших к Мавзолею поговорить с Лениным, передаёт А. Кымытваль в своих стихах. Это же ощущение единства, слитности народов звучит в стихотворении А. Пассара «В разливе» [22]. Сердцем чувствуют пришедшие в Разлив молодые эвенки, удэгейцы, нанайцы, что это здесь «жил Ильич дорогой». Девяносто шесть человек стоят у ленинского шалаша, представители возрождённых к жизни народов Севера, все они счастливы — и это счастье дал им Ленин.

Самую лучшую песню тайги отдаёт А. Пассар великому вождю, любовь народа к которому безмерна.

Великий Ленин, отец родной,
Счастье народов нашей земли,
В город, носящий имя твоё,
Лучшие песни мы принесли. [23]

О Ленине рассказал ещё один чукотский поэт — Владимир Тымнетувге, вступивший в литературу в конце 1950-х годов. В стихотворении молодого поэта «Ленин с нами» описана новая Чукотка, счастливая, согретая дружбой народов. Чукотка, перешагнувшая из средневековья в социализм. Для него просто и органично вписывается в пейзаж родной тундры стоящий вблизи лимана памятник Ленину, освещённый солнцем:

В Анадыре вблизи лимана,
Где светлая река журчит,
Весенним солнцем освещённый
Высокий памятник стоит.
Полярным солнцем осиянный,
Он, как живой, — в веках священен
Стоит, из камня изваянный,
Любимый всеми нами Ленин.
Мы сердцем ленинским согреты,
Его ученье — наше знамя,
Живём по ленинским заветам,
И Ленин вечно, всюду с нами! [32, с. 180]

Ленин всюду с народом, потому что его дело продолжает созданная им партия. Об этом пишет ещё один представитель чукотской литературы, учитель красной яранги Владимир Тынескин. Вспоминая легенду, рассказанную Вукволом о том, что Ленин был на Чукотке, поэт спрашивает:

Ну, а Ленин? Где он?
Кто нам даст достоверный ответ?
На странице романов,
в легендах, в кино, в Мавзолее?
Нет, всё это неправда —
он с нами живёт с первых лет. [33]

Имя Ленина, его дела вдохновили и якутских поэтов. У Ивана Алексеева находим такие строки:

Я слышу голос правды над планетой —
То с веком,
С миром Ленин говорит,
И в этом ярком пламени зари
Мне радостно быть искоркою светлой.

К чему гранит и мрамор?
Ленин жив!
Земные ли, космические дали,
Где бы ни шли, ни плыли, ни летали —
В людских сердцах звучит его призыв.

Он увлекает нас крылатой мыслью,
Познанья открывает красоту,
С ним космонавт уходит к звёздным высям,
С ним часовые зорче на посту.

Он там, где ветер Азии горячий,
Где Африка мятежная встаёт…
Где за свободу борется народ,
Там Ленин — и не может быть иначе! [1]

А в стихотворении Василия Сивцова Ленин предстаёт устроителем нового мира, отцом:

— Скажи, дедусь, а кто был Ленин? <...>
— Бывало, труд гроша не стоил,
А сколько горя, слёз, обид!
Пришёл Ильич и мир построил,
В котором ты — не хамначит[2]. <…>
— Ты мал. Твоё бездумно детство,
И ты меня поймёшь не вдруг.
Он, Ленин, видишь ли, — отец мой,
А ты — его, выходит, внук. [29]

Взаимодействие различных национальных культур и литератур и ранее приносило и принесёт в будущем свои богатые плоды.

Ленин, партия, советская власть были неотделимы в сознании писателей-дальневосточников. Для них близкими и закономерными стали темы труда, дружбы народов, борьбы за мир. Октябрьская революция и создание в нашей стране впервые в мире социалистического государства — это выдающееся явление в истории человечества, повлиявшее на литературу, на темы, поднимаемые в ней писателями.

Список использованных источников

1. *Алексеев, И. Я в Мавзолей вхожу… / И. Алексеев // Дальний Восток. — 1969. — № 2. — С. 98.*
2. *Антонова, Л. Заслон / Л. Антонова. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. — 400 с.*
3. *Архипов, Ф. Герб / Ф. Архипов // Дальний Восток. — № 2. — 1960. — С. 8.*
4. *Балябин, В. Комса : повесть / В. Балябин. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 233 с.*
5. *Богданов, А. Ленину / А. Богданов // Антология поэзии Дальнего Востока. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1967. — С. 71–73.*
6. *Вальдю, А. Жизнь и сказка / А. Вальдю // Таёжные родники. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1967. — С. 243–264.*
7. *Вахов, А. «Шилка» выполняет задание : [глава из романа] / А. Вахов // Красное знамя. — 1963. — 25 авг.*
8. *Горький, М. В. И. Ленин / М. Горький. — Текст : электронный // IKNIGI.NET. : [электронная библиотека]. — URL: https://iknigi.net/avtor-maksim-gorkiy/45397-vilenin-maksim-gorkiy/read/page-1.html (дата обращения: 14.02.2024).*
9. *Горький, М. Владимир Ильич Ленин / М. Горький. — Текст : электронный // Гуманитарная кафедра СУНЦ НГУ. [Страничка преподавателя кафедры Миндолина В. А.]. — URL: https://gkaf.nsu.ru/mindolin/voice/gorklen.html (дата обращения: 14.02.2024).*
10. *Горький, М. [О В. И. Ленине] / М. Горький. — Текст : электронный // Lib.ru. Классика. — URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1920_o_lenine.shtml (дата обращения: 14.02.2024).*
11. *Кимонко, Д. Там, где бежит Сукпай / Д. Кимонко. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1985. — 160 с.*
12. *Копалыгин, Б. Ленин идёт выше / Б. Копалыгин // Дальний Восток. — 1969. — № 3. — С. 17.*
13. *Костарев, Н. Умер… / Н. Костарев // Красное знамя. — 1924. — 24 января. — С. 1.*
14. *Кымытваль, А. Ленин меня услышал / А. Кымытваль // Полярная эстрада : репертуар. сб. — Магадан : Кн. изд-во, 1970. — С. 4–5.*
15. *Лебков, Е. Ленин… // Живые острова / Е. Лебков. — Южно-Сахалинск, 1979. — С. 45.*
16. *Майбогов, К. Чёрный камень / К. Майбогов. — Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1968. — 584 с.*
17. *Наволочкин, Н. Д. Третий съезд комсомола // Дорогие мои земляки / Н. Д. Наволочкин. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1953. — С. 22–23.*
18. *Некрасов, Б. С ленинским декретом / Б. Некрасов // На Севере Дальнем : лит.-худ. альманах. — 1956. — № 4. — С. 3.*
19. *Несмелов, А. Аккумулятор класса / А. Несмелов // Антология поэзии Дальнего Востока. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1967. — С. 114–115.*

2 Хамначит (якутск.) — батрак.

20. Нефёдов, П. Ленин идёт по земле / П. Нефёдов // Полярная эстрада : репертуар. сб. — Магадан : Кн. изд-во, 1970. — С. 7–8.
21. Отрепьев, Г. Я. В волнах революции / Г. Я. Отрепьев // Лучи красных дум. — Благовещенск : изд-во Черезв. изд. бюро, 1920. — С. 5–76.
22. Пассар, А. В разливе // Пассар А. Мокона. — Москва : Молодая гвардия, 1958. — С. 88.
23. Пассар, А. А. Ленину / А. А. Пассар // Песни Амура : стихи нанайских поэтов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1979. — С. 60.
24. Рослый, К. Нечисть вымести!.. / К. Рослый // Дальний Восток. — № 5. — 1958. — С. 165.
25. Рытхэу, Ю. Пять писем Вали Крамаренковой // Рытхэу Ю. Чукотская сага. — Москва : Молодая гвардия, 1960. — С. 239–284.
26. Самар, А. Ильич не умер / А. Самар // Дальний Восток. — № 5. — 1975. — С. 20.
27. Самар, А. Д. Ленин / А. Д. Самар // Песни Амура : стихи нанайских поэтов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1979. — С. 7.
28. Санги, В. Семипёрая птица // Санги В. Семипёрая птица. — Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1967. — С. 30–71.
29. Сивцов, В. Ленин / В. Сивцов // Дальний Восток. — 1960. — № 5. — С. 3.
30. Смоляков, С. Ты нам завещал // Смоляков С. Рассвет. — Хабаровск : Дальневост. гос. изд-во, 1949. — С. 3–4.
31. Сычёв, П. Великий тайфун / П. Сычёв. — Москва : Совет. писатель, 1960. — 384 с.
32. Тымнетувге, В. Ленин с нами / В. Тымнетувге // На Севере Дальнем : лит.-худ. альманах. — 1958. — Кн. 11. — С. 179–180.
33. Тынескин, В. Ленин на Чукотке / В. Тынескин // Таёжные родники. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1967. — С. 17–18.
34. Тынэтэгын, Ф. Раньше и теперь / Ф. Тынэтэгын // Таёжные родники. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1967. — С. 21.
35. Шкавро, Л. Дорогое имя / Шкавро Л. Хорошая примета. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1957. — С. 3–4.
36. Ярославский, А. Ленину / А. Ярославский // Антология поэзии Дальнего Востока. — Хабаровск : Кн. изд-во., 1967. — С. 82–83.

Материал поступил в редакцию 07.11.2023.

Сведения об авторе: Зилова Клара Николаевна, краевед (г. Хабаровск).

ГУТАРЁВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА

УССУРИЙСК — ГОРОД ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

В статье исследуются культурно-исторические особенности Уссурийска — города, не только занимающего важное место в художественной жизни российского Дальнего Востока, но и оказывающего определённое влияние на её развитие в близлежащем зарубежном пространстве. Выявляются художественные традиции города, заложенные в конце XIX – начале XX века и успешно развившиеся во второй половине прошлого века. Рассматривается самобытность уссурийской школы живописи. Определяется значимость выставочной деятельности, её актуальность для международного творческого сотрудничества. Делается вывод, что сохранение и активное продвижение художественных традиций Уссурийска способствуют развитию изобразительного искусства современности, увеличивая художественную значимость города на высоком уровне.

Ключевые слова: художественные традиции, уссурийская школа живописи, Уссурийск, уссурийские художники, Дальневосточный регион.

Keywords: artistic traditions, Ussuriysk school of painting, Ussuriysk, Ussuriysk painters, Far East region.

История изобразительного искусства южной части отечественного Дальнего Востока — Приморского края, где расположен город Уссурийск, недолга. Эти дальневосточные земли начали активно осваиваться русскими только с середины XIX века, но с приходом XX века здесь получила своё яркое развитие интенсивная культурная жизнь благодаря энтузиазму и энергии большого количества творческих деятелей, оказавшихся в этом регионе после смены политического режима в стране.

В целом активизация художественной сферы в России с 1917 по 1922 год характерна для всей российской художественной культуры, но для Приморья эти процессы были уникальны, поскольку здесь никогда не проживало столько творческих деятелей и, как следствие, не наблюдалось такого высокого оживления в художественной жизни. Это позволило исследователям определить данное явление как культурный феномен, а происходившие процессы трактовать как пассионарный всплеск. Благодаря тому, что в художественной жизни Приморья активная роль принадлежала художникам и другим деятелям искусств, их инициативность способствовала не только неожиданно мощному расцвету художественной культуры в Приморье, но и дала импульс местной творческой интеллигенции [2, с. 73].

Ещё одной спецификой развития и функционирования изобразительного искусства в регионе в этот период и в последующие годы становится то, что активное формирование сферы искусств происходит не во всех населённых пунктах Приморья, а только в крупных городах, где жили и работали художники. В этом отношении первенство, безусловно, принадлежит Владивостоку — экономическому и политическому центру региона, где проявила активность и сфера искусств, но Никольск-Уссурийский (ныне г. Уссурийск) как основной транспортный узел Приморья становится художественным центром края. Это звание город не потерял и в наше время, продолжая играть важную роль в культурной жизни не только в пределах Приморского края и Дальневосточного региона, но и в приграничных странах-соседях.

У истоков художественной жизни Уссурийска стояли талантливые люди, выпускники Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге: В. Г. Шешунов, П. В. Тепляков (Николин) и Н. М. Кабанов. Это были первые профессиональные художники, которые в начале XX века работали и преподавали в Уссурийске, организуя уроки рисования в учебных заведениях города. Обладая высочайшим уровнем художественных знаний и навыков, они оказали прямое воздействие на зарождение художественных традиций города. Особенно велика в этом роль Василия Григорьевича Шешунова, который, будучи учеником И. Шишкина, унаследовал от учителя принцип непременной верности натуре в пейзажном жанре, за что современники называли его «певцом уссурийской природы в красках». Он с увлечением отдавался преподавательской работе (в Никольске-Уссурийском с 1912 г. до своей смерти в 1921 г. В. Г. Шешунов преподавал в женской учительской семинарии, вёл уроки рисования в Корейской учительской семинарии и местном художественном училище), но всё свободное время проводил на пленэре в дебрях уссурийской тайги. Так, впечатляет тот факт, что после смерти художника душеприказчики насчитали более 1500 его произведений: картин, эскизов, этюдов, зарисовок [7, с 40].

Шешунов сразу же выбрал для себя основной жанр — пейзаж — и оставался верен ему до конца жизни. И хотя Василий Григорьевич не поднимался в своих работах до образных обобщений шишкинского масштаба, но его картины и этюды передают изумительный мир природы уссурийской тайги. Уединяясь в охотничьей избушке или китайской фанзе, «писал с натуры и раннюю пробуждающуюся весну в нежных красках, и лето в роскошном пышном цветочном наряде, и осень, полную грустного, щемящего сердце увядания, и зиму с глубокими сугробами, кедрами, запушёнными хлопьями снега» [1, с. 29].

Шешунов, как художник-просветитель, явился первым дипломированным, истинно творческим живописцем в Никольске-Уссурийском, и его воздействие на становление художественной жизни города было значительным. Во многом благодаря творческим исканиям Шешунова и других первых профессиональных художников, именно пейзаж становится в дальнейшем основным жанром для уссурийских мастеров, их отличительным стилем и визитной карточкой уссурийской школы живописи.

В развитии художественных традиций города в последующие годы большую роль сыграла студия военных художников, основанная в г. Ворошилове (название г. Уссурийска с 1935 по 1957 г.) в 1940 году выпускниками Академии художеств О. И. и Р. И. Фридманами, для которой в городе было построено специальное здание. «В те годы, когда в городах Сибири и Дальнего Востока не хватало художественных училищ, студии имели большое значение, и многие художники старшего поколения выросли в них, ибо преподавание там велось квалифицированно» [18, с. 5]. Такое серьёзное студийное обучение способствовало получению хорошего уровня знаний, которые помогли в дальнейшем её выпускникам продолжить художественное образование или самостоятельно найти свой путь в искусстве. В военные годы студией руководил А. Н. Ромашкин, учеником которого был Ким Петрович Коваль — патриарх уссурийской живописи, чьё творчество стало знаковым в развитии изобразительного искусства города. Известный как основатель уссурийской школы живописи, представля-

ющей региональное художественное явление с самобытными характеристиками, Ким Коваль оказал влияние на общее развитие отечественного искусства второй половины XX века, обогатив дальневосточную живопись и обозначив на карте искусства город Уссурийск. В послевоенное время в художественной студии работали художники А. А. Пеек, С. Ф. Арефин и Н. Д. Волков. Николай Данилович Волков принадлежит к числу художников — ветеранов Великой Отечественной войны, способствующих развитию изобразительного искусства Дальнего Востока и активно занимающихся педагогической деятельностью [4, с. 41]. Среди учеников этого периода следует отметить Александра Васильевича Ткаченко и Владимира Артёмовича Серова. Сегодня они ведущие и старейшие художники Уссурийска, чей вклад в основание традиций уссурийской живописи, их развитие и утверждение в отечественном дальневосточном искусстве весомы и очень значительны. А. В. Ткаченко и В. А. Серов относятся к числу тех творцов, которые «открыли Дальний Восток для всей страны, дали возможность приобщиться к философии этой земли» [10, с. 25], воспеваемой в их пейзажах, которые являются в искусстве Дальнего Востока «примером большого смысла» [9, с. 20].

С образованием в 1943 году Уссурийской городской организации Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» как отделения Приморской организации ВТОО СХР начинается стабильно насыщенная художественная жизнь города благодаря активности творческой группы уссурийских мастеров. Уссурийская организация не была многочисленной, в 1940-е годы её ядро составляли Г. К. Асланов, Ю. Л. Арс, В. М. Зотов, С. П. Чайка, С. И. Дерека, а несомненным художественным авторитетом являлся Степан Фёдорович Арефин — постоянный участник сначала краевых, а затем зональных, республиканских и всесоюзных выставок. Под его руководством в 1950-е годы в Уссурийске начали работу художественно-производственные мастерские, которые он возглавлял более десятилетия до своего ухода в мир театрально-декорационного искусства Уссурийска, а потом и Владивостока [5, с. 25].

Надо отметить, что многие приморские мастера: Б. А. Вялков, Н. П. Борисов, В. М. Медведский, В. Г. Ненаживин Н. Е. Большаков и другие, свои первые творческие шаги сделали в Уссурийске.

Начиная с 1960-х годов роль несомненного лидера начинает играть Ким Петрович Коваль. Его заслуга в творческом развитии уссурийских художников и художественной жизни города была исключительной: увлекающая сила его дарования была такова, что «целый ряд лет, подобно своего рода локомотиву, он влёк за собой в гору вереницу уссурийских художников, много взявших от него для своего дальнейшего развития» [16, с. 73]. Его работы, впервые

Уссурийские художники. Уссурийск, 1960 год

появившись на I Республиканской художественной выставке, принесли огромный успех и широкую известность молодому живописцу, распространяясь и на город, где он так плодотворно работал: «Они вошли в художественную летопись своего края одновременно: город и человек. Случилось это на первой выставке “Советская Россия” в Москве, когда молодой художник Ким Коваль из города Уссурийска, безвестный дотоле на поприще искусства, сразу выставил шесть заставивших говорить о себе полотен. И тогда его стали называть “Коваль из Уссурийска”» [3, с. 5], — так освещали значимость этого события журналисты.

Весь свой щедрый талант Ким Коваль посвятил дальневосточному отечественному пейзажу, создав его поэтический образ в таких картинах, как «На далёкой Ханке» (1968 г.), «Тигровый ключ» (1969 г.), «Весна в Приморье» (1972 г.) и другие, которые вошли в энциклопедию изобразительного искусства России, прославляя красоту Дальнего Востока, его природное своеобразие.

Надо отметить, что в настоящее время в искусствоведении осмысляется феномен «дальневосточной природы» [17, с. 33] в качестве ключа к рассмотрению исторического процесса развития изобразительного искусства региона в целом. Поэтому вполне естественным представляется, что и для К. П. Коваля выразительные особенности дальневосточной природы, где «переплелись пышность Юга и суровая строгость Севера» [19, с. 1], явились предметом пристального изучения, поэтического осмысления и воплощения в его картинах. Создав собственные художественно-изобразительные приёмы для отображения особенностей материковой природы уссурийской тайги, морского побережья, северных и островных дальневосточных территорий, Ким Коваль обогатил искусство Дальнего Востока России оригинальными творческими находками в пейзажной теме и выработал свой отличительный стиль живописи, составивший основу уссурийской школы.

По мнению А. Лобычева, родоначальниками этой живописной школы стали активно работающие в Уссурийске в 1960-е годы талантливые живописцы: А. А. Усенко (уехавший впоследствии на запад страны), В. А. Серов и А. В. Ткаченко, но именно К. П. Ковалю исследователь отводит главную роль в основании её традиций, отмечая, что уссурийская школа живописи, в основе которой лежит реалистическое начало, но присутствуют особо акцентированная декоративность, темпераментная эмоциональность, насыщенность цветовой гаммы, «обрела свою самобытность, получила известность в стране во многом благодаря его таланту, его авторитету, его энергии» [22, с. 138].

Новый, яркий этап начинается в жизни уссурийских художников в 1960-е – 1970-е годы, когда их произведения начинают постоянно экспонироваться на краевых, региональных, всесоюзных выставках, уверенно вливаясь в общее течение дальневосточного изобразительного искусства. В этот период, как и другие художники Приморского края, уссурийцы отдают предпочтение пейзажному жанру и совершают длительные творческие экспедиции в отдалённые уголки страны: на Сахалин, Чукотку, Командорские острова и в другие места, обращаясь к северной теме, получившей глубокое развитие в дальневосточной живописи во второй половине XX века. Регулярными их маршрутами становятся поездки на Камчатку, привлекающую своей суровой красотой К. П. Коваля, А. В. Ткаченко, Н. Д. Волкова, которые в этот период неоднократно совершали путешествия в данном направлении. В 1980-е годы эту традицию продолжили Ю. П. Галютин, О. А. Ким и И. Т. Никитчик, камчатская тема в искусстве которого с успехом развивается и в наши дни.

Отдельно стоит отметить художественное покорение уссурийскими художниками легендарного о. Шикотан, породившее появление шикотанского стиля живописи, который ярким и узнаваемым языком обогатил отечественное дальневосточное изобразительное искусство, представляя его утверждающе выразительно как особенное ответвление мощного древа «сурового стиля». Глубоким раскрытием темы Курильских островов отличаются произведения А. А. Усенко и В. А. Серова, ставших одними из основателей известной шикотанской группы, и если первый автор был более склонен наблюдать сиюминутное в прозе островных будней, то второй — сосредоточился на поисках масштабно-обобщённых образов природы, которые «привнесли в уссурийскую школу сам дух раскрепощённой живописи, родившейся посреди Тихого океана» [23, с. 398].

Важным моментом для уссурийцев становятся поездки на творческие дачи в западную часть России, с их возможностью совместного пленэра и обмена художественным опытом мастеров из различных уголков страны, что, безусловно, способствовало обогащению и расширению их художественного мировоззрения. Наиболее значимую роль в творческом развитии уссурийских художников сыграла Академическая дача имени И. Е. Репина, особенно для К. П. Коваля, став для него его «университетом» и ориентиром в следовании высоким художественным традициям. В 1970 году К. П. Коваль при поддержке его творческих коллег из Уссурийска и Владивостока основал в Приморье творческую дачу «Андреевка», где были продолжены традиции домов творчества России и получили развитие свои, самобытные.

Кипучая энергия и яркая сила таланта Кима Коваля вдохновляли молодое поколение уссурийских художников — «ковалят», как их называли, а он, будучи замечательным педагогом, фактически продолжил педагогическую линию В. В. Безродного, основателя Приморской организации ВТОО СХР, на уссурийской земле [13, с. 70].

В связи с педагогической деятельностью надо отметить большой вклад в эту сферу заслуженного работника культуры РФ А. М. Гринченко, долгие годы возглавлявшую детскую художественной школу г. Уссурийска. Уссурийская организация всегда осуществляла тесную связь с художественной школой, ученики которой впоследствии пополнили её ряды: Ю. П. Ларионов, О. А. Ким, О. К. Никитчик, С. В. Горбач, Е. А. Ткаченко, Е. А. Пихтовников, М. П. Соболевский, В. А. Кочегарова. Народный художник РФ, академик РАХ П. Т. Стронский, творческий путь которого тоже начался в стенах школы, в настоящее время занимает весомое место в отечественном современном искусстве [20, с. 230].

В 1980-е годы происходит ряд важных событий в художественной жизни города. Художники-уссурийцы давно мечтали о собственном здании с мастерскими и выставочным залом, чтобы не только плодотворно работать, но и представлять там плоды своего творчества, формируя тем самым художественное лицо города. «Хочется, чтобы

Открытие Дома художника. Уссурийск, 1985 год

каждый, кто приехал в Уссурийск, сразу увидел: здесь живут художники» [3, с. 5], — говорил К. П. Коваль. Приложив немало сил и организаторских способностей, он вместе с А. В. Пихтовниковым, возглавлявшим в то время комиссию по культуре в городском совете депутатов, достигли осуществления своей и своих творческих коллег мечты — 18 марта 1985 года состоялось открытие Дома художника в Уссурийске. Для творческой деятельности местных живописцев это было весьма важное событие, а для города — событие стало знаковым. С обретением собственного здания, мастерских, художественного выставочного зала Уссурийск приобретает статус важнейшего художественного центра края (после Владивостока), значительно выдвигаясь из тени других приморских городов. Укрепление данного статуса города происходит в 1990 году, когда художники Уссурийска образовали самостоятельную Уссурийскую организацию ВТОО «Союз художников России» (далее — Уссурийская организация ВТОО СХР), которая в настоящее время осуществляет регулярную выставочную деятельность, представляя Уссурийск в значимых отечественных и международных проектах.

Интересно отметить, что в связи с молодым поколением художников, пополнивших уссурийскую организацию в 1980-е – 1990-е годы, в относительно небольшом творческом коллективе образовалось несколько художественных династий, которые, как справедливо отмечает исследователь О. И. Зотова, дают основания для изучения «феномена художественных династий и трансформации стилевых особенностей в творчестве художников одной семьи» [12, с. 71]. Действительно, неоспорим тот факт, что основатели династий К. П. Коваль, А. В. Пихтовников и А. В. Ткаченко сыграли очень важную роль в формировании творческой личности своих продолжателей, с которыми связаны родственными и духовными узами: Ольги и Ивана Никитчик (О. К. Никитчик — дочь К. П. Коваля), Евгения и Марины Пихтовниковых (Е. А. Пихтовников — сын А. В. Пихтовникова) и Евгения Ткаченко (сын А. В. Ткаченко). И сейчас можно наблюдать, как заложенные в прошлом веке традиции уссурийской школы живописи, не прерываясь, трансформируются в новом столетии в творчестве потомков [8, с. 209].

С приходом перестройки и затем распадом Советского Союза началась модернизация, сопровождаемая разрушением централизованных форм управления в местных отделениях Союза художников России, прекращением их поддержки со стороны государства, что остро поставило перед художниками, и уссурийскими в том числе, вопросы выбора дальнейшего пути развития и его ориентиров. Но появились и обнадёживающие обстоятельства, связанные с формированием арт-рынка, возможностью свободной купли-продажи произведений искусства и интересом зарубежных покупателей, которые с течением времени начинают играть ведущую роль для приморских художников [6, с. 232]. И это становится особенно характерной чертой нового времени для художников-уссурийцев, в чём видится ряд причин. Прежде всего в силу географического расположения Уссурийска, его транспортных возможностей и близости к границе в условиях её открытости [21, с. 69], а также благодаря редкой предприимчивости и активности членов правления Уссурийской организации ВТОО СХР. Особая роль в этом принадлежит члену правления по выставочной деятельности Ольге Кимовне Никитчик, которая, осознав, что в сложившихся в 1990-е годы обстоятельствах небольшая по численности организация не сможет полноценно работать в условиях замкнутости, стала организатором долгосрочных зарубежных проектов «Мост дружбы» и «Радуга Востока», благодаря которым в Уссурийске и в городах-партнёрах (РК и КНР) регулярно осуществляется международная художественная деятельность [24]. Идея организации постоянных выставок с выездом за пределы Уссурийска побудила её к созданию творческой группы «Круг», расширяющей возможности для международного обмена опытом и присоединения к арт-рынку стран-соседей, в основном Китая, где уссурийские художники приобрели широкую известность и постоянных покупателей.

Отдельно следует отметить деятельность международной творческой ассоциации «Цветы мира», организованной О. Никитчик в 1998 году и успешно развивающейся в настоящее время. Сосредоточившая внимание на межкультурных коммуникациях, ассоциация, куда вошли участники из России, Республики Корея, Японии, Австралии и других стран, позволила по-новому заявить о себе в масштабе России и за рубежом. Каждый выставочный проект «Цветов мира», а их было уже более двадцати, становится ярким событием, роль которого в развитии отношений Приморья со странами-соседями и в признании приморского изобразительного искусства на международной арене трудно переоценить.

Новый импульс развития проект получил с 2014 года, когда к кураторству проекта присоединяется искусствовед, член Союза художников России, почётный член Российской академии художеств О. И. Зотова: появились новые участники, добавилось стремление создать творческое пространство, в котором рождаются новые идеи и оттачиваются навыки взаимодействия. Так, под кураторством ассоциации в рамках выставки «Цветы весны» (2020 г.) в залах Приморского отделения ВТОО СХР была проведена благотворительная акция, были организованы международные пленэры в селе Андреевке [15, с. 6], где, надо отметить, уссурийскими художниками были созданы привлекательные условия для совместной работы с художниками-коллегами из соседних стран. Большая заслуга в этом деле принадлежит Ивану

Никитчику, который провёл реконструкцию творческой дачи «Андреевка» и собственными силами построил дом имени К. П. Коваля для творческих встреч и обмена художественным опытом. И. Т. Никитчик также известен созданием в Андреевке художественной галереи «Арт-берег», где в течение летнего сезона открыта постоянно действующая выставка уссурийских художников, а также их коллег из других городов и стран.

За вклад в развитие искусства России и Дальнего Востока художникам организации присвоены звания «Заслуженный художник РФ» и «Заслуженный деятель искусств РФ» — К. П. Ковалю, «Заслуженный художник РФ» — А. В. Ткаченко, В. А. Серову, Н. Д. Волкову, И. И. Дункай, О. К. Никитчик, И. Т. Никитчик.

В новом столетии Уссурийская организации ВТОО СХР развивается и пополняется новыми членами. Цельный, творческий союз уссурийских мастеров состоит из профессиональных, самобытных живописцев, которых объединяет стремление к декоративной приподнятости и эмоциональной, цветовой насыщенности в полотнах, составляющей основу уссурийской школы живописи.

Отличаясь жанровым диапазоном, творчество уссурийских авторов демонстрирует многообразие и широту художественных интересов и возможностей, где выделяются доминанты: их приверженность к пейзажному жанру, натюрморту и тематической композиции. Так, анализируя

Члены Уссурийской организации ВТОО «Союз художников России». Уссурийск, Дом художника, 2016 год

специфику современного дальневосточного искусства, исследователем О. И. Зотовой отмечается интересный пласт творческих исканий: в пейзажах И. Т. Никитчика и Е. А. Пихтовникова, где наблюдаются поиски обобщения, на основе которых возникает тот художественный образ природы, где присутствует и эпическое, и лирическое; в работах О. К. Никитчик, предметный мир которых свидетельствует о соседстве с культурами других стран [11, с. 168]. В целом творчество уссурийских художников, являясь весомым в единой картине искусства Дальнего Востока России, демонстрирует и довольно большой диапазон в воплощении

Открытие Второй российско-китайской выставки в галерее «Арт-берег». Село Андреевка, 2016 год

День открытых дверей в Доме художника. В мастерской заслуженного художника РФ Ивана Никитчика. Уссурийск, 2021 год

различных тем, представленных на регулярных выставках, являющихся наиболее значимым показателем для определения состояния изобразительного искусства Уссурийска в наше время.

Показателен тот факт, что за первые два десятилетия нового столетия состоялось более 100 выставок в выставочном зале ВТОО СХР г. Уссурийска. Это ставшие традиционными групповые выставки членов организации, её гостей и персональные выставки, а также международные групповые и персональные выставки зарубежных художников, доказывающие, что Дом художника в Уссурийске выступает центром притяжения художественной жизни и ежегодным местом встречи с коллегами из соседних стран.

Так, в рамках творческого проекта «Мост дружбы», отличающегося глубиной идеи и широтой географического охвата, включающего художников Уссурийска и из других городов России, Китая и Республики Корея, с 2002 по 2005 год прошли масштабные международные выставки во Владивостоке, Муданьцзяне, Пусане. Отдельно стоит отметить выставку художников Уссурийской организации «Уссурийск — Пусан. Мост дружбы», состоявшуюся в 2000 году в одном из престижных центров мирового искусства — художественном музее «Метрополитен». Директор музея Ким Чонгын отметил в приветственном слове большую значимость данного выставочного проекта для укрепления культурных международных связей и упрочения художественного обмена [25, с. 3].

Другой долгосрочный и не менее масштабный зарубежный проект «Радуга Востока», учреждённый членами правления Уссурийской организацией ВТОО СХР, объединил художников России, Республики Корея и Японии. Благодаря данному творческому объединению регулярно с 2000-х годов осуществлялась международная художественная деятельность в городах этих стран: Владивостоке, Чинбурёне (Канвондо), Токио.

С 2012 года уссурийские художники включились в активный процесс развития российско-вьетнамских отношений, в связи с чем появилась возможность наблюдать творческий процесс, изучать современные тенденции художественной жизни в ходе регулярных поездок во Вьетнам. Арт-проект Handshake включал четыре выставки в Культурном центре провинции Кхань Хоа в г. Нячанге и Музее изобразительных искусств г. Хошимина. В совместных российско-вьетнамских выставках принимали участие художники разных городов Центрального и Южного Вьетнама, художники Дальнего Востока и Сибири (участниками из Уссурийска стали В. А. Серов, А. В. и Е. А. Ткаченко, О. К. и И. Т. Никитчик, А. М. Гринченко, В. С. Листровой, а также были экспонированы произведения К. П. Коваля), представив широкую панораму художественных стилей и завоевав «высокий статус и огромный интерес зрителей и профессионального сообщества» [14, с. 121–126].

Постоянным и активным участием уссурийских художников отмечены и такие важные творческие арт-мероприятия, как международные художественные фестивали Азии, фестиваль акварели в Республике Корея (Пусан), международные арт-шоу (Соннам), художественный фестиваль в Чхончжу и другие.

Следует отметить, что наибольшей творческой активностью отличаются контакты уссурийских художников с их китайскими коллегами из разных городов КНР. Примечательно, что в прошлом году исполнилось 30 лет с момента подписания договора о статусе городов-побратимов Муданьцзяна и Уссурийска, с этого времени начинается отсчёт плодотворных межкультурных проектов с участием уссурийской группы художников. Начиная с 1999 года, когда была проведена первая совместная выставка в залах уссурийского Дома художника, и

Уссурийские художники на открытии Международной художественной выставки «Мост дружбы». Муданьцзян, КНР, 2023 год

Мастер-класс художников Уссурийска и Муданьцзяна в рамках Международной художественной выставки «Мост дружбы». Муданьцзян, КНР, 2023 год

до настоящего времени устраиваются ежегодные обменные выставки. В 2023 году члены Уссурийской организации ВТОО СХР Владимир Серов, Ольга Никитчик, Алла Гринченко и Евгений Ткаченко приняли участие в открытии Международной выставки «Мост дружбы» в Муданьцзяне, ставшей уже традиционной (но прерванной на несколько лет пандемией). На культурном мероприятии присутствовали и представители власти двух городов-побратимов, в частности председатель Думы Уссурийского городского округа А. Черныш, начальник управления культуры Уссурийска О. Тесленко и другие. Китайскому зрителю уссурийские художники представили около 40 живописных полотен, отразивших самые разнообразные жанры: сюжетные картины, пейзажи, натюрморты. Обменную художественную выставку «Мост дружбы» уссурийские и китайские художники проводят уже более 20 лет и встречаются как старые друзья [24].

Большую роль в межкультурном общении, решении организационных вопросов и установлении тёплого дружеского контакта с уссурийскими художниками играет галерист Хань Цзюнь. Помимо городов-побратимов Муданьцзяна и Уссурийска, выставки уссурийских и китайских художников состоялись на российской территории в городах Владивостоке (галерея «Портмэй», Приморская государственная картинная галерея), Находке, Дальнереченске и других. В пос. Славянке (Приморский край) в 2012 году состоялся крупномасштабный проект «Тихоокеанская Россия: берега творчества». В селе Андреевке (Приморский край), в галерее «Арт-берег», регулярно в течение летнего сезона проводятся международные выставки и пленэры с участием художников из КНР.

На территории КНР совместные художественные проекты охватывают такие города, как Пекин, Харбин, Суйфэньхэ, Шэньчжэнь и другие, где состоялись выставки как в государственных выставочных залах и культурных центрах, так и в частных галереях и музеях.

Активную художественную деятельность уссурийских мастеров не смогла прервать даже неблагоприятная эпидемическая ситуация и связанное с этим событием закрытие границ. Так, в феврале 2022 года О. Никитчик, А. Гринченко, В. Балычева участвовали в Международной выставке женщин-творцов «Цветы жизни» в г. Аликанте (Испания) в онлайн-формате. В этот период уссурийские художники активно выставлялись в отечественном пространстве, осваивая новые города и выставочные площадки России. А в условиях вынужденной самоизоляции 2020 года, не переставая творчески работать, они организовали и участвовали в онлайн-арт-флешмобе, оставаясь дистанционно доступными для зрителей.

Примечательно, что, когда границы с КНР открылись, традиция международного творческого обмена возобновилась. И уже в начале марта 2023 года группа уссурийских художников получила официальное приглашение от администрации г. Дуннина (КНР) на культурное мероприятие, посвящённое Международному женскому дню 8 Марта, где состоялась конференция с обсуждением дальнейших творческих планов, которые, надо заметить, активно реализовались в течение года.

Одним из заметных международных проектов в ноябре 2023 года в рамках Дней культуры в Китае, в провинции Хэйлунцзян, в г. Харбине, стала выставка приморских художников. В числе экспонируемых работ от уссурийцев были представлены произведения заслуженных художников России Ольги и Ивана Никитчиков, Марины и Евгения Пихтовниковых и других мастеров. Площадкой для культурного проекта стала галерея китайского коллекционера и мецената Хань Цзяньминя, усилиями которого состоялась творческая встреча российских и китайских художников в самом центре Пекина — в частном Музее русского искусства. На этой площадке, отмеченной присутствием ряда высоких официальных лиц, произошёл обмен художественным опытом и компетенциями, состоялся мастер-класс живописи совместно с юными китайскими творцами, что дало возможность

Уссурийские живописцы на пленэре. Дуннин, КНР, 2023 год

Открытие международной выставки приморских художников в рамках Дней культуры в провинции Хэйлунцзян. Харбин, КНР, 2023 год

показать то общее, что объединяет разные школы, и то, как на основе традиций сегодня создаётся современное искусство [24].

2023 год, надо заметить, явился довольно плодотворным и результативным для уссурийских деятелей искусства. Они ярко проявили себя на открытии XIII региональной художественной выставки «Дальний Восток – 2023» в г. Улан-Удэ, проводимой один раз в пять лет в одном из субъектов Дальнего Востока и имеющей огромную значимость в художественной жизни Дальневосточного региона и страны в целом. 18 художников из Уссурийска стали участниками этой масштабной выставки (из них 12 человек — члены Уссурийской организации Союза художников, шесть — участники творческой группы Союза). Концептуальная новизна выставки состояла в том, что на ней впервые были представлены искусствоведы Дальнего Востока и их работы, которые также были включены и в каталог художественной выставки. От Уссурийска в этой группе была член СХР Юлия Гутарёва, принимавшая участие в научно-практической конференции VI Потаповские чтения с докладом «Творческие парадигмы художников Уссурийска в контексте художественной жизни Дальневосточного региона».

Следует отметить, что уссурийцы стали участниками этой знаковой для художественного мира Дальнего Востока выставке на довольно высоком уровне. На этой площадке чествовали старейшего уссурийского художника А. В. Ткаченко. В свои 92 года он не только представил работу, написанную специально к выставке, но и сам лично приехал на открытие. Было замечено, что Александр Васильевич присутствовал на всех предыдущих 13 региональных выставках. Ему торжественно вручили медаль ВТОО СХР за заслуги в развитии изобразительного искусства в России. А. М. Гринченко была удостоена медали «Духовность. Традиции. Мастерство». Ивану Никитчику вручена благодарность ВТОО СХР за большой вклад в развитие современного изобразительного искусства Российской Федерации. А Евгений Ткаченко признан лауреатом XIII региональной художественной выставки «Дальний Восток» в номинации «Живопись». Монография Ю. Гутарёвой «Ким Коваль. Живопись. Графика» стала призёром конкурса в номинации «Лучшая книга по искусству, фотоиздание» издательства «Русский остров» и награждена дипломом. На региональной выставке ряд уссурийских художников были рекомендованы на предстоящую Всероссийскую выставку «Россия», которая пройдёт в Москве в феврале 2024 года [24].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что Уссурийск сегодня — важный культурный центр Приморья, имеющий собственные художественные традиции. Город занимает заметное место в развитии культуры и искусства края и региона и активно участвует в культурной жизни стран-соседей (прежде всего КНР), являясь привлекательным для международного творческого сотрудничества. Начало формирования художественных традиций города относится к началу XX века и связано с педагогической деятельностью выпускников Академии художеств Санкт-Петербурга и основанием в 1940 году художественной студии, сыгравшей важную роль в жизни города и её выпускников, став первой ступенью их дальнейшего профессионального роста.

Образовавшийся впоследствии яркий союз уссурийских художников во главе с К. П. Ковалем, пройдя линию от студийного обучения до образования одной из ярких региональных школ живописи в отечественном искусстве второй половины XX века, способствовал утверждению высокого статуса города в художественной жизни края и региона, который, надо отметить, Уссурийск не только не потерял с приходом нового времени, но во многом укрепил, выходя на международную художественную арену.

Активная выставочная деятельность уссурийских художников за пределами Уссурийска включает регулярные персональные и групповые выставки членов городской организации ВТОО СХР на важных выставочных площадках края и региона. Уссурийцы достойно представляют своё творчество на важных выставках регионального уровня и принимают участие во всероссийских выставках, а также становятся постоянными участниками международных выставок за рубежом.

Современные художники города, перерабатывая опыт предыдущих поколений, плодотворно работают в русле исканий уссурийской школы и, не давая угаснуть её художественным традициям, обогащают и расширяют возможности отечественного дальневосточного искусства, вводя его в пространство зарубежного Дальнего Востока.

Список использованных источников

1. *Ажимова, Е. Первый профессиональный художник Приморья Василий Шешунов / Е. Ажимова // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. — 2009. — № 2. — С. 28–29.*
2. *Александрова, Е. С. К проблеме изучения изобразительного искусства Приморья 1917–1938 гг. / Е. С. Александрова // Общество. Среда. Развитие. — 2019. — № 1. — С. 72–77.*
3. *Бриман, М. Только в этом крае / М. Бриман // Совет. культура. — 1979. — 3 июля. — 8 с.*
4. *Варламова, Л. И. Николай Волков: художник-ветеран Великой Отечественной войны в собрании Приморской государственной картинной галереи / Л. И. Варламова // Изобразит. искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. — 2020. — № 2. — С. 41–49.*
5. *Варламова, Л. И. Степан Арефин — художник реалист / Л. И. Варламова // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. — 2013. — № 2. — С. 23–26.*
6. *Волкова, Е. С. Практики адаптации художников в Приморье в условиях рыночных реформ в конце XX – начале XXI в. / Е. С. Волкова // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект : сб. науч. ст. — Владивосток, 2020. — С. 218–234.*
7. *Грачёв, В. А. Художник-пейзажист Василий Григорьевич Шешунов (некролог) / В. А. Грачёв // Изв. Юж.-Уссур. отд. Русского геогр. о-ва. — Никольск-Уссурийский, 1922. — № 3. — С. 39–41.*
8. *Гутарёва, Ю. И. Ким Коваль. Живопись, графика : монография / Ю. И. Гутарёва. — Владивосток : Русский Остров, 2023. — 224 с.*
9. *Зотова, О. И. Александр Ткаченко : каталог / О. И. Зотова. — Владивосток : ЗАО «ЛИТ», 2014. — 200 с. : ил.*
10. *Зотова, О. И. Владимир Серов : каталог / О. И. Зотова. — Владивосток : ЗАО «ЛИТ», 2015. — 200 с. : ил.*
11. *Зотова, О. И. Современное изобразительное искусство Дальнего Востока / О. И. Зотова // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. — 2020. — № 4. — С. 164–171.*
12. *Зотова, О. И. Уссурийская городская организация ВТОО «Союз художников России»: к вопросу об истории развития / О. И. Зотова // Искусство Евразии. — 2016. — № 2 (3). — С. 69–74.*
13. *Зотова, О. И. Художники Приморья : каталог / О. И. Зотова. — Владивосток, 2020. — 263 с. : ил.*
14. *Зотова, О. И. Цветок лотоса. К вопросу о современных тенденциях в изобразительном искусстве Вьетнама / О. И. Зотова. — Текст : электронный // Искусство Евразии. — 2016. — № 1 (2). — С. 120–130. — URL: https://eurasia-art.ru/art/article/view/679 (дата обращения: 09.03.2023).*
15. *Зотова, О. И. «Цветы весны» : каталог выставки / О. И. Зотова. — Владивосток, 2020. — 37 с. : ил.*
16. *Кандыба, В. И. Художники Приморья / В. И. Кандыба. — Ленинград : Художник РСФСР, 1990. — 125 с.*
17. *Кац, Л. М. Содержание понятия «своеобразие дальневосточной природы» в приморской искусствоведческой критике / Л. М. Кац // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. — 2011. — № 1 (13). — С. 33–35.*
18. *Ким Петрович Коваль. Живопись : каталог / [авт. вступ. ст. и сост. М. Хабарова]. — Москва : Совет. художник, 1987. — 27 с. с ил.*
19. *Коваль Ким Петрович : репродукции / [вступ. ст.] Л. Тимашевой. — Ленинград : Художник РСФСР, 1979. — 7 с. : 16 цв. ил на отд. л.*
20. *Козорезенко, П. П. Мир вашему дому (о творчестве художника Петра Стронского) / П. П. Козорезенко // Декоратив. искусство и предметно-пространств. среда. Вестник МГХПА. — 2020. — № 1 (1). — С. 226–234.*
21. *Кузнецов, А. М. Феномен Уссурийска: место — село — город, люди, время / А. М. Кузнецов // Изв. Вост. ин-та. — 2016. — № 4 (32). — С. 63–72.*
22. *Лобычев, А. Взгляд живописца: Ким Коваль // Лобычев А. Автопортрет с гнездом на голове: искусство Приморья на рубеже веков. — Владивосток, 2013. — С. 131–141.*
23. *Лобычев, А. Уссурийск и далее везде // Лобычев А. Автопортрет с гнездом на голове: искусство Приморья на рубеже веков. — Владивосток. 2013. — С. 390–407.*
24. *Уссурийская городская организация Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» : [сайт]. — Уссурийск, 2020–2024. — URL: https://ussuri-art.ru/history.html (дата обращения: 12.01.2024).*
25. *Учоньы кагю. Уссурийск Пусан [Мост дружбы. Уссурийск — Пусан]. — Пусан : Силим мисульгван, 2020. — 27 с. — [на кор. яз.].*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 06.02.2024.

Сведения об авторе: Гутарёва Юлия Ивановна, искусствовед, член Ассоциации искусствоведов России, член Союза художников России, кандидат искусствоведения, главный специалист Регионального отделения УСДВ РАХ в г. Красноярске.
Контактные данные: e-mail: gutayule@mail.ru; тел. 8-921-962-57-58.

МАРКОВА ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА

ВРАЧ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ
(русские писатели о служении медицине)

Используя принципы системного и типологического подходов, автор выделяет в отечественной литературе сложившееся направление произведений о проблемах медицины и профессии врача. Медицина, представляющая собой сложнейшую сферу человеческого существования: сращенный комплекс естественно-научного знания, инновационных технологий, глубочайших мировоззренческих постулатов, формирует личность человека (врача) как никакая другая. Успех этому направлению обеспечили стоящие у его истоков великие художники, совмещавшие писательство с врачебной деятельностью: А. П. Чехов, В. В. Вересаев, М. А. Булгаков. И лишь им дано было проникнуть в сложнейшую, напряжённую «внутреннюю» жизнь врача.

Ключевые слова: медицина, профессия врача, предел возможностей, деформация личности, человек как предмет познания искусства, реализм, «тип в типических обстоятельствах».

Keywords: medicine, medical profession, limit of possibilities, personality deformation, man as a subject of art, realism, “type in typical circumstances”.

Всем, избравшим эту сложнейшую профессию, с глубоким уважением посвящает автор.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде…
А. А. Ахматова

Используя принципы системного и типологического подходов, в отечественной литературе можно выделить сложившееся направление произведений о проблемах медицины и профессии врача. Медицина — сложнейшая сфера человеческого существования: сращенный комплекс естественно-научного знания, инновационных технологий, глубочайших мировоззренческих постулатов, — формирует личность человека (врача) как никакая другая. Успех этому направлению в литературе обеспечили стоящие у его истоков великие художники, совмещавшие писательство с врачебной деятельностью: А. П. Чехов, В. В. Вересаев, М. А. Булгаков. И лишь им дано было проникнуть в сложнейшую, напряжённую «внутреннюю» жизнь врача.

Если существует в современной литературе производственный роман, то почему бы и не возникнуть соответствующим жанрам в литературоведении. Сразу заметим, что производственный роман как направление в литературе XX века «не задался», и в рамках существующей «производственной» критики невозможно истолкование произведений о врачах. Но автору не хотелось бы скатываться к расплодившимся ныне всякого рода «эссе», как ни к чему не обязывающим «размышлениям».

Врач — одна из профессий, в которой общество наиболее нуждается, но и требования, предъявляемые к ней, постоянно возрастают с развитием медицины как специфической сферы жизни. С одной стороны, в соответствии с запросами общества, — это массовая профессия, а с другой — нам бы очень хотелось, чтобы она была представлена интеллектуальной элитой нашего времени. Эта коллизия наблюдалась всегда. Как разрешалось это драматическое противоречие жизни, в какой-то мере может объяснить наша отечественная литература.

В менталитете русской культуры, в нашем душевном и мыслительном складе за последние полтора века сложился образ врача как самоотверженного труженика, бескорыстного и милосердного чеховского интеллигента. И это соответствует наработанной многими поколениями русских врачей их подвижнической деятельности на полях сражений, в забытых богом земских больничках, инфекционных бараках, в напряжённом и драматичном научном поиске в лабораториях. Отечественная литература так же достойно поддерживает и развивает этот образ. Поэтому нашему юношеству, «обдумывающему делать жизнь с кого», — абитуриентам, студентам-медикам и молодым специалистам, наверное, есть смысл познакомиться с лучшими книгами из огромной антологии произведений о врачах и проблемах медицины. Эти книги, авторами которых зачастую являются врачи (и особенности больничного мира видели во всей многосложности изнутри), безусловно, помогут начинающим специалистам или окончательно утвердиться в правильности своего выбора, или навсегда покинуть избранное поприще. И чем раньше это случится — тем лучше.

К прекрасной русской прозе, вызвавшей интерес не только у профессионалов-медиков, можно отнести произведения А. П. Чехова «Остров Сахалин», «Попрыгунья», «Палата № 6», «Ионыч», «Цветы запоздалые», «Хирургия» и другие, В. В. Вересаева «Записки врача», А. И. Куприна «Чудесный доктор», А. Богданова «Красная звезда», М. А. Булгакова «Записки юного врача», «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Мастер и Маргарита» и другие, А. Р. Беляева «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия» и другие, А. Несмелова «Сторублёвка», В. Ф. Пановой «Спутники», Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке», В. П. Аксёнова «Коллеги», А. И. Солженицына «Раковый корпус», В. П. Астафьева «Пастух и пастушка», В. А. Пьецуха «Избранные рассказы», М. Чулаки «Прощай, Зелёная Пряжка!» и другие[1].

Западный взгляд на проблему (значительно отличающийся от нашего видения вещей) представлен в книге известного американского писателя, автора многих производственных романов, А. Хейли «Окончательный диагноз».

Полный, исчерпывающий список произведений по данной теме можно найти в соответствующих библиографических указателях. Наша задача — рассказать лишь о тех книгах, без которых невозможно становление и развитие личности современного врача как в профессии, так и в общекультурном, интеллектуальном, этическом и духовном поле.

Авторы названных книг видят разные аспекты проблем отечественной медицины, деятельности врача, социально-экономических условий бедственного существования соотечественников. Общим для всех окажется глубоко гуманистический и гражданский пафос повествования.

Начинать разговор, безусловно, следует с произведений А. П. Чехова, но не с «Ионыча», которого проходили наши ученики в школе, а с книги «Остров Сахалин» (1893 г.), которая занимает особое место в судьбе художника. Антон Павлович, как известно, писал легко и быстро: самые известные повести и пьесы создавались за три-четыре месяца, рассказы — за несколько суток. И только «Острову…» было отдано шесть лет жизни: два года писатель изучал историю

1 Книги перечислены в хронологическом порядке их публикаций.

ссылок, тюрем, каторги как в Европе, так и в России, год заняла поездка на Сахалин (возможно, лет на пять сократившая его жизнь), три года он работал над отчётами для соответствующих ведомств и собственно книгой путевых очерков (как сам автор определил её жанр). Антону Павловичу было очень горько сознавать, что современники «не услышали» его, книга прошла почти не замеченной. Между тем это одна из самых страшных, горьких, вопиющих и правдивых книг о существовании человека в России. По силе эмоционального воздействия сравнить с ней можно только «Записки из мёртвого дома» Ф. М. Достоевского. Как гражданин и гуманист А. П. Чехов не мог молчать о существовании в России целого острова-каторги.

В этом аналитическом очерке автор скрупулёзно как учёный (историк, этнограф, социолог, экономист) рассматривает все стороны жизни и условия существования обречённых: от климатических, социально-экономических до религиозно-нравственных. Для получения объективных результатов исследования им была проведена полная перепись островного населения (кроме политических заключённых)! Карточка-анкета включала 14 вопросов, касающихся разных сторон жизни, в том числе и состояния здоровья. В дальнейшем материал был распределён по тематическим главам: «Занятия ссыльных. Сельское хозяйство…», «Пища ссыльных…», «Беглые на Сахалине…» и другим. Будущим врачам особенно интересными в профессиональном плане должны стать главы XVI «…Женский вопрос…», XVII «… Рождаемость. Сахалинские дети», XXIII «Болезненность и смертность ссыльного населения. — Медицинская организация. — Лазарет в Александровске». Текст настолько плотный, что выбрать отдельные яркие фрагменты невозможно. Итак, предоставим слово Антону Павловичу: «Делаю выписки из того же отчёта, касающиеся больничного инвентаря. Во всех трёх лазаретах было: гинекологический набор 1, лярингоскопический набор 1, максимальных термометров 2, оба разбиты; термометров «для измерения тела» 9, — 2 разбиты; термометров для измерения высокой температуры 1, троакар 1, шприцов Праваца 3, — в одном сломана игла; оловянных спринцовок 29, ножниц 9, — 2 изломаны; клистерных трубок 34, дренажная трубка 1, большая ступка с пестиком 1, — с трещиной; бритвенный ремень 1, банок кровососных 14» [6, с. 371]. При таком обустройстве больниц типичны сценки: «На одной кровати лежит каторжный из Дуэ, с перерезанным горлом; рана в полвершка длины, сухая, зияющая; слышно, как сипит воздух. Больной жалуется, что на работе его придавило обвалом и ушибло ему бок; он просился в околоток, но фельдшер не принял его, и он, не перенеся этой обиды, покусился на самоубийство — хотел зарезаться. Повязки на шее нет; рана предоставлена себе самой. Направо от этого больного, на расстоянии 3-4 аршин от него, — китаец с гангреной, налево — каторжный с рожей… В углу другой с рожей… У хирургических больных повязки грязные, морской канат какой-то, подозрительный на вид, точно по нем ходили. Фельдшера и прислуга недисциплинированны…» [6, с. 372].

Для объективности и полноты картины Чехов обращается не только к медицинским отчётам за десять лет, но и к церковным метрическим книгам, где регистрируются факты рождения, смерти и предположительные причины ухода человека. Автор не просто даёт статистику заболеваний, но и свои комментарии, подтверждаемые непосредственными наблюдениями и живыми беседами. Картина оказывается резко отличающейся от среднестатистической по России. Наиболее распространёнными оказываются заболевания, обусловленные принадлежностью их носителей к каторге: желудочно-кишечные (от вечного недоедания и ужасающего меню (брюква, картофель, солонина)), пневмонии (от многочасовой работы в сыром и морозном воздухе на лесоповале или в угольных шахтах), психические заболевания (даже ранний маразм), женские болезни (порой из завезённых на барже каторжанок не было ни одной здоровой), сифилис (проституция и «свободное сожительство» — обычное явление) и т. д.

Значение книги в том, что это ни в коем случае не пособие по истории дальневосточной медицины. Чехов-гуманист увидел, что сахалинская каторга не только не служит своему предназначению — исправлению, воспитанию человека, но и является скорбным местом, где противоестественными оказываются все формы человеческой жизни. Это не нормально, когда «население» представлено в основном только «мужиками рабочего возраста» (от 20 до 40 лет), когда ребятишки играют кандалами, цепями в бродяжек, каторжан, охрану, когда женщина ценится наравне с домашним скотом и употребляется только для «естественных надобностей». А жильё никак нельзя назвать «домом»: «…Среди комнаты лежит перина. И видно, что на ней только что спали; на окне чашка с объедками. По обстановке это не изба, не комната, а скорее камера для одиночного заключения. Где есть женщины и дети, там, как бы ни было, похоже на хозяйство, но всё же и там чувствуется отсутствие чего-то важного; нет деда и бабки, нет старых образов и дедовской мебели, стало быть, хозяйству недостаёт прошлого, традиций. Нет красного угла, или он очень беден и тускл, без лампады и без украшений, — нет обычаев; обстановка носит случайный характер, и похоже, как будто семья живёт не у себя дома, а на квартире.., нет кошки, по зимним вечерам не слышно сверчка… а главное, нет родины» [6, с. 73].

Как истинный художник Чехов увидел в своих персонажах не только опустившихся прозябающих людей, но и личностей с проблесками неистребимой воли к жизни, к

свободе (есть отдельная глава об этом); за пренебрежительным отношением к постылой сахалинской земле автор разглядел щемящее, горячее чувство любви к своей малой родине: Тамбовщине, Рязанщине, Смоленщине… А сколько добрых, по-христиански незлобивых людей, которые смогли «простить» своих врагов-обидчиков, встретил здесь писатель (вследствие ошибок правосудия на каторге оказывалось до 40 процентов осуждённых). Как врач и гуманист Чехов всем сердцем призывает «милость к падшим»!

Рассказ «Попрыгунья» (1892 г.) является основополагающим как в развитии врачебной темы у Чехова, так и во всей антологии, потому что именно в нём создан образ русского врача, каким он вошёл в национальное самосознание и остаётся таковым до сих пор. «Осип Степанович Дымов был врачом… Служил он в двух больницах: в одной сверхштатным ординатором, а в другой прозектором. Ежедневно с 9 часов утра до полудня он принимал больных и занимался у себя в палате. А после полудня ехал на конке в другую больницу, где вскрывал умерших больных. Частная практика его была ничтожна, рублей на пятьсот в год. Вот и все. Что еще можно про него сказать?» [4, с. 7].

Ольга Ивановна, жена Дымова, несколько смущаясь перед своими «знаменитыми» друзьями, толком не могла объяснить, «почему она вышла за простого, очень обыкновенного и ничем не замечательного человека» [4, с. 7]. Тем не менее она сумела оценить Дымова в те дни, когда он выхаживал «бедняжку-отца; по целым дням и ночам дежурил около его постели… Сколько самоотверженности, искреннего участия!» [4, с. 7].

Нам Дымов симпатичен своей доброй и наивной улыбкой и тем, что в его облике есть «что-то сильное, могучее, медвежье». Он труженик: при своей большой занятости садится за научную работу («ложился он часа в три, а вставал в восемь…»); защитил диссертацию, надеялся, что ему «предложат приват-доцентуру по общей патологии…». Иногда по вечерам обсуждал с коллегами больничные дела, пел любимые народом песни (на стихи Н. А. Некрасова, например «Укажи мне такую обитель, где бы русский мужик не стонал…»). Взгляды — самые прогрессивные в то время — либерально-народнические, демократические.

Но истинный масштаб личности Дымова открывается после его трагического ухода (спасал мальчика от дифтерии — и заразился!). Потрясённый его смертью в пронзительной прощальной речи Коростелёв (друг Дымова) скажет: «Умирает, потому что пожертвовал собой… Какая потеря для науки!.. Это, если всех нас сравнить с ним, был великий, необыкновенный человек! Какие дарования! Какие надежды он подавал нам всем! <…> Господи боже мой, это был бы такой учёный, какого теперь с огнём не найдёшь… А какая нравственная сила!.. Добрая, чистая любящая душа — не человек, а стекло! Служил науке и умер от науки. А работал, как вол, день и ночь, никто его не щадил, и молодой учёный, будущий профессор, должен был искать себе практику и по ночам заниматься переводами…» [4, с. 30].

Глубина личности Дымова раскрывается в контексте рассказа: в противопоставлении с его недалёкой поверхностной женой — «попрыгуньей» — и со всем её окружением — шумной провинциальной братии, мнящей себя художественными гениями и знаменитостями.

Мы позволили себе чуть подробнее остановиться на этом произведении, потому что и сам Антон Павлович в памяти многих поколений остался именно таким человеком, — удивительно похожим на доктора Дымова; впрочем, как и образ русского интеллигента, сложившегося в те годы.

Повесть «Палата № 6» (1894 г.) вобрала в себя многие впечатления и размышления Чехова конца 1880-х – начала 1890-х годов. В философском аспекте — учение стоицизма Марка Аврелия о ничтожности всего внешнего и противопоставлении ему «внутреннего успокоения в самом себе» (чем доктор Рагин оправдывает бесполезность всякой деятельности для улучшения условий «ближнего» существования). В профессиональном плане писателя интересовало состояние русской психиатрической службы (читал отчёты врача А. П. Архангельского). Как специалист Чехов представил достоверную картину состояния земской больницы и флигеля для душевнобольных при ней: «Когда Андрей Ефимыч приехал в город (70-е годы XIX века. — *О. М.*), чтобы принять должность, “богоугодное заведение” находилось в ужасном состоянии. В палатах, коридорах и в больничном дворе тяжело было дышать от смрада. Больничные мужики, сиделки и их дети спали в палатах вместе с больными. Жаловались, что житья нет от тараканов, клопов и мышей. В хирургическом отделении не переводилась рожа. На всю больницу было только два скальпеля и ни одного термометра. В ваннах держали картофель. Смотритель, кастелянша и фельдшер грабили больных…» [4, с. 83]. Флигель (палата № 6) вызывал не меньшее омерзение: «Крыша на нём ржавая, труба наполовину обвалилась, ступеньки у крыльца сгнили и поросли травой, а от штукатурки остались одни только следы… Задним фасадом он глядит в поле, от которого отделяет его серый больничный забор с гвоздями. Эти гвозди, обращённые остриями кверху, и забор, и самый флигель имеют тот особый унылый, окаянный вид, какой у нас бывает только у больничных и тюремных построек… Отворив первую дверь, мы входим в сени. Здесь у стен и около печки навалены целые горы больничного хлама. Матрацы, старые изодранные халаты, панталоны, рубахи с синими полосками, никуда негодная истасканная обувь, — вся эта рвань свалена в кучи, перемятая, спуталась, гниёт и издаёт удушливый запах…» [4, с. 72].

Но страшнее всего в этом доме скорби сторож Никита: «У него суровое испитое лицо, нависшие брови, придающие лицу выражение степной овчарки, и красный нос… и кулаки здоровенные… и потому убеждён, что их (больных. — *О. М.*) надо бить. Он бьёт по лицу, по груди, по спине, по чём попало, и уверен, что без этого не было бы здесь порядка» [4, с. 72].

Рагину отлично известно (он всё-таки просматривал иногда «Врача», которого всегда начинал читать с конца), «что за последние 25 лет с медициной произошла сказочная перемена… Какой неожиданный блеск, какая революция! Благодаря антисептике, делают операции, какие великий Пирогов считал невозможными даже in spe. Обыкновенные земские врачи решаются производить резекцию коленного сустава… Психиатрия с её теперешнею классификацией болезней, методами распознания и лечения — это в сравнении с тем, что было, целый Эльбрус. Теперь помешанным не льют на голову холодную воду и не надевают на них горячечных рубах; их содержат по-человечески и даже… устраивают для них спектакли и балы» [4, с. 92].

И только ничего не изменилось за эти годы в больнице доктора Рагина из-за вопиющего равнодушия к страданиям больных, из-за его патологической лени. Он руководствуется суждениями: «всё суета сует», «да и к чему мешать людям умирать, если смерть есть норма и законный конец каждого?», «Пушкин перед смертью испытывал страшные мучения, бедняжка Гейне несколько лет лежал в параличе; почему же не поболеть какому-нибудь Андрею Ефимычу или Матрёне Савишне…», «Страдания ведут человека к совершенству…». Подавляемый такими рассуждениями, Андрей Ефимыч опустил руки и стал ходить в больницу не каждый день» [4, с. 85].

В отличие от «Острова Сахалина» (очерка, созданного на документальной, фактографической основе), «Палата № 6» — художественное произведение, где всё концентрируется в образе, характере человека. Мы не сомневаемся, что все медицинские аспекты в повести (причины, симптомы, течение болезни (мании преследования) пациента Ивана Громова) описаны Чеховым-врачом верно. Но побеждает здесь всё-таки Чехов-художник. Ему важно было, чтобы повесть прозвучала обвинительным приговором российской действительности 1890-х годов! И она прозвучала очень громко (в отличие от «Острова…»). Современники увидели уничижение человека, его незащищённость, предельную степень его несвободы. И очень важно, что приговор произносит антипод доктора Рагина — его пациент Иван Громов — самый умный, честный человек города, страстно любящий жизнь. Его болезнь и трагедия вызваны тем, что он в детстве был порот отцом-деспотом, позднее надорван непосильным трудом, сломлен нищетой, голодом, непониманием коллег и горожан. Несмотря на его «странные» страстные монологи-бормотания о свободе, равенстве людей, о разуме и науке, мещане его любили и ласково называли Ванечкой. Именно по логике художественного повествования Рагин (мучитель Ванечки) должен был завершить свой жизненный путь в палате № 6, не выдержав и суток истязаний сторожа Никиты и остальных «условий» содержания больных, практикуемых здесь (по милости самого доктора!) на протяжении последних 20 лет.

В повести «Ионыч» Чехов исследует иной тип личности. В отличие от Рагина здесь другой рисунок деградации человека. Дмитрий Ионыч Старцев деятелен и очень деятелен, возможно, он даже неплохой врач (к сожалению, непосредственно в работе он не показан), если за четыре года к своей земской деятельности присовокупил огромную практику в городе. Но, к сожалению, Ионыч трудится очень много не из милосердия или человеколюбия, а банально из «жадности». «Было у него… одно развлечение, в которое он втянулся незаметно, мало-помалу, это — по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой, и, случалось, бумажек жёлтых и зелёных, от которых пахло духами, и уксусом, и ладаном, и ворванью, — было понапихано во все карманы рублей на семьдесят; и когда собиралось несколько сот, он отвозил в Общество взаимного кредита и клал на текущий счёт» [5, с. 36]. Логика построения образа точна: «внешне» образ только «прирастает»: «телом», практикой, капиталом, домами — и всё более опустошается «внутренне», духовно: тяготится своей юношеской влюблённостью в Котика, театрами, концертами, прогулками по лесу…

И Рагин, и Старцев у Чехова-реалиста — лишь самые яркие выразители скучного, пошлого, бессмысленного существования провинциального российского общества. По Чехову, в любом другом сообществе давно бы «в пух и прах разнесли эту Бастилию» (речь о палате № 6). И Старцев так долго процветает в своём городе, потому что живут в нём опустившиеся, равнодушные обыватели (каковы они, можно судить по «лучшему» семейству Туркиных).

Итак, А. П. Чехов первым в отечественной литературе разносторонне осветил проблемы медицины и личность врача в служении людям. В «Острове Сахалине» главным является гневный отрицающий пафос существования такой квазимедицины. В «Попрыгунье» дан почти идеальный тип русского обаятельного самоотверженного врача-интеллигента, человека ищущего и милосердного, не стяжателя — замечательного доктора Дымова. В сатирических социально-аналитических повестях даны отрицательные типажи врачей (Рагин из «Палаты № 6» и Старцев из «Ионыча»), какими они не могут и не должны быть, какими они не воспринимаются русским самосознанием.

В 1901 году выходит книга Викентия Викентьевича Вересаева (Смидовича) «Записки врача». В. В. Вересаев

принадлежит к славному поколению писателей-реалистов рубежа XIX–XX веков: А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева. Антон Павлович старше их всех лет на десять (1860 года рождения), но как сложившийся мастер был уже большим художественным авторитетом. И, возможно, в подражание кумиру, Вересаев после окончания в столице историко-филологического факультета поступает на медицинский факультет Дерптского университета. Возможно также, что выбор профессионального поприща был сделан под влиянием отца — земского врача. Но совершенно точно известно, что «писательство» Вересаев избрал раньше, искренне полагая при этом, что профессия врача поможет, во-первых, лучше узнать «физиологическую» природу человека и, во-вторых, даст возможность изучить человека как социально-психологический тип, ведь доктор вхож в дом любого социального круга, его, как и духовника на исповеди, не стесняются, — многое рассказывают о себе.

Сильной стороной таланта В. В. Вересаева была публицистичность как способность раньше других ставить социально значимые вопросы, остро волнующие современников. Главной проблемой, разрабатываемой им, были настроения радикально мыслящей, как тогда говорили (читай: «революционной»), интеллигенции. Так, он первым в 1894 году выразил воодушевление молодёжи по поводу появления в России марксизма как идеологического течения, а уже в 1902-м первым заявляет о его несостоятельности, достоверно показав первых ренегатов (отступников от революции). Позднее общество «раздражённо» принимало его социально-критические книги очерков и рассказов о Русско-японской войне, в которых вскрывались причины поражения России. Заметим, что на эту войну он был призван в качестве врача. Книга 1922 года «В тупике» о красном терроре не издавалась несколько десятилетий. Все его повести вызывали острые дискуссии. Такому же скандальному осуждению подверглась и его книга «Записки врача», в которой и сегодня врачи многое считают спорным.

Для лучшего «прочтения» книги В. В. Вересаева мы должны поставить его произведение в один типологический ряд с блестящими отечественными автобиографическими повестями С. Т. Аксакова, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, А. М. Горького и других. Книги эти называют ещё романами воспитания. Главным достижением названных авторов является исследование сложного драматического процесса развития и становления личности вообще и творческой художественной натуры в частности. Вместе с тем «Записки врача» написаны в жанре дневниковой, исповедальной прозы в лучших традициях русского художественного психологизма. В нашей великой литературе немногие мастера в полной мере овладели этим приёмом (пожалуй, лишь Лермонтов, Достоевский, Толстой). Но читатель будет разочарован тем, что обе эти линии у Вересаева не получили развития до конца: не будет здесь ни «тайников души», ни особенных сердечных любовных перипетий. О частной, приватной жизни Вересаева-врача мы почти ничего не узнаем (приведены лишь два фрагмента о переживаниях по поводу тяжёлых родов его жены и озабоченности тем, что необходимо срочно покупать одежду дочерям и оплачивать их обучение).

Вересаев целиком сосредоточен на одном аспекте развития личности, а именно на профессиональном, а из всего многообразия мира выбирает только поле медицинской науки и практики. В связи с чем «Записки врача» можно отнести к истокам так называемого производственного романа, каким он сложится только к середине XX века на волне «познавательного максимализма» (в Америке это Артур Хейли, например).

От «сухих», деловых производственных книг повесть Вересаева отличает искренность, трагическая глубина переживаний, восторженность и «очарованность» молодого, романтически настроенного врача первых лет служения людям.

По количеству поднимаемых профессиональных проблем (актуальных и сегодня) мы бы назвали это произведение «Энциклопедией молодого врача» и посоветовали бы каждому специалисту держать её у себя на рабочем столе. Кроме того, книга поможет молодому врачу сохранять душевное равновесие, поддержит в тяжёлые минуты депрессии. Ведь Вересаев честно поведал не только о своих скромных победах, но и о многих трагических неудачах. Он больше и глубже других писателей говорит о влиянии медицины, «больничного мира» на мировоззрение и характер врача: «В течение семи-восьми месяцев я ревностно занимался анатомией… — и за это время взгляд мой на человека как-то удивительно упростился… люди стали в моих глазах как-то двоится… в девушке столько оригинального и славного… а между тем нет в ней ничего особенного… на её мозге те же извилины, что и на сотнях виденных мною мозгов, мускулы её также пропитаны жиром…» [1, с. 6]. Писатель говорит о том, что молодой врач, постоянно находясь у пределов возможного (жизни и смерти), часто испытывает «нечеловеческие» психологические нагрузки от напряжения чувств сострадания, сопереживания, боли, гнева, бессильной ярости, отчаяния — и постепенно накал этих эмоций притупляется. Наступает «привыкание», зачастую воспринимаемое посторонними людьми как равнодушие, даже цинизм. В таком изнурительном, изматывающем труде случаются и деформации личности. Поэтому, обращаясь к размышлениям о специфике деятельности врача, Вересаев предъявляет к человеку, её избравшему, очень серьёзные

требования: физическую выносливость, ответственность за результаты свой работы, смелость и даже дерзость, конечно же, совесть. И ещё своего рода талант.

Читаешь Вересаева и глубоко сожалеешь о том, что в России загублена система гуманитарного образования, какой она сложилась в классических гимназиях, предполагающая владение двумя-тремя европейскими языками (заметим, не для «украшения» интеллекта). Современного молодого врача должно изумить то, как быстро и свободно герой повести овладевает новейшей зарубежной и отечественной профессиональной информацией. Уже через два-три месяца узнаёт из медицинских газет («Врач», «Новости терапии», «Больничная газета Боткина») и журналов, научных отчётов, бюллетеней, материалов научно-практических конференций, дайджестов, опубликованных на всех европейских языках, о введении в практику новых лекарств, уникальных операциях зарубежных коллег и талантливых соотечественников, «предупреждающей» статистике смертности, новых именах учёных-экспериментаторов и т. д. Об этом автор сообщает нам в пространных постраничных сносках, как это принято в научных публикациях (всего Вересаевым на 200 страницах основного текста в качестве аргументации приведено более 40 отсылок к трудам русских и зарубежных учёных, профессоров и врачей, практикующих от Англии до Америки). Напомним, события происходят в 1890-е годы (до Интернета — более ста лет!).

Самый большой массив повествования занимают у Вересаева размышления собственно о медицине: на первых порах студенчества очарованность её огромными возможностями и ещё в большей степени её блистательным будущим. «Конечно, многое, очень многое не достигнуто, но всё это лишь вопрос времени, и нам трудно себе даже представить, как далеко пойдёт наука… ещё несколько лет тому назад показалась бы нелепостью самая мысль о том, что человеческое тело возможно в буквальном смысле видеть насквозь… теперь же, благодаря рентгену, эта нелепость стала действительностью. Сорок лет назад у хирургов три четверти оперированных умирало от гнойного заражения… Явился Листер, ввёл антисептику, она сменилась ещё более совершенной асептикой…» «Человек научится развивать и делать непобедимыми целебные силы своего собственного организма, ему не будут страшны ни зараза, ни простуда, не будут нужны ни очки, ни пломбировка зубов, не будут известны ни мигрени, ни неврастения. Будут сильные, счастливые и здоровые люди, и они будут рождаться от сильных и здоровых женщин, которые не будут знать ни акушерских щипцов, ни хлороформа, ни спорыньи» [1, с. 45–46]. Хорошо бы современным студентам провести анализ вересаевских прогнозов и посмотреть, какие проблемы врачевания действительно решены за последние сто лет!

Но таких позитивных строк в книге очень мало, куда больше горестных признаний в собственных ошибках, высказанных сомнений в адрес медицинской науки и практики. Никаких легковесных заявлений здесь нет: перед читателем развёртывается история внедрения новых лекарственных средств: кокаина, наперстянки, пентала и т. д., некоторые эксперименты заканчиваются трагически (смерть от увеличенных доз кокаина и наперстянки). На протяжении всей врачебной деятельности у Вересаева не раз будет резко меняться отношение к медицине и её возможностям (от восхищения до глубочайшего разочарования и скептицизма). «Рядом с тою парадною медициною, которая лечит и воскрешает и для которой я сюда поступал, передо мною всё шире развертывалась другая медицина — немощная, бессильная, ошибающаяся и лживая, берущаяся лечить болезни, которых заведомо не может вылечить… Я встречал описание болезней, которые оканчивались замечанием: «диагноз этой болезни возможен лишь на секционном столе» [1, с. 34].

Замечательно сделаны профессиональные эпизоды и фрагменты (диагностирование, операции, наблюдение за течением болезни, выхаживание тяжёлых больных и т. д.). Всё это должно быть чрезвычайно интересно и полезно будущим специалистам. Мы же не столь компетентны, чтобы комментировать эти разделы.

Из проблем, поднимаемых В. В. Вересаевым и не утративших актуальности и сегодня, мы бы отметили следующие: расширение и углубление практической подготовки врачей в университете, изучение личности больного, условий его жизни, характера и психологии. В специальной главе он поднимает ряд частных проблем, касающихся использования животных в медико-биологических экспериментах (история «весёлого шельмеца», «безвестного мученика науки» — обезьянки Стёпки, выдержавшего опыты по «вивисекции» всего три недели [1, с. 143–160]). Занимает автора и философско-антропологическая проблема естественного отбора в сохранении человеческого вида [1, с. 191–215].

Вересаева-реалиста и демократа отличает обострённое чувство социальной справедливости. Всю книгу пронизывает горячее сострадание к своим больным — нищим пациентам, только они и лечились в университетских клиниках, потому что здесь лечение было бесплатным. Но на какие физические и нравственные муки они себя обрекали? Порой, они даже не догадывались, в какие «научные» эксперименты вовлечены! (Здоровых крестьянских юных мамаш заражали венерическими болезнями, затем пытались вылечить их новыми препаратами и т. д.). А нравственные страдания? Молоденьких стыдливых девушек, заболевших туберкулёзом, заставляют обнажать грудь и бесстыдно, цинично осматривают и ощупывают два-три

десятка студентов и профессора, оправдывая это тем, что «для науки необходимо». «Между тем так ли для больного безразличны все эти исследования и демонстрации?» [1, с. 18]. Или приведены ещё более удручающие эпизоды: «правила клиники предписывают обязательное вскрытие всякого умершего в университетской больнице… Но для матери вскрытие её ребёнка часто составляет не меньшее горе, чем сама его смерть», и она пытается всеми правдами и неправдами спасти его от «терзания и поругания» [1, с. 19]. И все эти бедняки вынуждены терпеть подобные унижения и притеснения только потому, что им нечем заплатить частному доктору и дома зачастую у них трое-четверо голодных ребятишек [1, с. 28]. О какой эффективной медицине для народа может идти речь, если подопечные живут в жутких трущобах по 16 человек в комнате, спят на вонючих подстилках; мальчики-подмастерья сапожников или скорняков работают по 10–12 часов в сутки без выходных, не бывая на солнце и на свежем воздухе по полгода. «Лица у них зеленовато-бледные, как заплесневелая штукатурка… они страдают головокружениями и обмороками… И единственное, что мне остаётся, — это прописывать им железо и мышьяк и утешаться мыслью, что всё-таки я “хоть что-нибудь” делаю для них» [1, с. 185]. И Вересаев-писатель поднимается до политических обобщений: «…В жизни оказывалось, что медицина есть наука о лечении одних лишь богатых и свободных людей» [1, с. 184]. (Да, вспомнишь роковой для России 1917 год и проснувшийся в гневе народ!)

Не забывает Вересаев рассказать и о бедственном положении своих коллег. В России прямо проклятие какое-то: труд врачей всегда недооценивается, и живут они обычно трудно. Вересаев с горечью вспоминает годы, когда ему для того, чтобы набраться практического опыта, приходилось самому оплачивать своеобразные курсы «повышения квалификации», что-то подобное современной ординатуре: «Когда, усталый и разбитый, я возвращался домой после бессонного дежурства и ломал себе голову, чего бы попитательнее купить себе на восемь копеек для обеда, меня охватывали злоба и отчаяние: неужели за весь свой труд я не имею права быть хоть сытым?» [1, с. 69]. «В это крутое для меня время я испытал и понял явление, казавшееся мне прежде совершенно непонятным, — как можно пьянствовать с голоду… Мне казалось высшим блаженством подойти к ярко освещённой стойке… и выпить рюмку-другую водки; странно, что меня, полуголодного и вовсе не алкоголика, главным образом привлекала именно водка, а не закуска… Когда у меня заводился в кармане рубль, я не мог избежать искушения и напивался пьяным… Когда я питался как следует, водка совершенно не тянула меня к себе» [1, с. 68–69]. «Околоточные надзиратели, дворники и швейцары обеспечиваются лучше служащих врачей… Врачи многих городских больниц получают у нас 45–50 рублей в месяц…» [1, с. 276]. Вся XXI глава посвящена этому вопросу.

Книга В. В. Вересаева до сих пор остаётся непревзойдённой по своей энциклопедичности, по широте охвата поднимаемых им проблем: от состояния медицинской науки до частных вопросов практикующих врачей, социальных и этических аспектов жизни общества, врачей и пациентов в частности. Автора занимает и феномен русского больного-страдальца.

Объём статьи, к сожалению, не позволяет столь же подробно рассказать об остальных упомянутых в начале книгах. Позволим себе лишь краткие реплики.

Александр Александрович Богданов (Малиновский, 1873–1928 гг.) — крупный общественный деятель своего времени — революционер в широком смысле этого слова: активный «преобразователь» мира; последовательно увлекался идеями народничества, социал-демократическим движением, большевизмом (с 1903 г.), богоискательством и богостроительством. После 1909 года отходит от политики; человек широчайшей образованности (философский, историко-филологический и медицинский факультеты Харьковского университета), ярко проявляет себя в художественном творчестве. В 1908 году выходит его прекрасный фантастический роман-утопия «Красная звезда», во многом обогнавший время. А. А. Богданов впервые органично совмещает две ветви европейской фантастики: философскую (Г. Уэллс) и научно-техническую (Ж. Верн). В книге очень много технических и технологических прогнозов, не осуществлённых человечеством до сих пор. Занимает писателя и проблема продления жизни человека (в его романе люди научились жить до 400 лет). Автора в это время как учёного интересует проблема донорства. В 1926 году А. А. Богданов открывает в Москве первый Институт переливания крови и в 1928 году погибает, проведя на себе серию опытов. Правда, современники поговаривали, что этот поступок похож на акт политического протестного самоубийства, потому что 1928–1929 годы называют временем крушения всех иллюзий и идеалов революции. Помимо медицинской проблематики, мы полагаем, читателя должна привлечь яркая личность художника.

М. А. Булгаков заслуживает специального, серьёзного рассмотрения, его «Записки юного врача», «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Мастер и Маргарита», в которых столь органично переплетается художественное и «врачебно-профессиональное», что читателям остаётся только получать эстетическое наслаждение. По нашему мнению, «Записки юного врача» наряду с «Днями Турбиных» и «Мастером…» входят в тройку его лучших произведений.

А. Р. Беляев (1884–1942 гг.) — автор широко известных фантастических произведений («Голова профессора Доуэля» и «Человек-амфибия»). При всей занимательности и кажущейся лёгкости сюжетов этих повестей в них поставлены серьёзные философские вопросы, намного опередившие своё время. В том, что человечество в ближайшем будущем сможет делать сложнейшие в технологическом отношении операции, невиданные по своей дерзновенности, — писатель не сомневался. Но в то же время художник был серьёзно обеспокоен нравственной зрелостью общества. И сегодняшняя ситуация показывает, что тревога писателя-гуманиста была не напрасна: чудовищные генетические эксперименты, опыты по клонированию, работа со стволовыми клетками, биополями заставляют относиться к ним настороженно.

А. Несмелов (Арсений Иванович Митропольский, 1896–1945 гг.) — самый яркий представитель восточной эмиграции (Харбин), поэт и прозаик. В его рассказе 1945 года «Сторублёвка» продолжена чеховская традиция в изображении русского врача-интеллигента: бесстрашного, готового в любой ситуации облегчить страдания больного. В произведении много трагикомических эпизодов, это также сближает его с Чеховым.

Книга В. Ф. Пановой «Спутники» (1946 г.) удостоена Государственной премии, в литературоведении считается лучшей повестью о подвиге врачей в годы Великой Отечественной войны. Это честная и качественная проза, по интонации продолжающая традиции А. П. Чехова. Позднее по этому произведению снят прекрасный фильм «На всю оставшуюся жизнь».

Книги Б. Н. Полевого, А. И. Солженицына, В. П. Астафьева интересны специалистам тем, что авторы самое пристальное внимание уделяют здесь личности больного, феномену воли к жизни. Повесть Б. Н. Полевого была экранизирована.

Немногие художники отваживаются писать о психиатрических лечебницах (А. П. Чехов, М. А. Булгаков). И вот М. Чулаки обратился к очень сложному комплексу проблем жизни современного учреждения для душевнобольных в повести «Прощай, Зелёная Пряжка!».

«Окончательный диагноз» А. Хейли — типично западное произведение-бестселлер. Проблемы-то, как и в нашей прозе, не простые: современное состояние медицинской науки, социальные аспекты жизни врачей и пациентов. Но здесь всё умеренно дозировано, чтобы не выводить западного читателя из зоны душевного комфорта: автор пишет о провинциальном госпитале, немного о проблемах его технического обновления, немного о его спонсорах, немного о любви. Случаются даже врачебные «промахи». Но всё это не русская боль сердца! Иной мир. Иная ментальность.

В заключение хотелось бы выделить несколько фактов нашей дальневосточной «литературно-медицинской истории». Первой книгой названной антологии был «Остров Сахалин» А. П. Чехова. Обращение к «Запискам врача» В. В. Вересаева (1901 г.) напомнит нам о его пребывании на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны в качестве полевого хирурга. Упоминание об А. Несмелове вызовет горькие раздумья о судьбах русской эмиграции в Харбине. В «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого прототипом главного героя-летчика стал наш земляк — комсомольчанин Алексей Маресьев.

Нам представляется, что, во-первых, тема чрезвычайно актуализировалась в связи с кадровой проблемой в отрасли. Во-вторых, надеемся, что публикация будет иметь практическую значимость: её материалы могут использоваться на занятиях в медицинском университете и колледже, на курсах «Введение в специальность», «Культурология». К материалам статьи уже обращались при обсуждении многих проблем по медицинской риторике (новое научное направление).

Список использованных источников

1. *Вересаев, В. В. Записки врача / В. В. Вересаев. — Москва : АСТ, 2023. — 288 с. — (Эксклюзив ; Русская классика).*
2. *Несмелов, А. Сторублёвка / А. Несмелов // Харбин. Ветка русского дерева : проза, стихи. — Новосибирск, 1991. — С. 137–149.*
3. *Хейли, А. Окончательный диагноз / А. Хейли // Отель. Окончательный диагноз : романы. — Калининград : Кн. изд-во, 1992. — С. 457–619.*
4. *Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 8 : 1892–1894 / редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. — Москва : Наука, 1977. — 525 с.*
5. *Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 10 : 1898–1903 / редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. — Москва : Наука, 1977. — 491 с.*
6. *Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 14-15 : Из Сибири. Т. 14-15 : Остров Сахалин. 1890–1895. — Москва : Наука, 1978. — 926 с.*

Материал поступил в редакцию 15.03.2024.

Сведения об авторе: Маркова Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: olga2447@bk.ru; тел. 8-924-307-66-46.

НИКИТИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

СЛУЖИТЬ ТАЛАНТУ!

Статья посвящена истории становления Дальневосточного регионального отделения Международного благотворительного фонда «Новые имена», его деятельности в период с 1994 по 2000 год, организации и проведению международных фестивалей «Новые имена стран АТР», открытию филиала отделения фонда в г. Чите, о первых «звёздных» стипендиатах ДВРО МБФ «Новые имена».

Ключевые слова: Дальневосточное региональное отделение Международного благотворительного фонда «Новые имена», филиал отделения фонда «Новые имена» в г. Чите, стипендиаты, конкурс пианистов в Японии.

Keywords: Far Eastern Regional Branch of the “New Names” International Charitable Foundation, branch of the “New Names” Foundation in Chita city, scholarship holders, piano competition in Japan.

Окончание. Начало в № 1 (34) и 2 (35) за 2023 г.

Следующие два фестиваля «Новые имена» 1994 и 1995 годов проходили в марте – апреле, в дни весенних каникул. Конкурс руководство ДВРО МБФ «Новые имена» сохранило лишь у художников. Отобранные экспертным советом юные музыканты и художники демонстрировали свои творческие достижения в концертах фестиваля и на его выставках. Фестиваль открывался, как правило, выставкой-конкурсом в Дальневосточном художественном музее, которая предварялась торжественными речами руководителей фонда, представителей администрации края и города, выступлениями генеральных консулов КНР и Японии в г. Хабаровске, сотрудников Хабаровской канцелярии Генерального консульства КНДР и небольшим концертом.

Прошедшие предварительный отбор юные музыканты представляли собой две группы. В первую входили дети с ярко выраженными способностями, хорошо обученные, претендующие на звание стипендиата фонда; вторую группу составляли дети, которые не могли конкурировать с детьми первой группы, но демонстрировали перспективный рост, что давало им возможность в будущем войти в состав первой группы.

Дети первой группы выступали с Дальневосточным симфоническим оркестром. В дни фестиваля они репетировали с ним, готовясь блеснуть талантом на заключительном концерте. Дети второй группы выступали в выставочном зале художественного музея, где есть хороший рояль, а также в зале Центра эстетического воспитания детей, где проходили концерты вокалистов и гитаристов.

Уже на первых фестивалях были выявлены лидеры, звёзды Дальневосточного отделения фонда — учащиеся лучших музыкантов-педагогов региона. Наибольшую группу среди этих детей составляли учащиеся фортепианной школы Ольги и Сергея Баевых — педагогов из Комсомольска-на-Амуре. Мне приходилось ранее писать об этой школе, которой ДВРО МБФ «Новые имена» обязано многим, а главное, потоком юных талантов, получавших призовые места на конкурсах всех уровней: городских, краевых и международных. Их ученики — Алексей Гребёнкин, Яна Шабданова, Анастасия Попова, Юлия Миронова (Иовенко), Дина Чебанюк, Дарья Новикова, Юлия Ковалёва, Дарья Овчинникова и другие — в течение многих лет вызывали восхищение слушательской аудитории на концертах фестиваля. Поражал не только уровень технического развития юных музыкантов, сложность программ, в частности фортепианных концертов Моцарта, Бетховена, Листа, Сен-Санса, Рахманинова, Прокофьева, Гершвина, но и исполнительская воля, артистизм, прекрасное владение собой на концертной эстраде.

Успех Баевых объясняется многими факторами:

– педагоги, учащиеся и родители становятся единым сообществом, семьёй, объединённой общими целями и интересами;

– гармоничным соединением теории и практики на занятиях, которые проходят на квартире Баевых; программы занятий по специальности, теории музыки, сольфеджио и гармонии согласованы;

– разделением труда в семье, где Ольга Петровна берёт на себя начальный период обучения, а Сергей Васильевич — средний и старший, занимаясь вопросами стиля, интерпретацией, режиссуры сценического поведения и исполнения;

– интенсивным методом обучения с раннего возраста;

– вниманием к развитию общей культуры обучающихся, интересующихся живописью, театром, поэзией, эстетикой творческих эпох;

– большая концертно-просветительская практика.

Не случайно почти все учащиеся школы Баевых стали музыкантами-профессионалами.

Из педагогов-скрипачей следует назвать Людмилу Ивановну Шутову, которая в те годы работала в Комсомольске-на-Амуре, её ученица Ирина Гридина обратила на себя внимание на региональном фестивале и стала обладательницей 3-й премии. В последующие годы Л. И. Шутова станет ведущим на Дальнем Востоке России преподавателем-скрипачом и воспитает плеяду талантливых музыкантов, список которых возглавляет лауреат I Всероссийского конкурса «Новые имена» Александр Кузнецов.

Фестиваль 1995 года был проведён совместно с комитетом образования администрации Хабаровского края. Он был посвящён 50-летию Великой Победы и проходил под названием «И помнит мир спасённый». Военная тематика отразилась на содержании рисунков юных художников. Наиболее яркими работами жюри признало рисунки Анастасии Королёвой из г. Вяземского. Она получила Гран-при на конкурсе изобразительного искусства и стала стипендиатом ДВРО МБФ «Новые имена». Среди музыкантов обладателями звания стипендиата стали Дина Чебанюк (фортепиано) из ДМШ г. Комсомольска-на-Амуре и Станислав Никоненко (кларнет) из Хабаровского краевого колледжа искусств.

1995 год в истории ДВРО МБФ «Новые имена» стал знаменательной датой. Это был год расширения границ деятельности фонда за счёт присоединения к нему Забайкалья. В декабре 1995 года по приглашению начальника городского отдела культуры г. Читы Галины Петровны Сыроватка мы с Людмилой Ивановной приехали в столицу Забайкалья. Приглашая нас, Галина Петровна, как начальник отдела культуры, стремилась решить три задачи: провести курсы повышении квалификации педагогов ДМШ с моей помощью, познакомиться с деятельностью фонда «Новые

имена» и «примерить» его критерии на одарённых детей Читы и Читинской области.

Познакомившись с Галиной Петровной Сыроватка и деятельностью отдела культуры, мы предложили ей войти в экспертный совет и заключили договор о сотрудничестве в сфере музыкальной педагогики и исполнительства, педагогики художественного творчества, в поиске и поддержке талантливых детей, подростков и молодых людей — претендентов на звание «Стипендиат ДВРО МБФ “Новые имена”». Фонд брал на себя обязательства предоставить Г. П. Сыроватка полномочия члена экспертного совета, проводить семинары и мастер-классы для педагогов учебных заведений культуры и искусства, знакомить их с новыми материалами по педагогике художественного творчества, эстетическому воспитанию детей, музыкальной педагогики и исполнительству, информировать управление культуры г. Читы о планируемых фондом акциях, организовывать концертные выступления стипендиатов г. Читы в Хабаровске и других городах Дальневосточного региона, подготовить концертную программу для участия в празднике г. Читы в мае 1996 года, организовать приезд стипендиатов, записать выступление стипендиатов г. Читы на компакт-диск в студии «Нью-микс» в марте 1996 года. Отдел культуры обеспечивал проведение мероприятий в г. Чите, оплачивал дорожные расходы и проживание в гостиницах.

Музыкальная общественность города и области встретила нас с большой радостью и интересом. Для проведения открытых занятий мне привели двух девочек из ДМШ. На первом уроке за рояль села девочка десяти лет, которую звали Юля Янчук. На вопрос, что она будет играть, девочка ответила, что сыграет три прелюдии А. Скрябина ор. 11. Это вызвало у меня скрытую усмешку и мысль: «Ох, уж эти провинциальные притязания на столичный уровень!» Но когда девочка заиграла, я понял, что ошибся в своих прогнозах. Игра Юли покорила меня чутким слышанием нервной скрябинской фразы в прелюдии № 2, глубиной повествования в прелюдии № 4, силой драматического высказывания в прелюдии № 10. Я увидел перед собой несомненный талант. А затем за рояль села хрупкая девочка в очках — «цыплёнок», который, как мне показалось, клавиши концертного рояля продавить не в силах. Девочка исполнила вторую и третью части сонаты Моцарта до мажор № 10. Это была Элла Скоробогатова — гордость Забайкалья. И вновь радость открытия таланта, да не одного, а двух в один день! Обе девочки стали стипендиатами ДВРО МБФ «Новые имена». Читинцы радовались не меньше нас с Людмилой Ивановной, поскольку увидели, что имеют истинные дарования и умеют их хорошо учить.

Элла Скоробогатова, ученица Центральной музыкальной школы г. Читы, класс преподавателя Людмилы Пономарёвой, ещё не раз заявит о себе, вызовет чувство гордости не только у своих земляков, но и у нас — руководителей отделения фонда, открывших её дарование. Элла станет лауреатом юных пианистов Читинской области, лауреатом конкурса Дальневосточной зоны в г. Красноярске, стипендиатом программы «Юные дарования» Министерства культуры Российской Федерации, не один раз выступит в Хабаровске с Дальневосточным симфоническим оркестром.

Поездки в Читу с 1995 по 1997 год оставили глубокий след в нашей памяти — моей и Людмилы Ивановны — не только встречами с юными дарованиями Забайкалья, но прежде всего соприкосновением с корневой культурой, которую носили в себе его жители, с духом казачества, осваивающего этот суровый и прекрасный край с дивными лесами и озёрами, идущего на восток «встреч солнцу». Незабываемыми были встречи с ансамблем «Забайкальские узоры» — носителем души и памяти жителей этого края, фестивалями Заволокиных, приезда которых читинцы ждали как праздника и на заключительном концерте в одном порыве вставали и пели хором «Славное море, священный Байкал».

По завершении 1995 года московской штаб-квартире был представлен отчёт о деятельности отделения фонда по всем четырём направлениям работы. А отчитываться было о чём:

– членами экспертного совета были прослушаны дети Хабаровского края (Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Амурск, Советская Гавань), Приморского края (Владивосток, Уссурийск), Еврейской автономной области (Биробиджан, Бира), Читинской области;

– проведены конкурсы юных мастеров изобразительного и прикладного искусства в рамках фестиваля, посвящённого 50-летию Победы, музыкантов (фортепиано, скрипка, вокал) совместно с краевым комитетом по культуре;

– присвоено пять стипендий по 50 000 рублей в 1995 году (в 1996 г. сумма стипендии была увеличена вдвое);

– даны два сольных концерта пианистами Натальей Петровской и Диной Чебанюк;

– с Дальневосточным симфоническим оркестром стипендиаты ДВРО МБФ «Новые имена» исполнили концерт Равеля для левой руки (Вячеслав Попругин), концерт Прокофьева для фортепиано с оркестром № 1 (Наталья Петровская) и концерт Барра для кларнета с оркестром (Станислав Никоненко);

– состоялась персональная выставка Анастасии Королёвой в г. Вяземском и Хабаровске, в Центре эстетического воспитания детей;

– членами экспертного совета проведено 10 мастер-классов в Чите, Уссурийске, Владивостоке, Комсомольске-на-Амуре, Биробиджане и Хабаровске;

– изданы методические рекомендации А. А. Никитина «Импровизация как метод обучения начинающих пианистов», «Мы играем джаз» для педагогов ДМШ и ДШИ, подготовлен к изданию сборник статей А. А. Никитина «За 25 лет. Музыкальная педагогика, исполнительство, эстетическое воспитание детей, музыкальная культура Дальнего Востока».

Главным достижением 1995 года Людмила Ивановна Никитина считала открытие филиала ДВРО МБФ «Новые имена» в Чите.

Ежегодно с 1992-го по 2008 год фестивали ДВРО МБФ «Новые имена» завершались выступлениями наиболее одарённых детей с Дальневосточным симфоническим оркестром (далее — ДВСО), что в жизни этих детей определяло рубеж, перейдя который они выходили на новый уровень самосознания и видения своего будущего. Кроме того, выступление с ДВСО свидетельствовало о высоком статусе их как исполнителей, по крайней мере, на местном региональном уровне.

Надо отметить, что филармонические сезоны в Хабаровске в середине 1990-х годов были пустыми, поскольку гастрольная жизнь замерла ввиду отсутствия финансовых средств у гастрольно-прокатных организаций и у самих филармоний.

Концертные сезоны в Хабаровске в этот период закрывались преимущественно стипендиатами ДВРО МБФ «Новые имена», которые позволили Хабаровской краевой филармонии сохранить привычный ритм концертов и обеспечивали приличный исполнительский уровень. Немалая заслуга в этом была главного дирижёра ДВСО, заслуженного деятеля искусств Виктора Тица, с которым Дальневосточное отделение фонда и я, как художественный руководитель фестивалей «Новые имена», общались более четверти века.

Много лет занимаясь с детьми, не могу не восхититься воспитательной гранью деятельности Виктора Зигфридовича, которая особенно ярко обнаруживала себя в работе с юными музыкантами, играющими с ДВСО. Благодаря Тицу юные дарования — «новые имена» Сибири и Дальнего Востока — имели возможность ежегодно выступать с оркестром.

Вспоминаю свою первую встречу с Виктором Тицем зимой 1973 года, когда он пришёл в назначенный час в ДМШ № 1 г. Хабаровска, чтобы прослушать учащихся, претендующих на выступление с оркестром. Он не просто прослушал концерты, а долго возился с ребятами, добиваясь нужных штрихов, темпов, соотношения звучания соло и аккомпанемента, и лишь затем допустил их на репетиции с оркестром.

Меня всегда поражала его ответственность в репетиционной работе с детьми, деликатность и вместе с тем жёсткая требовательность к юным музыкантам. Дети любили его и мечтали с ним играть, переживая общение с дирижёром как самый отрадный момент их жизни. А он щедро платил им за любовь, бескорыстно передавая свой опыт и мастерство.

Концертный сезон 1996 года в Хабаровске был заполнен выступлениями стипендиатов ДВРО МБФ. В апреле были исполнены концерт Моцарта № 23 для фортепиано с оркестром ля мажор (Дина Чебанюк), фортепианный концерт № 1 С. Прокофьева для фортепиано с оркестром (Оксана Ралкина). В ноябре Элла Скоробогатова исполнила все три части концерта Моцарта № 23. В декабре скрипачка Ирина Гридина сыграла с ДВСО концерт Бруха. Ведущей концертов «новых имён» с ДВСО долгие годы была Ирина Викторовна Никифорова.

Главным событием 1996 года в жизни ДВРО МБФ «Новые имена» было выступление его стипендиатов в Чите на концертах, посвящённых дню города. В мае десант из восьми человек высадился на железнодорожном вокзале Читы: Л. И. Никитина, руководитель делегации, я и шесть юных музыкантов, среди которых были звёзды Хабаровского края Юля Миронова и Дина Чебанюк, которые произвели впечатление на читинцев волевым напором, темпераментной, технически безукоризненной игрой. В Чите к этой команде присоединились Элла Скоробогатова и Юлия Янчук — читинские стипендиаты. Концертная программа, показанная в Чите, была позже повторена в Хабаровске и записана на компакт-диск в студии «Нью-микс».

В Чите в этот наш приезд на конкурсе юных пианистов нас ожидало ещё одно открытие. Я испытал потрясение, услышав игру Алёши Гусева, учащегося детского эстетического центра «Орешки». Он поразил меня зрелостью и глубиной чувствования, удивительным ощущением формы и растворением в музыке без остатка. Чита пополнилась ещё одним стипендиатом.

1996 год был богат на сольные концерты и выступления стипендиатов фонда Юлии Янчук, Эллы Скоробогатовой, учащихся класса Ольги Петровны Баевой (Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск). С педагогом Эллы Скоробогатовой Людмилой Пономарёвой я встретился и предложил взять в работу концерт Шопена ми минор (1 часть) для выступления с ДВСО на фестивале 1997 года.

В этом году состоялась персональная выставка Даниила Бирюкова в Центре эстетического воспитания детей г. Хабаровска, где было немало работ религиозного содержания. В дальнейшем религиозная тема, духовное совершенствование в русле православной веры станут центральной темой его творчества.

В 1996 году ДВРО МБФ «Новые имена» стремилось установить контакты с родственными фондами и организациями Аляски (Анкоридж), Америки (Сиэтл), Республики Корея (Сеул, школа искусств), Фондом культуры Японии (Токио).

В этом году произошло ещё одно важное событие для отделения фонда: Центр эстетического воспитания детей в моём лице был принят в члены краевого объединения промышленников и предпринимателей (сегодня оно именуется «Дальневосточное объединение промышленников и предпринимателей», сокращенно ДВОПП), которое на протяжении многих лет оказывало моральную и материальную поддержку фонду, приняв в 1998 году программу «Новые имена Дальневосточного региона» в качестве основной программы своей благотворительной деятельности.

В 1997 году мы вновь посетили с Людмилой Ивановной Читу, готовясь к следующему фестивалю. Я занимался с Эллой Скоробогатовой — работал с ней и её педагогом над первой частью концерта Шопена ми минор, который девочка должна была играть с ДВСО на фестивале.

Вернувшись в Хабаровск, мы вскоре получили печальное сообщение от Г. П. Сыроватка о том, что Элла сломала руку. Я был в ужасе, поскольку выступление Эллы было гвоздём программы заключительного концерта, и хабаровчане, познакомившиеся с творчеством Эллы в 1996 году, ждали её выступление. Я едва ли не каждый день звонил в Читу Людмиле Пономарёвой с желанием получить ясный ответ, будет играть Элла на фестивале или нет. За три недели до концерта получил ответ: «Будет». И вот настал день концерта. Мы с тревогой и волнением ждали выступления Эллы. Я переживал за исполнение коды первой части концерта с неудобными трелями. Элла играла прекрасно. Публика не почувствовала, не заметила, как непросто было играть девочке с едва зажившей рукой. Это была большая победа — и творческая, и человеческая. Сыграть в 12 лет концерт Шопена, да ещё в такой ситуации, не каждому музыканту удаётся!

В 1997 году ДВРО МБФ «Новые имена» исполнилось пять лет. Администрация Хабаровского края запросила у фонда справку-отчёт о его деятельности за этот период. Справка была представлена директором ДВРО МБФ «Новые имена» Л. И. Никитиной. А отчитаться было чем: за пять лет ДВРО МБФ «Новые имена» провело три региональных фестиваля, присвоило 50 званий стипендиата талантливым детям различных краёв и областей Дальнего Востока, семь стипендиатов были отправлены на учёбу в ведущие вузы страны, среди них Вячеслав Попругин, ставший студентом Академии музыки имени Гнесиных (Москва), организовало 12 персональных выставок, восемь научно-практических конференций и 32 мастер-класса. Ежегодно юные музыканты выступали с ДВСО. 20 апреля 1997 года в концертном зале Хабаровской краевой филармонии стипендиаты ДВРО МБФ «Новые имена» из Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и Читы вместе с ДВСО исполнили большую концертную программу.

Экспертный совет отделения фонда объединил ведущих музыкантов, художников, хореографов и писателей Дальнего Востока и Забайкалья.

ДВРО МБФ не только выплачивало стипендии, но и оказало помощь детским домам г. Хабаровска и другим образовательным учреждениям на сумму более чем 50 миллионов рублей. Стипендиату фонда, аккордеонисту Виктору Стеценко, как уже ранее говорилось[1], был подарен концертный аккордеон немецкого производства за два миллиона рублей.

Деятельность ДВРО МБФ «Новые имена» начинает распространяться на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, вовлекая в фестивали участников из этих стран, организуя концерты стипендиатов фонда в КНР, Японии и Республике Корея. Фестивали и другие мероприятия, проводимые ДВРО МБФ «Новые имена», систематически освещались региональными средствами массовой информации. На Хабаровской студии телевидения, в музыкальной редакции, несколько лет велись циклы передач «Новое имя» и «Новички и корифеи» (инициатор и автор этих передач — музыковед Наталья Пошина), освещающие работу фонда, показывающие достижения детей и их творческий рост. Надо заметить, что все эти годы деятельность ДВРО МБФ «Новые имена» осуществлялась на основе самофинансирования, без дотаций из Москвы — штаб-квартиры фонда и бюджетных вливаний.

Фестивали 1997–1999 годов открыли немало юных дарований, среди которых следует выделить скрипачей: учащегося ДМШ № 1 г. Хабаровска Александра Кузнецова (класс Л. И. Шутовой) и учащуюся ДШИ № 7 Дарью Кучёнову (класс О. П. Кудина).

Александр Кузнецов — ослепительная звезда в созвездии «новых имён». Первыми своими выступлениями Саша покорил слушателей удивительной музыкальностью, одержимостью музыкой, которую излучала его детская натура. Он развивался стремительно, быстро осваивал традиционный школьный репертуар, устремляясь к репертуару профессиональных концертирующих музыкантов. С девяти лет он начал выступать с ДВСО. К десяти годам он сыграл с оркестром концерты Вивальди (ля минор), Моцарта (№ 5), Венявского (ре минор), Мендельсона, «Интродукцию и рондо каприччиозо» Сен-Санса, «Вальс-скерцо» Чайковского, «Прекрасный розмарин» и вальс «Муки любви» Ф. Крейслера. На концерте 1999 года Саша сыграл с ДВСО концерт Вивальди ля минор.

Дарья Кучёнова не сразу завоевала симпатии слушательской аудитории. Первые выступления свидетельствовали

1 См. Никитин, А. А. Служить таланту (из истории деятельности Дальневосточного отделения Международного благотворительного фонда «Новые имена») / А. А. Никитин // Культура и наука Дальнего Востока. — 2023. — № 2 (35). — С. 137.

о наличии у девочки музыкальных способностей, яркой музыкальностью она не отличалась. Творческий рост был у Даши стремительным. Она набирала силу год от года, удивляя целеустремлённостью, исполнительской волей и недетской виртуозностью. Сохранилась афиша концерта 1999 года, на котором Даша играла с ДВСО концерт Венявского № 2 ре минор. Годом позже Дашей были исполнены с ДВСО «Испанская симфония» Лало, «Интродукция и тарантелла» Сарасате, «Мелодия» и «Размышление» Чайковского.

В концерте 1999 года участвовала ещё одна восходящая дальневосточная звезда из Комсомольска-на-Амуре Даша Новикова (класс педагога О. П. Баевой), которой исполнилось 11 лет, но она уже успела сыграть с ДВСО концерт Гайдна ля мажор, Второй концерт Бетховена, Второй концерт Сен-Санса и Второй концерт Листа. Через два года её концертный репертуар пополнится Вторым концертом С. Рахманинова и Первым концертом С. Прокофьева. В 1999 году Даша стала стипендиатом ДВРО МБФ «Новые имена».

В конце 1990-х годов чётко обозначилась плеяда талантливых педагогов, которые смогли поставить на поток «производство» лауреатов не только местных конкурсов, но и всероссийских и международных. Вот их имена:

– педагоги-скрипачи: Феликс Кальман (Владивосток, ДВГИИ), Людмила Шутова и Олег Кудин (Хабаровск, ДМШ № 1);

– педагоги-пианисты: Вячеслав Соболевский, Геннадий Никоненко и Лариса Токарева (Хабаровский краевой колледж искусств), Елена Храбовская (Хабаровск, ДШИ № 7), Ольга и Сергей Баевы (Комсомольск-на-Амуре, ДМШ № 1), Валерий Тумило (Петропавловск-Камчатский), музыкальное училище), Борис Якимович (Владивосток, ДВГИИ);

– музыканты-народники: Виктор Никиточкин (Хабаровский краевой колледж искусств), Людмила Гурьева (Хабаровск, ДМШ № 1);

– духовики: Виктор Колин (Владивосток, ДВГИИ), Юзеф Шклявер (Хабаровский краевой колледж искусств), Ирина Алышева (Комсомольск-на-Амуре, ДМШ № 1);

– вокалисты: Галина Алексейко (Владивосток, ДВГИИ), Эржема Ким, Алла Ленских (Хабаровский краевой колледж искусств), Наталья Тулякова (Комсомольск-на-Амуре, ДМШ № 1);

– гитаристы: Владимир Герасименко (Хабаровский краевой колледж искусств), Николай Парчайкин (Хабаровск, ДМШ № 6).

2000 год — счастливый год в жизни ДВРО МБФ «Новые имена». Начался он с победы Александра Кузнецова на Первом Всероссийском конкурсе юных музыкантов «Новые имена» в Москве в январе. Осенью предыдущего года он получил вызов на второй тур конкурса «Новые имена» в Москву после прослушивания жюри его кассеты с записью программы первого тура конкурса. Во втором туре он играл первым и особенно восхитил жюри вальсом Крейслера «Муки любви», прозвучавшего забавно-трогательно в исполнении восьмилетнего мальчика-скрипача.

В апреле на Международном конкурсе юных музыкантов-исполнителей во Владивостоке скрипачка Дарья Кучёнова (класс педагога О. П. Кудина) и пианист Арсений Аристов (класс педагога Е. А. Храбовской) завоевали Гран-при, сумев затмить всех своих соперников. Дарья Кучёнова стала обладателем титула абсолютного победителя, получив не только высшую награду, но и специальные дипломы за все произведения исполненной программы. Наши прославленные стипендиаты прекрасно показали себя в концертах X фестиваля «Новые имена стран АТР – 2000», посвящённого 55-летию Великой Победы и завершившего XX столетие.

В ноябре 2000 года была ещё одна победа — победа юной пианистки Даши Новиковой из Комсомольска-на-Амуре (педагог О. П. Баева) в Японии на Первом Международном конкурсе имени Галины Черни-Стефаньска — пианистки с мировым именем, которая была председателем жюри этого конкурса. Трудным и непростым был путь к этой победе. Об этом стоит рассказать подробнее.

В сентябре 2000 года Генеральный консул Японии в г. Хабаровске господин Цунадзаки пригласил Людмилу Ивановну и меня к себе в резиденцию, где сообщил о предстоящем конкурсе пианистов в Японии и предложил принять в нём участие одному из стипендиатов фонда «Новые имена». Расходы по нашему пребыванию в Японии приглашающая сторона брала на себя. Времени оставалось крайне мало для подготовки к конкурсу. К тому же надо было срочно выслать в Японию кассету с записью выступления конкурсанта. Мы связались с педагогом Даши и её родителями. Скоро мы получили кассету и согласие родителей на поездку Даши за границу с нашим сопровождением. Тем не менее, с заявкой по срокам мы опоздали. Но жюри, прослушав запись конкурсной программы Даши, прислало ей вызов.

Конкурс пианистов проходил в рамках большого музыкального фестиваля в курортном городе Аджигасава префектуры Аомори, расположенном на берегу моря. Концертный зал находился у кромки воды, и его стену орошали брызги от морских волн, разбивающихся о волнорезы. В этом концертном зале на 2000 мест на сцене стояли три рояля фирм «Стейнвэй», «Кавай» и «Ямаха». Конкурсант мог, находясь на сцене, выбрать любой рояль, и за 40 секунд рабочий при помощи стола-домкрата ставил рояль перед конкурсантом. Конкурс проходил среди двух возрастных групп: юниоров в возрасте от 10 до 15 лет и музыкантов-исполнителей от 16 до 22 лет. На конкурсе надо было исполнить программу из трёх произведений. Одним из них должно быть полифоническое произведение Баха, а два других можно было

взять по собственному выбору. По моему совету педагог включил в программу Даши прелюдию и фугу Баха фа минор из второго тома «Хорошо темперированного клавира», прелюдию С. Рахманинова соль минор и парафраз Листа на темы оперы Верди «Риголетто».

Поселили нас с Дашей в резиденции МИД Японии в двух часах езды на машине от концертного зала. Мы не имели возможности репетировать в зале, выбрать рояль на сцене концертного зала и поиграть на нём. Дашу никто из конкурсантов не видел, но слухи о нас ходили интересные. Кто-то из конкурсантов назвал нас «тайным оружием России». Увидели нас только на конкурсе, на котором Даше достался 15 номер. Когда мы вошли в фойе концертного зала, мы услышали из всех динамиков музыку с игрой очередного конкурсанта. И Даша побледнела. Члены оргкомитета вместе с вызовом прислали положительный отзыв на её игру, намекнув, что конкурентов у неё нет.

Первой реакцией Даши на игру конкурсантов, которую она услышала в динамиках, были слова: «Ничего себе, слабый уровень!» Вторым психологическим шоком было ожидание в артистической выхода на сцену, где был большой экран, на котором показывалось то, что происходило на сцене. Музыкант, ожидающий своё выступление, вынужден был смотреть и слушать предыдущего выступающего. Даша заявила Людмиле Ивановне, которая её сопровождала (я находился в зале и снимал конкурс на видеокамеру), что на сцену она не выйдет и играть не будет. На что Людмила Ивановна ей сказала: «Забудь, что ты Даша Новикова. Ты — Россия. Ты одна здесь представляешь нашу страну среди поляков, американцев, австралийцев, немцев и других. Ты выйдешь и порвёшь рояль!» На Дашу это подействовало, она разозлилась, «закусила удила» и уверенно отыграла программу. Кстати, девочка, которая должна была играть после Даши, отказалась выйти на сцену.

До выхода на сцену Даша меня спросила, на каком рояле играть. Я сказал: «Даша, мы в Японии, и я думаю, что тебе надо играть на рояле фирмы “Кавай”. У тебя прелюдия Баха исполняется с репризой. Первое проведение первой части прелюдии — момент приспособления к клавиатуре и акустике зала. А в репризе ты уже можешь управлять звучанием и его контролировать». Так оно и получилось.

На конкурсе Даша получила вторую премию. Первая была присуждена талантливой пианистке Кудо Наоми. Нам не было обидно, поскольку она её заслужила. А мы были счастливы, что получили вторую премию. Галина Черни-Стефаньска предложила Даше на гала-концерте сыграть прелюдию С. Рахманинова, исполнение которой ей больше всего понравилось. По окончании гала-концерта Людмила Ивановна попросила ведущего дать ей слово. Она объявила всем присутствующим, что Дальневосточное отделение Международного благотворительного фонда «Новые имена» приглашает Кудо Наоми на фестиваль «Новые имена стран АТР – 2001», взяв на себе расходы по пребыванию девочки в России. Зал ответил на это приглашение овациями.

После конкурса нас поселили в туристическом комплексе, расположенном в сосновом бору, где мы несколько дней «отходили» после конкурсных баталий в ожидании отъезда в Россию. Оргкомитет конкурса организовал для нас культурную программу с посещением красивого озера Тавада в префектуре Аомори, которое было похоже на озеро Байкал. Вернулись мы домой счастливые. В аэропорту нас ожидало телевидение. Даже пограничный контроль нас поздравил с победой, о которой мы сообщили в Хабаровск после объявления результатов конкурса.

Материал поступил в редакцию 29.12.2023.

Сведения об авторе: Никитин Алексей Алексеевич, доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, действительный член Академии педагогических и социальный наук (АПСН), профессор кафедры искусствоведения, музыкально-инструментального и вокального искусства Хабаровского государственного института культуры (г. Хабаровск).
Контактные данные: 680030, г. Хабаровск, ул. Ленина, д. 42, кв. 41; тел. 8-914-413-08-89; e-mail: nikitinarts2011@yandex.ru.

▶ Научное сообщение

МАХИНОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

УНИКАЛЬНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В статье даётся краткая характеристика некоторых удивительных природных образований на территории Хабаровского края, представляющих интерес как уникальные объекты мирового значения. Большинство из них расположено на северных, наименее освоенных территориях региона, что существенно ограничивает их рекреационную ценность в связи с отсутствием необходимой инфраструктуры.

Ключевые слова: Хабаровский край, уникальные природные объекты, рекреационный потенциал.

Keywords: Khabarovsk Krai, unique natural objects, recreational potential.

Для восточных регионов России географические исследования всегда имели особое значение в связи с необходимостью освоения новых территорий. Поэтому первые походы землепроходцев сопровождались сбором сведений о природе, ресурсах и населении неизведанных территорий. Затем возникла необходимость изучения природных процессов, знания о которых способствовали снижению риска хозяйственной деятельности в условиях, отличающихся от тех, к которым люди давно приспособились в европейской части страны.

Первые научные знания о южных районах Дальнего Востока были получены во второй половине XIX века в результате экспедиционных исследований учёных из центральных районов страны: А. Ф. Миддендорфа, К. И. Максимовича, Р. К. Маака, Л. И. Шренка, М. И. Венюкова, Н. М. Пржевальского и многих других. Быстрое развитие производительных сил и рост численности населения потребовали более широкого развития научных исследований. В регионе стали появляться первые научные организации, среди которых заметную роль играли местные отделения Русского географического общества.

Географические исследования стали более активными после создания в апреле 1884 года во Владивостоке первой на Дальнем Востоке научной организации — Общества изучения Амурского края. Первая статья его устава гласила: «Общество имеет целью всестороннее изучение р. Амура, русского побережья Восточного океана и сопредельных местностей…» В мае 1894 года было создано Приамурское географическое общество в Хабаровске.

Исследователи-энтузиасты внесли большой вклад в географическое изучение Дальнего Востока. Особенно крупномасштабными и разнообразными по своим направлениям были исследования в советское время в связи с активным развитием региона и созданием различных вузов и профессиональных научных организаций. Однако и в настоящее время Приморское отделение РГО — Общество изучения Амурского края — и Хабаровское краевое отделение РГО продолжают активно работать над решением актуальных задач экономического развития региона.

Географические исследования, помимо фундаментальных научных результатов, позволили выявить уникальные природные объекты, имеющие мировое значение. Наибольшее разнообразие таких объектов установлено в Хабаровском крае. По своеобразию природных ландшафтов, обилию необычных форм рельефа, разнообразию рек и озёр, невероятному сочетанию растений и животных эта территория является уникальной и превосходит в этом отношении любой другой регион России.

Вдоль берегов холодного и сурового Охотского моря и по вершинам горных хребтов, как нигде на планете, далеко на юг проникают северные ландшафты с многолетней мерзлотой и типично тундровой растительностью, располагаясь на широте Парижа и Вены. По долине Амура и межгорным впадинам южные виды растений и животных достигли чуждых им северных территорий, создав здесь своеобразные природные комплексы в наиболее благоприятных для выживания климатических условиях.

Одним из наиболее замечательных природных образований, привлекающих учёных и туристов со всего мира, является загадочный кольцевой хребет Кондер. На космических снимках его изображение напоминает лунный или марсианский кратер. Водораздельная линия хребта образует почти идеальную окружность диаметром около 8 километров. Некоторые учёные предполагали, что в этом месте с Землёй столкнулся астероид, но большинство всё же высказывались за земное происхождение этой необычной геологической структуры [1].

Внутренняя часть этой кольцевой формы рельефа сложена редко встречающимися на Земле магматическими породами — пироксенитами и перидотитами. Десятки миллионов лет назад расплавленная магма с больших глубин поднялась к поверхности и застыла под залегающими над ней слоями. Над застывшей магмой образовалась очень прочная корка осадочных пород вследствие воздействия большого давления и очень высокой температуры. При подъёме магмы над ней образовался обширный купол, поверхность которого была нарушена многочисленными трещинами.

За миллионы лет возникший на месте внедрения застывшей магмы купол постоянно подвергался процессам разрушения, особенно в наиболее высокой части, состоящей из прочных, но трещиноватых песчаников и алевролитов. Под ними на поверхности оказались вскрыты неустойчивые к воздействию воды и колебаний температур магматические

Внутри кольцевого хребта Кондер

породы. Небольшая река с многочисленными притоками собирала и выносила песок и гальку через прорезанное в северной стенке кратера ущелье. В результате на месте купола образовалось огромное углубление в виде чаши с неровным дном. Стенки этой чаши сложены очень прочными породами, обломки которых при ходьбе по ним издают звонкий металлический звук.

Максимальная высота хребта составляет 1387,6 метра над уровнем моря — на 400–500 метров выше обширной выровненной окружающей поверхности. Внешние склоны крутые, рассечены частыми глубокими распадками, у подножья которых сформировались слившиеся между собой наклонные конусы выноса. Располагаясь по периметру, они образуют своеобразный пьедестал, на котором величественно возвышается кольцевой хребет.

В небольших реках внутри кольцевого хребта и в долине вытекающей из него реки Кондер в 1979 году было обнаружено одно из самых крупных в стране месторождений россыпной платины. Его разработка ведётся с 1984 года. Наиболее крупный самородок платины, добытый на Кондере 10 сентября 1993 года, имеет массу 3 521 грамм.

Самым замечательным, не имеющим аналогов гидрографическим объектом является единственная в мире горная река, одновременно текущая в два океана. Таким свойством обладает река Делькю, расположенная на севере Хабаровского края в горах Сунтар-Хаята. В своём верхнем течении её поток раздваивается. Один из них, называемый Делькю Охотская, впадает в реку Охоту и, соответственно, в Охотское море. Другой поток, получивший название Делькю Куйдусунская, является составной частью бассейна реки Колымы и несёт свои воды в Восточно-Сибирское море.

В горах такая ситуация может возникнуть лишь в исключительных случаях при сочетании нескольких благоприятных факторов, что и было реализовано природой в самых высоких горах Хабаровского края. Основными факторами были горно-долинное оледенение и геологическое строение территории. В верхнечетвертичное время ледники Сунтар-Хаяты двигались по долинам рек и срезали горные породы. Там, где были низкие перевалы в соседние долины, ледники сползали туда, выпахивая, словно бульдозером, грунт и образуя глубокие седловины. После таяния ледников седловина в бассейне Колымы оказалась на одном уровне с днищем долины, направленной в сторону реки Охоты. Поток воды раздвоился, а очень прочные породы ложа долины и седловины несколько тысяч лет почти не подвергались эрозии, законсервировав условия для такой редкостной бифуркации русла.

Большим своеобразием отличаются острова Охотского моря, поскольку их ландшафты формируются в крайне суровых условиях. В состав Хабаровского края входит Шантарский

Остров из группы Частых островов

архипелаг, состоящий из четырёх больших и многих маленьких островов, всего 10–12 тысяч лет назад отделившихся от материка в результате поднятия уровня Мирового океана. Вблизи берега в Охотском и Японском морях располагаются несколько десятков крошечных островков. В Охотском море это Нансикан, Марка, Коврижка, Рейнеке и другие. Острова Токо, Частые, Базальтовый, Обсерватории и некоторые другие расположены вдоль берегов Японского моря.

Однако среди них особенно выделяется остров Ионы — единственный в Охотском море, удалённый от его берегов. Кратчайшее расстояние до него от материка 250 километров. Размеры одинокого острова невелики — всего 300 х 500 метров, но береговая линия сильно изрезана маленькими бухточками, иногда шириной всего в несколько метров, чередующимися с выступами скал. Почти со всех сторон отвесные скалистые уступы окружают остров сплошной стеной высотой от 10 до 80 метров. Над ними к вершине поднимаются крутые склоны, усеянные камнями. Осыпи из крупных глыб едва удерживаются над обрывами и время от времени с грохотом срываются к их подножью.

Самое главное богатство острова — его животный мир. На нём и окружающих его скалах расположены лежбища сивучей, местное стадо которых считается одним из самых больших в Охотском море. Все пляжи, наклонные площадки и вершины надводных скал и рифов заняты этими крупными животными, покидающими остров только зимой.

На острове летом обитает несколько миллионов птиц. Сотни тысяч чаек, глупышей, кайр, конюг, топорков постоянно снуют в воздухе и до предела насыщают воздух разноголосыми криками, слышимыми за много километров. Это один из наиболее крупных на Дальнем Востоке России птичьих базаров. Интересно, что орнитологи обнаружили на острове гнездящихся белопоясничного стрижа и белую трясогузку, а также присутствие кукушки, филина, дятла и некоторых

других представителей лесной зоны, вероятно, попавших сюда случайно с материка. Но как птицы находили этот остров, если кратчайшее расстояние до него от ближайшей суши сотни километров, остаётся загадкой.

Примечательными объектами бывают неприметные, внешне ничем не привлекающие внимания линии, являющиеся важными природными рубежами. К ним относятся так называемые Мировые водоразделы — линии, разделяющие бассейны стока воды между океанами на континентах. В северной части Хабаровского края Мировой водораздел между Северным Ледовитым и Тихим океанами протягивается на многие сотни километров. Он сильно смещён к Тихоокеанскому побережью и в одном месте проходит всего в 12 километрах от Охотского моря. Здесь можно стоять в бассейне Северного Ледовитого океана и видеть Охотское море Тихого океана. Другая замечательная точка Мирового водораздела находится на хребте Сунтар-Хаята. Здесь сходятся водоразделы трёх морей: Восточно-Сибирского, Лаптевых и Охотского.

Реки, стекающие в Тихий океан, имеют крутой уклон и поэтому более агрессивны по сравнению с водотоками противоположного склона. Они смещают водораздел к северо-западу, вгрызаясь в своих истоках крутыми, интенсивно разрушаемыми склонами в осевую часть хребта, и иногда перехватывают часть рек бассейна соседнего океана. Немало в этих горах имеется водотоков, десятки тысяч лет назад нёсших свои воды в Северный Ледовитый океан, а теперь стекающих в Охотское море.

Расположенная в контактной зоне, на краю огромного материка и крупнейшего океана, территория Хабаровского края подвержена воздействию разнообразных стихийных процессов. Здесь часто случаются катастрофические наводнения, мощные селевые потоки, гигантские оползни и обвалы, оставляющие свои следы в рельефе и отложениях.

Бурейский оползень

В декабре 2018 года в бассейне реки Бурея произошло уникальное геологическое явление: огромный блок горной породы массой около 25 миллионов тонн рухнул в покрытое льдом водохранилище. Оползень образовался на крутом левом склоне долины реки Бурея, напротив устья реки Средний Сандар, в 20 километрах выше впадения левого притока — реки Тырма, в 65 километрах от селения Чекунда. Это явление произошло, как было установлено по отразившей данное событие сейсмограмме, в 14 часов 48 минут по местному времени. Температура воздуха в этот день была минус 36оС. На склоне возникла огромная выемка размером 600 х 450 м.

Оползень произошёл в скальных породах, разбитых многочисленными трещинами в зоне тектонического дробления. Сползший блок полностью перекрыл долину реки Бурея и продвинулся до противоположного пологого склона долины. В результате образовалась плотина протяжённостью 800 м и максимальной высотой 47 м над уровнем воды, разделившая водохранилище на две изолированные части.

Смещение оползня в глубокий водоём вызвало образование в глухой тайге за тысячу километров от моря волны цунами, которая обрушилась на противоположный склон долины реки Бурея, заросший густым лиственнично-берёзовым лесом. Лёд на водохранилище, достигший к этому времени толщины 20 см, был взломан и в виде мелких фрагментов распределён по всей площади прохождения волны. Волна продвинулась вверх по склону почти на один километр, достигнув высоты более 60 м над урезом воды в водохранилище. Водный поток ломал стволы деревьев, оставляя раздробленные пни высотой до одного метра. Гидравлическим ударом волны лес был уничтожен на площади более 300 га [2].

Уникальность этого природного явления состоит в том, что оно произошло в прочных массивных породах, при низких температурах воздуха зимой и с образованием высокой волны цунами в покрытом льдом водохранилище.

Не только климат, водный режим рек, строение рельефа и почв региона не имеют аналогов в мире. Особенно ярко и наглядно особенность природы Хабаровского края отображается в необычном сочетании различных видов животных и растений — представителей разных фаун и флор.

Растительность поражает богатством видов и смешением их северных и южных представителей. Микробиота из семейства кипарисовых растёт рядом с лиственницей, дуб — с кедровым стлаником, а лианы винограда и лимонника обвивают ель и берёзу. А сколько реликтовых и очень редких травянистых растений! Здесь и всемирно знаменитый женьшень, и неизвестный многим субтропический плектрантус, образующий

ранней осенью на своих стеблях настоящие букеты из тонких пластинок льда.

Не менее удивителен животный мир. Так, ещё в середине XIX века А. Ф. Миддендорф в своей книге «Путешествие на север и восток Сибири» писал: «Мы постоянно вращались в той чрезвычайно любопытной полосе земли, где лицом к лицу встречаются... соболь и тигр, где южная кошка отбивает от рыси северного оленя, где соперница ее — росомаха — в одном и том же участке истребляет кабана, оленя, лося и косулю, где медведь насыщается то европейской морошкой, то кедровыми орехами, где соболь вчера ещё гонялся за тетеровями и куропатками, доходящими до запада Европы, сегодня бегает за ближайшими родственниками тетера Восточной Америки, а завтра крадется за чисто сибирской кабаргой» [3, с. 54–55].

С не меньшим удивлением отмечал сочетание редких видов животных и растений в уссурийской тайге Н. М. Пржевальский. «Как-то странно непривычному взору видеть такое смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном, так и животном мире. В особенности поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, но тут же рядом можно встретить тигра, не уступающего в величине и силе обитателю джунглей Бенгалии», — писал с удивлением выдающийся путешественник [4, с. 20].

И сейчас ещё, несмотря на масштабное и почти повсеместное освоение минеральных и лесных ресурсов, в горно-таёжных районах можно увидеть рядом растения из разных природных зон и встретить в тайге в одних и тех же местах южные и северные виды животных, о которых писали первые путешественники.

Уникальные природные объекты Хабаровского края представляют собой огромный потенциал для развития туризма в регионе. В настоящее время он используется крайне слабо вследствие транспортной труднодоступности и почти полного отсутствия соответствующей инфраструктуры, особенно в северных районах края, где сосредоточено наибольшее количество таких уникальных природных объектов. Однако целенаправленное освоение рекреационных ресурсов может стать важным фактором экономического развития региона.

Список использованных источников

1. *Геология, петрология и рудоносность Кондерского массива / [В. Г. Гурович, В. Н. Землянухин, Е. П. Емельяненко, А. С. Каретников, А. И. Квасов, В. Г. Лазаренков, К. Н. Малич, А. Г. Мочалов, В. С. Приходько, А. А. Степашко] ; отв. ред. Ю. А. Косыгин, В. С. Приходько ; Рос. АН, Дальневост. отд-ние, Ин-т тектоники и геофизики. — Москва : Наука, 1994. — 169 с.*
2. *Махинов, А. Н. Оползень и цунами на реке Бурее 11 декабря 2018 года / А. Н. Махинов // Природа. — 2019. — № 4. — С. 12–22.*
3. *Миддендорф, А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири : в 2-х ч. Ч. 2 / А. Ф. Миддендорф. — Санкт-Петербург : Изд-во ГеоГраф, 2006. — VIII, 833 с.*
4. *Пржевальский, Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. / Н. М. Пржевальский ; [предисл. М. А. Тенсина]. — Москва : Географгиз, 1947. — 311 с.*

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 31.01.2024.

Сведения об авторе: Махинов Алексей Николаевич, доктор географических наук, главный научный сотрудник лаборатории гидрологии и гидрогеологии Института водных и экологических проблем ДВО РАН — обособленного подразделения Хабаровского Федерального исследовательского центра ДВО РАН, председатель Хабаровского краевого отделения Русского географического общества (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: amakhinov@mail.ru; тел. 8-965-674-95-61.

БРОВКО ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА,
УСТИМЧУК ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

ОПЫТ СТУДЕНТОВ-МАГИСТРАНТОВ ТИХООКЕАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ПРОВЕДЕНИЮ КОНКУРСА «ПОЭТЫ ОСЕНИ»

В статье авторы показывают пример наставнической работы магистрантов со студентами бакалавриата, раскрывают суть конкурса фотографий как методического приёма работы над поэтическими текстами. В качестве обратной связи рассматривается фактор оценивания творческого задания конкурса. Приведён пример критериев оценки и ряд комментариев магистрантов к конкурсным работам.

Ключевые слова: конкурс, фотография, поэзия, наставничество, оценивание творческого задания, комментарий, критерии оценивания.

Keywords: contest, photography, poetry, mentoring, creative assignment assessment, commentary, assessment criteria.

Прошедший 2023 год по указу Президента России был объявлен Годом педагога и наставника. Миссией года было признание особого статуса педагогических работников, в том числе выполняющих наставническую деятельность. Актуализация культурного наследия — одна из приоритетных задач любого педагога-гуманитария. Это находит своё подтверждение и в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в пункте «Защита традиционных Российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [1].

Литература является частью мировой культуры человечества, и обращение к ней позволяет реализовать образовательные, познавательные и культурные цели. Но для достижения этих целей следует создавать определённые условия. Таким условием, в частности, может стать конкурс фотографий по поэтическим произведениям. Поэтический текст способствует более яркому и образному восприятию действительности и формированию эстетической картины мира. Художественное творчество, в которое входит фотография, даёт возможность студенту выразить своё отношение к поэтическому произведению в доступной для него форме. Сама же фотография в таком конкурсе является некой иллюстрацией либо всего произведения, либо его части.

Конкурсная основа благоприятна для того, чтобы создать мотивацию для обращения к литературе, а также ситуацию критического подхода к своей деятельности со стороны участников. Конкурс ко всему прочему позволяет стимулировать здоровую конкуренцию и создавать платформу для потенциального развития участников.

В свою очередь конкурс фотографий по литературным произведениям предполагает интерпретацию художественного текста, его освоение и присвоение. Фотография — как форма выражения — достаточно доступна в современном мире. Фотографировать может каждый. Однако не каждая фотография имеет определённую художественную ценность. И в этом плане конкурсная основа задаёт рамки и критерии снимку. Он не просто должен быть хорош в техническом плане, но и иметь определённое внутреннее содержание. И это содержание должно, с одной стороны, отражать реалии литературного произведения, а с другой — давать представление об авторском видении текста.

Осенью 2023 года студентами первого курса магистратуры направления «Русская литература» был организован конкурс фотографий «Поэты осени». В данном случае магистранты выступали в роли наставников. Они не только разработали базовую основу конкурса, но и обеспечили его сопровождение.

За основу была взята идея о том, чтобы почтить память поэтов, рождённых осенью. Это позволяло и актуализировать знания о жизни и творчестве персоналий, и обратиться к художественному слову.

Студентами-магистрантами было разработано информационное письмо для конкурса, предложен ряд поэтов, оговорены сроки проведения. К участию приглашались все студенты вуза, но приоритетными были первые курсы. Приоритет был не случаен. Таким образом магистранты надеялись инициировать обращение к литературе студентов-первокурсников бакалавриата именно Высшей школы русской филологии, у которых на этом курсе в программе обучения нет профильных дисциплин.

Важным составляющим конкурса было то, что автора и произведение участники выбирали самостоятельно. Так они получали большую самостоятельность в проявлении своей творческой реализации. Это одновременно и упрощало, и усложняло работу организаторов конкурса со снимками: уходил этап подбора произведений для участия при составлении информационного письма, однако увеличивалась работа при разработке критериев оценивания и дальнейшего анализа конкурсного материала.

Всего на конкурс было представлено восемь работ. Студенты выбрали следующие произведения и авторов: «Осень» Р. Гамзатова, «Пленный рыцарь» М. Ю. Лермонтова, «Глушь родного леса» и «В снегах» А. Блока, «Настанет день — исчезну я» и «Слово» И. А. Бунина, «Я счастлива жить образцово и просто» М. И. Цветаевой, «В поезде» С. Я. Маршака, «Осень» И. Тургенева.

Для оценивания подобного творческого задания организаторы конкурса разработали критерии. Так как конкурс предполагал интеграцию литературы и искусства фотографии, было важно сделать так, чтобы и критерии были интегрированного характера.

Работы участников оценивались по трём основным областям: фотография, текст, соотнесённость фотографии с текстом. Каждая область оценивалась по своим критериям, за которые ставились баллы. Так, фотография оценивалась по следующим критериям:

– плагиат: все фотографии проверялись на плагиат, и в случае нарушения авторских прав конкурсная работа автоматически не засчитывалась;

– соблюдение пропорций и композиция: оценивалось гармоничное соотношение целого и его частей, размещение объектов в кадре, их объединение для раскрытия идеи и сюжета;

– чёткость изображения: все объекты в кадре должны быть чёткими, без смазывания, если того не требует идея снимка;

– наличие подписей (их правильность): под фотографией или на ней обязательно должна присутствовать подпись (ФИО автора фотографии, академическая группа);

– наличие названия работы: конкурсная работа должна иметь общее название, и оно может быть размещено на самой фотографии, под ней или в заявке участника.

Текст оценивался по таким критериям, как:

– наличие ФИО автора;

– название поэтического текста.

Соотнесённость фотографии с текстом оценивалась по трём критериям:

– иллюстрация воспроизводит определённые участки поэтического текста или отображает его смысловые особенности;

– иллюстрация дополняет представления об объектах или явлениях, описанных в поэтическом тексте;

– цветовая гамма иллюстрации соответствует настроению поэтического текста или его определённой части.

Также работы участников оценивались дополнительными баллами по критериям, относящимся в большей степени к индивидуальной авторской интерпретации текста: креативность, новизна в прочтении, юмор.

После оценивания работ и распределения мест и номинаций состоялось награждение. Победителям и участникам конкурса были вручены дипломы и грамоты соответственно. Дизайн наградных бумаг был разработан организаторами специально для данного конкурса.

Сама демонстрация работ проводилась на интернет-площадке «ВКонтакте», в сообществе «Высшая школа русской филологии ТОГУ». Для этого организаторы обработали снимки участников и тексты, объединив их в одну картинку. Каждую работу они сопроводили комментарием.

Комментарий является важным компонентом при публикации конкурсных работ в социальных сетях. Выполнить комментарий можно либо в отдельной статье, обобщающей результаты проведённого мероприятия, либо в качестве поста к каждой конкретной конкурсной работе. При этом он должен носить аналитический характер.

Магистранты выбрали для комментария форму поста, таким образом придав каждой работе более индивидуальный характер.

Такие действия реализовали обратную связь между участниками и организаторами конкурса, позволив первым увидеть нюансы и сильные стороны своих творений, а вторым отработать навык анализа художественных произведений двух различных направлений: литературы и фотографии.

Так, при анализе фотоиллюстрации Ивана Реброва по произведению А. Блока «В снегах» был составлен следующий комментарий: «Работа Ивана — выдержанная, взвешенная по колористике, сначала кажется простой, даже банальной. Но… «Но» возникает почти сразу, при первом же прочтении стихотворения Александра Блока, по мотивам которого и сделан снимок. Даже не снимок — слепок. Одно слово “снежно” перетягивает на себя всю цветовую гамму стихотворения. Эту гамму Иван очень точно схватывает, достраивает, переосмысливает и выливает в точный, взвешенный образ. Характерно, что у Ивана внезапно, но очень логично лирическим героем на снимке выступает река. Это она — “В снегах”, все строки Блока — про неё. При этом и “корабль”, и “глубина” принадлежат этому — угаданному Иваном — лирическому герою.

Туманная же дымка вдалеке, заснеженные, обледенелые берега — всё это соотносится с образами “млечной ленты”, “вечности”, “темницы мира”. Эти образы просты и многозначны одновременно. Ивану удалось не только точно передать цветовую палитру стихотворения, но и переосмыслить его, не утратив самой сути. Браво, Иван!» [5].

Магистранты не только проанализировали работу участника, но и стихотворение, по которому она была сделана, соотнесли оба произведения друг с другом, проследили, как образы и основной смысл текста переданы в визуальном отражении и переосмыслены автором снимка.

Ещё один комментарий, на фотоиллюстрацию Матвея Кочмарёва по произведению И. Тургенева «Осень», выглядел так: «Осень можно представить по-разному. У одних — это яркое полотно, пёстрое и радостное. В стихотворении же Тургенева иной настрой. Этот настрой легко уловил Матвей: он словно идёт вслед за поэтом, и вот мы видим и “небо белое”, и тёмную хвою, и “холодный свет”. Смещая акцент на пустующий скворечник, Матвей острее обозначает взятый Тургеневым “грусти тихой” тон и выводит его в основу снимка» [8].

Анализируя работу и произведение, авторы комментария увидели, что положено в основу снимка и какими средствами передано. Они также отметили, что фотография скорее передаёт «тональность» стихотворения, а не его основную идею. Но так как снимок — это творческая интерпретация, то он может и не следовать за текстом буквально.

Комментарий к фотоиллюстрации Дарьи Громовской по произведению И. А. Бунина «Слово» тоже показывает эту тенденцию: «Работа Дарьи поражает глубокой художественностью. Нежные тона, свет, сочетание книги и цветов создают лирическое настроение снимка. И это на первый взгляд идёт вразрез с настроением, звучащим в стихотворении Бунина. Бунин начинает с “гробниц”. Но, несмотря на лирический тон, Дарья умело вплетает метафору о “недолговечности” жизни. Смещая фокус на книгу, оставляя живые цветы лишь её обрамлением, Дарья акцентирует внимание на том, что остаётся с нами надолго, а что уходит в забвение» [3].

Но, хотя студентка не следует буквально за текстом автора в своей работе, здесь прослеживается другая особенность. Авторы комментария отметили не единую тональность фотографии и текста, а метафоричность в «языке картины», за счёт которой реализуется основная мысль исходного текста.

В комментарии к фотоиллюстрации Софьи Коротковой по произведению С. Я. Маршака «В поезде» магистранты увидели, как два произведения могут дополнять друг друга, создавая более объёмное полотно: «Работа Софьи — своеобразное переосмысление стихотворения С. Маршака. Софья скорее идёт вслед за ритмом. Оттого в её фотографии столько света и тепла. Снимок передаёт трепет ожидания, надежду на встречу. В стихотворении же герой находится внутри поезда. Однако оба произведения словно дополняют друг друга: если в поезде кто-то едет, то, возможно, его где-то ждут» [9].

В комментарии к фотоиллюстрации Лидии Кузнецовой по стихотворению А. Блока «Глушь родного леса» магистранты отметили совпадение настроений стихотворения и фотоснимка. При этом они увидели и «фрагментарность» обращения Лидии к тексту — первоисточнику.

«В своей работе Лидия делает акцент на пейзажную часть стихотворения. Хорошо передана “Яркая завеса”: фотография насыщенная, создающая настроение. Тона синего и жёлтого создают атмосферу радости с ноткой печали. <...>

Интересно, что стихотворение Блока тоже построено на подобном контрасте: ямбы сообщают ему лёгкий, восходящий тон, а содержание — ту самую печаль» [7].

К фотоиллюстрации Татьяны Баум по стихотворению М. И. Цветаевой «Я счастлива жить образцово и просто…» магистранты составили следующий комментарий: «Главное достоинство работы Татьяны — потрясающая колористика. Тона абсолютно точно передают вот эти “луч” и “солнце”. Отдельно стоит упомянуть, что автор продумал позу “героини” снимка. Стараясь передать “стройность роста” за счёт ракурса съёмки, он, однако, не забывает про “взгляд”. За счёт такой компоновки легко читается, что “Дух — мой сподвижник”» [10].

В нём подчёркнуты сразу две особенности работы: колористика, поза и ракурс съёмки. Магистранты увидели, что через колористику автор делает акцент на определённые — ключевые для него — лексемы основного текста, а через позу и ракурс реализует образ лирической героини.

Интересен комментарий к фотоиллюстрации Карины Артемьевой по стихотворению И. А. Бунина «Настанет день — исчезну я…»:

«Пожалуй, это единственная работа в нашей подборке, сделанная с определённым юмором. Перед нами не что иное как комната общежития. И само это обстоятельство уже полностью соответствует теме стихотворения, ведь Бунин не говорит, что он умрёт. Он говорит “исчезну”, а это гораздо более многозначное понятие. Вот этой многозначностью и пользуется автор фотографии, сближая бунинские строки с настоящим днём и тем не менее сохраняя и общее настроение стиха в своей работе, и почти буквальное следование тексту» [6].

Магистранты отметили, что фото сделано с определённым юмором. Очевидно, здесь играет роль знание тех реалий, в которых сделан снимок. Именно это соотношение реальности и художественности изображения, дополненное заявленным текстом стихотворения, создаёт некий комичный эффект. В противном случае можно было бы говорить лишь о прямом следовании фотографа за текстом без его переосмысления, что не всегда хорошо в плане творческой интерпретации.

Совсем коротким, но ёмким получился комментарий к фотоиллюстрации Елизаветы Беленко по произведению М. Ю. Лермонтова «Пленный рыцарь»: «Работа Елизаветы называется “Каменный панцирь”. Именно так называет лирический герой свою тюрьму в стихотворении. В фотографии удачно передано тяжёлое, гнетущее ощущение от подобного “панциря”. Чётко передана атмосфера произведения, его общий тон.

Итак, перед нами колоннада Исаакиевского собора. Это в Санкт-Петербурге. И перед нами “Пленный рыцарь” Лермонтова» [4].

Магистранты увидели и то, что в качестве названия фотографии Елизавета берёт прямой образ из текста, и совпадение атмосферы и тональности обоих произведений. Комментарий интересен ещё и тем, что в последних своих строках, с одной стороны, сообщает потенциальному читателю о месте съёмки фотографии и актуализирует исходный текст, а с другой — оставляет эффект «открытого финала», давая возможность читателю самому додумать, как Исаакиевский собор соотносится и со стихотворением, и с личностью его автора.

Подведя таким образом итоги конкурса, магистранты не только реализовали свой наставнический потенциал, дав обратную связь всем конкурсантам, но и предоставили определённый дидактический материал для возможной работы по дисциплинам методики преподавания.

Проведение конкурса «Поэты осени» стало показательным опытом того, как педагоги-наставники, в нашем случае — магистранты, могут передать знания студентам бакалавриата, в частности первокурсникам, и помочь в формировании их навыков, компетенций, метакомпетенций и ценностей через неформальное взаимообогащающее общение.

Список использованных источников

1. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации : от 02.07.2021 № 400. — Текст : электронный // Сайт Президента России. Документы. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046.*
2. *Бровко, Ю. В. К вопросу об интеграции в обучении: теоретический аспект / Ю. В. Бровко // Книжная культура Дальневосточного региона: проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации : материалы IV Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием) / под общ. ред. О. Н. Александровой-Осокиной. — Хабаровск, 2022. — С. 165–168.*
3. *[Лауреаты конкурса «Поэты осени (Дарья Громовская)]. — Текст. Изображение : электронные // ВКонтакте. Группа «Высшая школа русской филологии ТОГУ». — URL: https://vk.com/wall-211345143_471 (дата обращения: 20.04.2024).*
4. *[Лауреаты конкурса «Поэты осени (Елизавета Беленко)]. — Текст. Изображение : электронные // ВКонтакте. Группа «Высшая школа русской филологии ТОГУ». — URL: https://vk.com/wall-211345143_475 Беленко (дата обращения: 20.04.2024).*
5. *[Лауреаты конкурса «Поэты осени (Иван Ребров)]. — Текст. Изображение : электронные // ВКонтакте. Группа «Высшая школа русской филологии ТОГУ». — URL: https://vk.com/wall-211345143_461 (дата обращения: 20.04.2024).*
6. *[Лауреаты конкурса «Поэты осени (Карина Артемьева)]. — Текст. Изображение : электронные // ВКонтакте. Группа «Высшая школа русской филологии ТОГУ». — URL: https://vk.com/wall-211345143_473 (дата обращения: 20.04.2024).*
7. *[Лауреаты конкурса «Поэты осени (Лидия Кузнецова)]. — Текст. Изображение : электронные // ВКонтакте. Группа «Высшая школа русской филологии ТОГУ». — URL: https://vk.com/wall-211345143_474 (дата обращения: 20.04.2024).*
8. *[Лауреаты конкурса «Поэты осени (Матвей Кочмарёв)]. — Текст. Изображение : электронные // ВКонтакте. Группа «Высшая школа русской филологии ТОГУ». — URL: https://vk.com/wall-211345143_462 (дата обращения: 20.04.2024).*
9. *[Лауреаты конкурса «Поэты осени (Софья Короткова)]. — Текст. Изображение : электронные // ВКонтакте. Группа «Высшая школа русской филологии ТОГУ». — URL: https://vk.com/wall-211345143_470 (дата обращения: 20.04.2024).*
10. *[Лауреаты конкурса «Поэты осени (Татьяна Баум)]. — Текст. Изображение : электронные // ВКонтакте. Группа «Высшая школа русской филологии ТОГУ». — URL: https://vk.com/wall-211345143_472 (дата обращения: 20.04.2024).*

Материал поступил в редакцию 22.04.2024.

Сведения об авторах:
Бровко Юлия Викторовна, магистрант Института лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: brovko-2019@list.ru.

Устимчук Ольга Александровна, магистрант Института лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: maihon@mail.ru.

ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА,
МИХАЙЛОВА АРИНА ОЛЕГОВНА

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРКОВ И САДОВ КАК ОБЪЕКТОВ ТУРИЗМА

В публикации рассматривается проектирование парков и садов как направление, которое смогло бы привлекать туристов в непопулярные туристические города. В результате проведённого исследования выявлены и обоснованы следующие тенденции: экологическая направленность, программирование общества (многофункциональные парки), вертикальные сады, высокотехнологичный подход, ленд-арт. Каждое из выявленных преимуществ подкрепляется существующим примером объектов, которые в свою очередь анализируются с точки зрения привлекательности внутреннего и внешнего туризма.

Ключевые слова: тенденции проектирования парков и садов, туризм, ландшафтный дизайн, озеленение, Дальний Восток.

Keywords: trends in designing parks and gardens, tourism, landscape design, greening, Far East.

Сегодня туризм, как внутренний, так и внешний, рассматривается как основной способ экономического и социокультурного развития регионов. Однако существует явная неравномерность в развитии туристической индустрии. В то время как некоторые города привлекают миллионы туристов, другие остаются практически незамеченными. Эта проблема становится особенно актуальной для городов, не пользующихся туристической привлекательностью, которые ищут способы привлечь туристов и повысить свою экономическую активность. Важной задачей для решения этого вопроса является планирование объектов, представляющих интерес для туристов. Один из перспективных подходов к решению этой проблемы заключается в проектировании новых парков и садов, а также оформление существующих зелёных зон с упором на современные тенденции.

Источники и материалы исследования представлены интернет-ресурсами и актуальными публикациями специалистов в области тенденций проектирования зелёных зон (парков и садов) и их влияния на развитие туризма.

Использование методов архивного и полевого исследования обеспечивает новизну научного результата, поскольку в публикации обобщаются разрозненные сведения о тенденциях паркостроения и выявляются наиболее приемлемые для адаптации к дальневосточным условиям.

Степень изученности проблемы определена обзором трудов И. З. Чхотуа — в области исследования стратегирования туризма Дальнего Востока [7], исследований Ю. В. Охотниковой, посвящённых реновации исторических парков Дальнего Востока [4], статей А. В. Корнилова, рассматривающих состояние лесных культур [3].

Всё это позволяет изучить тенденции, направленные на создание современных ландшафтных проектов, которые не только служат украшением городской среды, но также способствуют развитию туризма и социальной активности.

Парки в зарубежных странах привлекают туристов своим уникальным характером и атмосферой. Каждый из них обладает особенностями и притягивает по-своему. Они становятся брендом для своей территории, привлекая внимание туристов, и служат символами культуры и природы. Изучив международный опыт (21 парк и сад), уделяя особое внимание привлекательным с точки зрения туризма, мы выявили пять тенденций: экологическую направленность, программирование общества (многофункциональные парки), вертикальные сады, высокотехнологичный подход, ленд-арт.

Экологическая направленность — сохранение и восстановление существующих зелёных оазисов в каркасе города. Это помогает сократить затраты на уход за растениями и сохранить природный ландшафт. Данная тенденция демонстрирует бережное отношение к природе. Уделяется большое внимание местным растениям, которые адаптированы к климатическим условиям региона, менее подвержены болезням, поощряют насекомых и животных, обитающих в этом районе, поселяться здесь и обеспечивают им убежище [9].

Программирование общества (многофункциональные парки). Общественные пространства направлены на удовлетворение потребностей человека, обеспечение развлечений и доступности для всех возрастов. Зонирование территории парка является отражением его функциональности. Каждая из зон разрабатывается с учётом специфики определённой аудитории, в зависимости от её возраста, увлечений и потребностей [6].

Вертикальные сады. Ввиду ограниченных пространств в густонаселённых городах, возможности располагать раскидистые парки в горизонтальном пространстве не представляется возможным. На помощь приходит озеленение на вертикальных поверхностях: на стенах, заборах, зданиях. Использование вертикальных площадок позволяет сэкономить пространство и создать оригинальную архитектуру, которая вписывается в городскую среду [2].

Высокотехнологичный подход — использование передовых технологий, которые делают окружающую среду более экологически чистой и энергоэффективной. В настоящее время всё большую популярность набирают солнечные светильники. Они не только экономят энергию и снижают углеродный след, но и позволяют снизить количество проводов и шнуров, что делает дизайн парка более утончённым и эстетичным. Современные технологии дают возможность создавать интеллектуальные системы полива, которые регулируются автоматически в зависимости от погодных условий и потребностей растений. Это не только экономит воду, но и обеспечивает оптимальные условия для зелёных насаждений [8].

Ленд-арт представляет собой использование природных ландшафтов для создания уникальных художественных композиций. Основная концепция ленд-арта заключается в объединении природы и искусства, демонстрации глубокой взаимосвязи между человеком и окружающей его средой. Живые материалы, такие как растения, камни, песок и другие, превращаются в объекты творчества, при этом они сохраняют первоначальные формы. Произведения ленд-арта обычно создаются на свежем воздухе, в парках, на берегах рек, в лесах, на горных вершинах и других уникальных местах, где используются различные природные элементы [1].

Сводная таблица тенденций в зарубежном паркостроении.

Тенденция	Примеры	Особенности	Обозначение на карте
Экологическая направленность	Парк Treetop Walk Hamaren Activity Park. Местоположение: Норвегия, Файрсдал. Год основания: 2023 г. Авторы: EFFEKT. Протяженность дороги: 1 км	Прогулочная дорожка между верхушками деревьев	
Программирование общества	Парк Navy yards central green. Местоположение: США, Филадельфия. Год основания: 2015 г. Автор: бюро James Corner Field Operations. Площадь: 20 000 м^2		
Вертикальные сады	Культурный центр Caixa Forum. Местоположение: Испания, Мадрид. Год основания: 2008 г. Автор: Патрик Блан. Площадь стены: 10 000 м^2	На стене площадью 10 000 м^2 высажено около 15 000 растений 250 видов	
Высокотехнологичный подход	Shenzhen Shenwan Street Park. Местоположение: Китай, Шэньчжэнь. Год основания: 2019 г. Автор: бюро AUBE. Площадь стены: 11 600 м^2	Использование большого количества передовых технологий	
Ленд-арт	Parc de la Distance. Местоположение: Австрия, Вена. Год основания: 2020 г. Автор: Патрик Блан	Парк-лабиринт с высокими живыми изгородями	

Отечественный опыт

Западная часть России успешно адаптирует зарубежные тенденции и воплощает их в уникальных проектах. Один из ярких примеров — парк «Зарядье» в Москве, открытый в 2017 году, который объединил в себе все вышеперечисленные тенденции. Уникальность парка заключается в том, что на его территории представлены все климатические зоны России: залитые луга, степи, северные ландшафты и смешанные леса. Благодаря разнообразным перепадам высот парк имеет террасированную структуру. Он впечатляет своими архитектурными формами и объектами, такими как «Парящий мост», ледяная пещера, подземный музей и медиацентр. Открытая концертная площадка со смотровым амфитеатром, оборудованным стеклянным навесом, создаёт зону с регулируемым микроклиматом и вечнозелёными растениями. В парке не используются ограждения, бордюры и другие препятствия, а во всех переходах и павильонах установлены лифты, обеспечивающие беспрепятственный доступ для маломобильных групп населения. Для детей предлагается бесплатная игровая площадка с деревянными лазалками. В парке есть бесплатные зарядные устройства и Wi-Fi. Посетителям также доступны кафе, автоматы с напитками и закусками и гастрономический центр «Зарядье» [5].

***

В целом современные тенденции в парках и садах отражают важность учёта экологических аспектов, социальных потребностей общества и использования новых технологий. Они создают привлекательные и функциональные пространства, способствующие улучшению качества жизни и развитию туризма. Дальний Восток, с его уникальными природными ресурсами, может успешно внедрить эти тенденции и создать удивительные парки и сады, которые будут радовать гостей и местных жителей.

На основе анализа зарубежного и отечественного опыта сделан вывод, какие из тенденций применимы к паркостроению Дальнего Востока, в частности Хабаровска. Учитывая факторы риска (особенности дальневосточной природы): экстремальный климат, агрессивную среду, недостаток инфраструктуры и браконьерство, наиболее перспективными тенденциями для адаптации могут быть экологическая направленность, программирование общества и вертикальные сады. Высокотехнологичный подход ввиду недостаточного финансового обеспечения является маловероятным, а тенденция ленд-арта требует к себе бережного отношения со стороны погодных условий, а также человеческого трепетного подхода.

Список использованных источников

1. *Асланова, Э. Ленд-арт. Искусство в природных ландшафтах / Э. Асланова. — Текст : электронный // DESIGNERS STUDIOS : [сайт]. — 2022–2024. — URL: https://deziiign.ru/project/385049c3a939458c96c59cc1a4523492 (дата обращения: 17.03.2024).*
2. *Вертикальные сады — проекты будущего. — Текст : электронный // BonaVilla : [сайт]. — 2024. — URL: https://bonavilla.ru/stati/landshaftnyj-dizajn/vertikalnye-sady-proekty-budushhego/ (дата обращения: 20.03.2024).*
3. *Корнилов, А. В. Ландшафтно-экологическое озеленение парка «Зелёный остров» города Уссурийска Дальнего Востока / А. В. Корнилов, С. Е. Тлустая. — Текст : электронный // Молодой учёный. — 2018. — № 23 (209). — С. 267–269. — URL: https://moluch.ru/archive/209/51111/ (дата публикации: 10.06.2018).*
4. *Малиновская, Д. А. Организация пространства набережной микрорайона «Строитель» в Хабаровске / Д. А. Малиновская, Ю. В. Охотникова // Новые идеи нового века – 2012 : материалы Двенадцатой Междунар. науч. конф. ФАД ТОГУ. — Хабаровск, 2012. — Т. 2. — С. 52–56.*
5. *Парк Зарядье : офиц. сайт. — 2024. — URL: https://www.zaryadyepark.ru/ (дата обращения: 20.03.2024). — Текст, изображение : электронные.*
6. *Сочалин, О. Тренды благоустройства общественных пространств / О. Сочалин. — Текст : электронный // ARCHITIME.RU : [сайт]. — 2007–2024. — URL: https://www.architime.ru/s/trends_in_public_spaces.htm (дата обращения: 15.03.2024).*
7. *Чхотуа, И. З. Стратегирование туризма на Дальнем Востоке России / И. З. Чхотуа. — Текст : электронный // Стратегирование: теория и практика. — 2022. — № 3. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategirovanie-turizma-na-dalnem-vostoke-rossii (дата обращения: 29.04.2024).*
8. *The Top 5 Landscape Design Trends for 2023 = Топ-5 трендов ландшафтного дизайна на 2023 год. — Текст : электронный // DynaScape : [сайт]. — URL: https://www.dynascape.com/blog/top-landscape-design-trends/ (дата обращения: 17.03.2024).*
9. *Urban Park Design: Three Trends Worth Knowing = Дизайн городского парка: три тренда, которые стоит знать. — Текст : электронный // CR STUDIO DESIGN : [сайт]. — 2023. — URL: https://crstudiodesign.com/urban-park-design-trends/ (дата обращения: 15.03.2024).*

Иллюстрации предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 03.10.2023.

Сведения об авторах:
Михайлова Арина Олеговна, магистр Высшей школы архитектуры и градостроительства Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: arina_gayka@mail.ru; тел. 8-921-766-16-21.

Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 004249@pnu.edu.ru; тел. 8-962-500-05-97.

ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА,
ПАРФУТА ЭЛЬВИРА АРТУРОВНА

ТИХООКЕАНСКИЙ ФАСАД РОССИИ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

Выдвигается концепт Тихоокеанского фасада России — особого культурного ландшафта, сформированного на востоке русской Евразии в XVII–XX веках. Тихоокеанский фасад России позиционируется как «воображаемая реальность» (по Ю. Харари) — коллективное представление, имеющее потенциал переформатирования рассматриваемого региона. Сравниваются «воображаемые реальности», предъявляемые столичным культуртрегером («взгляд снаружи») и собственными наблюдениями, собранными в ходе натурных обследований. Ставится под сомнение существующий сегодня «звериный» (тигр — медведь) ассоциативный ряд, маркирующий восточные территории. Изображения хищных тотемных животных полностью замещают сегодня культурные, «человеческие» символы, укрепляя в коллективном представлении образ Дальнего Востока как «дикого», «первобытного» края, не затронутого цивилизацией.

Ключевые слова: Тихоокеанский фасад России, «воображаемая реальность», Хабаровск, Владивосток.

Keywords: Pacific facade of Russia, “imaginary reality”, Khabarovsk, Vladivostok.

Израильский визионер Юваль Харари восемь лет назад (в популярной книге 2016 г. «Краткая история человечества») выдвинул теорию о важности «воображаемых реальностей» для развития цивилизации: «Способность создавать воображаемую реальность… позволяет множеству незнакомых друг с другом людей работать вместе. Даже более того: поскольку широкомасштабное сотрудничество основано на мифе, способ сотрудничества можно изменить, изменив сам миф, то есть, рассказав иной сюжет» [5, с. 44]. Харари писал: «Из огромного разнообразия изобретаемых сапиенсами воображаемых реальностей складывается то, что мы нынче именуем культурами. Любая культура с самого момента своего возникновения непрерывно меняется и развивается, и это вечное движение мы называем историей» [5, с. 49].

Настоящая статья является результатом промежуточного этапа работы над магистерским исследованием, посвящённым формированию Тихоокеанского фасада России. Сам предлагаемый нами концепт «Тихоокеанского фасада России» (далее — ТФР) — типичный пример «воображаемой реальности»: он существует только в нашем «ментальном пространстве», но от этого не является менее достойным объектом исследования, чем материально существующие памятники культуры. Мы пытаемся сформулировать основные характеристики ТФР, выделить этапы его формирования и спрогнозировать перспективы развития.

Выдвинутая гипотеза. Визуализации русского присутствия на востоке Евразии, зафиксированная в узнаваемых архитектурных образах (казарма, церковь, офицерское собрание, вокзал, школа, Дом культуры), предлагается рассматривать как единый проект, реализовывавшийся на протяжении трёх столетий.

Постановка проблемы. ТФР складывается из материальных элементов культурного ландшафта (архитектурных и средовых объектов, дальневосточных пейзажей) и — не в меньшей, а возможно, и в большей степени — из «тихоокеанского дискурса» (как Петербург во многом является культурным продуктом классического «петербургского текста»). В отличие от Центральной России, южных и западных регионов страны и даже сибирских туристических локаций (главными из которых являются Алтай и Байкал), Дальний Восток остаётся «слепым пятном» на «ментальной карте» Родины. Большинство жителей материковой России, никогда не бывавшие в наших краях, имеют крайне туманные представления о тихоокеанских городах. В коллективном сознании отсутствует чёткая, понятная картинка, являющаяся убедительным образом Тихоокеанской России и всплывающая в памяти при любом упоминании региона (как, скажем, у каждого при словах «черноморское побережье» встают перед глазами беломраморные колоннады советских дворцов на фоне пальм). Для формирования узнаваемого образа Тихоокеанской России крайне важны визуальные репрезентации (самыми известными из которых являются банкноты в 200 и 5000 рублей с изображением символических объектов Владивостока и Хабаровска) и «дальневосточные нарративы».

Дальневосточные нарративы. Россия — традиционно литературоцентричная страна, авторитет печатного слова, даже сегодня — в эпоху гиперинформации — остаётся высоким (особенно для старшего поколения). Именно тексты конструируют для соотечественников «воображаемые реальности». Дальневосточное печатное слово почти не доходит до московских и петербургских читателей (за исключением книг Василия Авченко, практически в одиночку выстраивающего дальневосточный нарратив; о популярности В. Авченко свидетельствует то, что фрагмент его текста был выбран для Тотального диктанта в 2023 году). Однако не менее важен, чем взгляд изнутри, взгляд снаружи — объективная оценка стороннего наблюдателя, не отягощённого сантиментами и обязательствами «регионального патриотизма». Напомним, что классический корпус текстов о Владивостоке (получивших широкую известность благодаря издательству «Рубеж») написан в том числе и экспатами-иностранцами. Именно их глазами мы видим Владивосток начала XX века [1].

Поэтому легко представить себе энтузиазм, с которым мы приветствовали проект «Портреты русской цивилизации», стартовавший в середине марта 2024 года на страницах приложения к газете «Коммерсант Weekend». Проект призывал «думать географией» и обещал дать портреты нескольких десятков русских городов, двигаясь с востока на запад, начав с Тихоокеанского побережья.

Сегодня, когда мы пишем эти строки, опубликовано три статьи обещанного цикла: «Город в поисках центра» [2] (о Петропавловске-Камчатском), «Набросок города. Владивосток: освоение пейзажа зоной» [4] и «Город на парках. Хабаровск: победа деревьев над советским пространством» [3].

Автором цикла является один из главных архитектурных критиков страны — Григорий Ревзин, более четверти века выступающий медиатором между узкопрофессиональной архитектурной средой, представителями городских администраций / девелопмента и широкими массами, которым критик объясняет, как «понимать архитектуру». Культуртрегерскую роль Г. Ревзина трудно переоценить, но помимо журналистики он занимал серьёзные позиции в конструкторском бюро «Стрелка», по проектам и рекомендациям которого в течение последнего десятилетия были переформатированы общественные пространства в большинстве русских городов (например, для Хабаровска в КБ «Стрелка» был выполнен мастер-план, широко обсуждаемый сегодня в городе; в качестве примера типичного

стиля «Стрелки» можно привести реконструкцию хабаровской площади Блюхера в 2022–2023 гг.). Разумеется, нас не могло не заинтересовать намерение авторитетного московского журналиста донести до жителей России свои впечатления о дальневосточных городах.

Большинство дальневосточников в глубине души согласны с широко известным утверждением «Владивосток — лучший город земли!» и привычно умиляются его романтичной красотой. Однако у Г. Ревзина дальневосточная столица оставила довольно мрачные впечатления: «Существенная особенность Владивостока в том, что в нём почти нет того, что мы называем “сталинским городом”. Обычно в большом русском городе дореволюционные регулярные кварталы продолжаются довольно-таки величественными сталинскими, но тут эта часть истории как-то пропущена. Это не значит, что Сталин не отметился во Владивостоке — отметился, и ещё как, но иначе. Это был город лагерей, тут располагался Севвостлаг и Владивостокский пересыльный пункт, где формировались этапы на Колыму» [4]. Утверждение об отсутствии во Владивостоке достойного архитектурного наследия 1930-х – 1950-х годов нам кажется несколько спорным, достаточно вспомнить прекрасные приморские палаццо, возведённые по проектам архитектора А. И. Порецкова. Однако трагичное прошлое искажает у столичного журналиста оптику восприятия города, но, «возможно, это аберрация зрения, вызванная страхом лагерей». Он видит «восхитительный пейзаж, как на средневековых китайских свитках, только граница воды и неба отрихтована в стиле сталинского лагерей» [4]. Вот ещё характерные цитаты: «…честно сказать, мне кажется, что на самом деле память о лагерях прекрасно сохранилась во Владивостоке в виде тех самых жилых районов, которые Хрущёв построил на их месте. Пятиэтажки ведь внешне не очень отличаются от бараков, да и строили их строительные управления, образовавшиеся после реорганизации Дальстроя»; «…где этот особый лагерный этос отношений с землёй сохранился — это в гаванях Владивостока и на Второй Речке, где вся гавань — полусвалка-полупромзона» [4] и т. п. Такой взгляд на прекрасный русский город нам кажется, по меньшей мере, тенденциозным.

В заключении статьи Г. Ревзин внезапно пишет о том, что «Владивостоку необыкновенно повезло, там в конце XIX века была… очаровательная женщина» [4] Элеонора Прей, и хвалит её «изящный» памятник у почтамта. Это несколько странный выбор культурных героев Владивостока. Помимо американки Э. Прей, чей род деятельности вызывает некоторые вопросы, столичный журналист с горячим сочувствием описывает трагичную судьбу О. Э. Мандельштама. Однако заметим, что при всей любви к великому поэту вряд ли его можно считать ключевой фигурой «владивостокского нарратива».

Резюмируя вкратце впечатление о трёх первых статьях цикла «Портреты русской цивилизации», мы можем сделать вывод, что его автор восхищён диким великолепием дальневосточной природы и удручён безобразием существующей застройки. Исключение он делает для Хабаровска, характеризуя архитектуру его исторического центра как крепко-профессиональную. О Хабаровске Г. Ревзин пишет: «Город, загадочный тем, что он хорош» [3], недоумевая, как индустриальный постсоветский краевой центр, растянутый вдоль Амура на сорок километров («промзоны на половину или больше превратились в свалки металлолома, к ним примыкают военные части и микрорайоны хрущёвок и брежневок, тут и там бараки, сараи и гаражи, в центре площадь Ленина» [3]), производит впечатление «зажитого и довольного собой города». Объяснение этому Г. Ревзин видит в высоком проценте озеленения и, отвечая на самому себе заданный вопрос, «что же делать… с бесконечной “селитьбой”, с промзонами, с километрами бетонных заборов, с автовокзалами с рынками с шаурмой, с сараями продмагов и колониями гаражей — ведь нельзя же это всё снести, ведь это и есть русская цивилизация», предлагает по примеру Хабаровска «просто засадить всё деревьями — и будет тебе счастье». Заметим, что данная характеристика «русской цивилизации» кажется сомнительной.

Характерен выбор символических объектов Хабаровска, предложенный столичным журналистом: двадцатиметровый скелет кита (который показался Г. Ревзину «прародителем города»), тургеневская лестница, расписанная амурскими рыбами[1], памятник Е. П. Хабарову на привокзальной площади («работы Абрама Пейсаховича Мильчина», как бы намекающе уточняет Г. Ревзин), руины мельницы у Амурского моста (который Г. Ревзин называет «Домом архитектора» и «самым известным зданием города») и, конечно, сам гигантский мост через Амур. Фраза о том, что «тут и там натыкаешься на больших каменных обезьян», привела жителей города в лёгкое недоумение, так как, кроме пары маленьких обезьянок у краеведческого музея, ничего больше на ум не приходит. В тексте упоминаются два «сильных памятника войне», храм Серафима Саровского («нарисованный, кажется, с рериховской церкви Святого духа в Талашкино») и «сексапильный» памятник «Даме с собачкой» «в платье с разрезом до бедра и декольте без бретелек» (о существовании которого не подозревают многие горожане).

Статья в «Коммерсанте» горячо обсуждалась хабаровчанами, и нельзя сказать, что они в массе были польщены вниманием московской знаменитости. Постоянные отсылки к «каторжному» разбойничьему прошлому, намёки на «чисто

1 Заметим, что роспись, сделанная десять лет назад местной ячейкой Центра прикладной урбанистики, давно не существует.

сибирский сдвиг, пограничное состояние», хорошо ощутимое, по мнению Г. Ревзина, в городе, неожиданно благосклонное упоминание бывшего мэра Хабаровска Соколова вызывают подозрение, что статья написана журналистом по воспоминаниям десятилетней давности. Однако в целом это очень полезные тексты, позволяющие дальневосточникам взглянуть на свои города со стороны. При этой «смене оптики» обнаруживается, что ценным и интересным здесь оказывается только природа. Надо сказать, что самопрезентация региона даёт к этому определённые основания.

От тотемизма к модерну: переформатирование традиционного символического ряда

Вернёмся к текущей реальности. Сегодня основными символами Дальнего Востока являются тигр и медведь. Бесконечное воспроизведение этих тотемных животных и вместе, и порознь всюду окружает дальневосточников, транслируется за пределы региона с помощью мерча и визуальных образов, формируя устойчивый «звериный» (тигр — медведь) ассоциативный ряд, маркирующий восточные территории.

Летучий медведь — первое, что видят гости Хабаровска, выходящие из зоны прилёта нового Хабаровского аэропорта имени Г. И. Невельского, открывшегося осенью 2019 года. Образ «дружелюбного» медведя, персонифицирующего «одомашнивание», «приручение» Wild East, широко используется в интерьерах аэропорта.

Медведица с форелью в зубах (скульптурная группа с неофициальным названием «Здесь начинается Россия») — самый узнаваемый образ Камчатки — встречает гостей полуострова на дороге из аэропорта Елизово в Петропавловск-Камчатский. Готовый к атаке, замерший в напряжённой позе тигр изображён на гербе Владивостока; тигриные образы разной степени реалистичности множество раз воспроизведены в городском искусстве приморской столицы — от бронзовых тигрят на Пушкинской набережной (самый фотогеничный и растиражированный арт-объект Владивостока) до многочисленных муралов и образцов «наивного» (вернакулярного) творчества.

Весь туристический мерч, продающийся в зонах вылета региональных аэропортов и сувенирных магазинах, посвящён исключительно природной уникальности Дальнего Востока (киты, вулканы, тайга, дикая флора и фауна). Изображения хищных тотемных животных полностью замещают сегодня культурные, «человеческие» символы, укрепляя в коллективном представлении образ Дальнего Востока как «дикого», «первобытного» края, не затронутого цивилизацией. Отчасти этот «территориальный брендинг» работает на имидж региона как территории экологического, природного и экстремального туризма, но подобная маркетинговая стратегия исключает Дальний Восток из общероссийского большого нарратива, оставляя не востребованным и не осмысленным роль наших городов как тихоокеанских форпостов державы. Заметим, что в советскую эпоху делались попытки уйти от образа «Дикого Востока» (по аналогии с американским «Диким Западом»). Самым характерным примером этой новой семантики служит герб Комсомольска-на-Амуре, где на фоне восходящего солнца молодой «Прометей» раздвигает руками дремучую тайгу. Однако в постперестроечный период имидж «дикого края» оказался более коммерчески привлекателен, именно он усердно воспроизводится сегодня.

Не настаивая на преимуществах предложенного «геополитического» концепта Тихоокеанского фасада России, мы склонны считать, что постоянное артикулирование «дикости» и «первобытности» региона не способствует укоренению здесь вестернезированного населения, особенно молодого поколения, ориентированного на преимущества комфортной и благоустроенной городской жизни.

Список использованных источников

1. *Прей, Э. Л. Письма из Владивостока, 1894–1930 / Э. Л. Прей ; пер. с англ. А. А. Сапелкина. — 3-е, доп. и испр. изд. — Владивосток : Рубеж, 2011. — 462 с.*
2. *Ревзин, Г. И. Город в поисках центра. Петропавловск-Камчатский: самая дальняя точка России / Г. И. Ревзин // Коммерсантъ-Weekend. — 2024. — 15 марта.*
3. *Ревзин, Г. И. Город на парках. Хабаровск: победа деревьев над советским пространством / Г. И. Ревзин. — Текст : электронный // Коммерсантъ-Weekend, 12.04.2024. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/6636891.*
4. *Ревзин, Г. И. Набросок города. Владивосток: освоение пейзажа зоной / Г. И. Ревзин. — Текст : электронный // Коммерсантъ-Weekend, 29.03.2024. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/6596735.*
5. *Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. — Москва : Синбад, 2016. — 520 с.*

Материал поступил в редакцию 22.04.2024.

Сведения об авторах:
Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент Высшей школы архитектуры и градостроительства Института архитектуры, строительства и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 004249@pnu.edu.ru.

Парфута Эльвира Артуровна, магистрант Высшей школы архитектуры и градостроительства Института архитектуры, строительства и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 2018101498@pnu.edu.ru.

ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА,
КОНФЕДЕРАТОВА ЭЛИНА ВИКТОРОВНА

ЧАСТНЫЙ ДОМ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья суммирует результаты начального этапа магистерского исследования. На основе фотобанка, собранного при натурном обследовании хабаровских субурбий, автору ищут связь хабаровского загородного жилья с исторической дачной культурой России.

Ключевые слова: индивидуальный жилой дом, дача, посёлок, субурбия, средовой дизайн, частный сектор, инфраструктура.

Keywords: individual residential house, cottage, village, suburbia, environmental design, private sector, infrastructure.

В настоящее время наблюдается повышенный спрос на индивидуальное жильё. Осуществляется ряд государственных программ по поддержке индивидуального жилищного строительства и предоставления земель под него, среди них: Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ, который позволяет получить земельный участок для строительства индивидуального жилого дома, Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ, разрешающий получить регистрацию места жительства на территории садового товарищества, проект «Дом дальневосточника», реализация которого происходит в рамках распоряжения губернатора Хабаровского края от 08.12.2021 № 1215-рп (граждане региона могут заключить договор с подведомственным министерству лесного хозяйства и лесопереработки Хабаровского края учреждением на оказание услуги по заготовке и распиловке древесины с получением деревянных комплектующих для строительства дома).

Для начала следует разобраться в понятии «субурбии». «Субурбия» происходит от двух латинских слов: sub («под») и urbem («город»). Схожий термин «субурбанизация», возникший в XX веке, обозначает отток городского населения в пригород, где более комфортные условия проживания. Таким образом, можно сделать вывод, что субурбии сегодня — это пригород с развивающейся инфраструктурой.

С учётом развития крупных городов можно предположить, что часть сегодняшних субурбий — это завтрашний город и его среда. Поэтому грамотное планирование и стилистический облик данных территорий крайне важны.

Горожане за городом. Исторический очерк

Почему же часть городских жителей предпочитает работать в городе, а жить за его пределами? Важно вернуться к истории и рассмотреть первые примеры образования посёлков для сезонного проживания. На протяжении всей истории Руси часть людей жила в собственных домах. Однако с развитием крупных городов появился новый тип жилья — многоквартирный дом.

Несмотря на, казалось бы, комфорт, развитую инфраструктуру, транспортную доступность, часть жителей стремится работать и учиться в городе, а жить за его пределами.

Впервые горожане начали массово покидать городские квартиры на летний период во время активного роста и урбанизации Москвы и Санкт-Петербурга — в XIX веке. Тогда особой популярностью пользовались дачи как временное сезонное жильё за городом.

Самые первые дачи сдавались крестьянами в аренду горожанам. Это была традиционная жилая изба, в которой проживали крестьяне. Но на период найма крестьяне переселялись в амбар или уезжали на заработки в город. Планировка такой избы, представлявшая в большинстве случаев единое просторное помещение, не отвечала запросам «городских дачников». Поэтому крестьяне стали прорубать окна и сооружать внутренние перегородки. Начинается активное взаимодействие горожан и крестьян, которое повлияло как на первых, так и на вторых. Крестьяне получили отличную возможность заработать. Не только аренда жилья, но и продажа продуктов, предоставление услуг приносили крестьянству хороший доход. Также шёл мощный культурный обмен между сословиями.

Позже начали возводить дачные дома специально под сезонное использование. Важнейшим атрибутом стали терраса и веранда, на которых устраивались ежедневные чаепития. Они превращались в настоящую церемонию, которая берёт свои корни из Англии.

Особый расцвет дач и дачных посёлков начался со строительством железной дороги во второй половине XIX века.

Интересной особенностью дачного сезона горожан было то, что большинство из них переезжало за город со всеми своими вещами, включая мебель и предметы декора, не оставляя за собой городскую квартиру. Такой переезд, именуемый в некоторых вариациях «вавилонское переселение», происходил в первых числах мая. Множество ломовых извозчиков перевозили огромные поклажи. Дачный сезон обычно длился с мая по октябрь. 9 мая по новому стилю считалось днём открытия дачного сезона. Устраивались карнавальные шествия, балы, праздники и фейерверки.

Европейским влиянием была обусловлена популярность физкультуры и спорта. В дачных посёлках появляются площадки для тенниса, крокета, футбола. Также дачники активно осваивают велосипед. Начинает популяризироваться купание в открытых водоёмах и реках. Для этого возводятся специальные купальни для женщин и пирсы. Мужчины в то время осваивают рыбную ловлю.

Таким образом, формируются определённая культура и эстетика и в архитектуре дачных посёлков.

Посёлок Сокольники периода середины XIX – начала XX века. Москва. Исторический анализ

«Наш Болонский лес» — именно так называли за хвойную заповедную рощу посёлок, располагавшийся в пригороде Москвы. Сокольники имели собственную развитую инфраструктуру: электрический трамвай, керосиновое освещение, павильоны с различным функционалом. Здесь преобладала деревянная архитектура с резными элементами, отсылающими нас к традиционному деревянному зодчеству Древней Руси. Весь посёлок был выдержан в едином стилистическом направлении.

Символическим сердцем Сокольников был храм во имя святителя Тихона Задонского. Он возводился дважды.

Изначально был построен на Майском проспекте (1863 г., архитектор — П. П. Зыков), но быстро обветшал и в 1875 году был возведён вновь по проекту архитектора А. А. Семёнова.

Ещё одно культовое строение посёлка — деревянный резной павильон с кружевами в русском стиле (1883 г., архитектор — Д. Н. Чичагов). Павильон находился на Сокольничьем кругу, его возведение было приурочено к коронации императора Александра III. Просуществовал до 1956 года.

Желание жить в индивидуальном жилом доме появилось у людей с начала развития крупных городов. Также за весь период истории сформировался и опыт проживания, проектирования и строительства такого жилья. Можно отследить тенденцию по активному использованию псевдорусского стиля с обилием деревянной резьбы. Даже сегодня не редкость встретить деревянный дом или дачу, украшенную резным деревянным карнизом или ставнями.

Сооружения в Сокольниках: а) храм во имя Тихона Задонского, б) царский павильон, в) дача Анны Александровны Азанчевской

Можно сделать вывод, что исторические усадьбы внесли большой вклад в культурный и архитектурный образ сегодняшних субурбий. Проекты, разработанные профессиональными архитекторами, формируют в глазах современников образ усадьбы, элементы которого копируются по всей стране.

Посёлки, имеющие чёткую планировочную организацию и внутреннюю инфраструктуру, значительно превосходят хаотичную застройку.

Рассмотрев пример организации классического дачного посёлка начала XX века, попробуем выяснить вероятность использования этого опыта в реалиях Хабаровска.

Ситуационный анализ города Хабаровска и его окрестностей

Город имеет вытянутую форму, и практически по всему его периметру в процессе роста и развития образовывался частный сектор (субурбии), постепенно входящий в городскую структуру. Застройка в субурбиях ведётся хаотично, здесь нет комфортной планировки, инфраструктуры и архитектурного облика. Тем не менее данные территории имеют значительный потенциал в связи с растущим спросом на индивидуальное жильё. Практически весь Хабаровск окружают дачные посёлки и садовые товарищества, которые тоже имеют большой потенциал для развития города.

В качестве примера типичной хабаровской субурбии рассмотрим застройку по улице Шелеста. Проводя её визуальный анализ, можно

Разнообразие застройки вдоль улицы Шелеста в Хабаровске, ноябрь 2022 года

Дачная застройка около села Ровное, Хабаровский край. Балкон и терраса — атрибуты дачной культуры

заметить диссонанс как в архитектурном облике строений, так и в их техническом состоянии, что, несомненно, разрушает облик города и привлекательность района для его потенциальных новых жителей.

Если посмотреть на современные постройки, то они совершенно разностилевые и зачастую не сочетаются с соседней архитектурой. Более ранние постройки, наоборот, имеют схожий стилистический облик и отсылают нас к псевдорусскому стилю за счёт использования резных элементов, хоть и в весьма ограниченном количестве.

Анализ дачной застройки в окрестностях Хабаровска (1950-е – 1970-е гг.) выявил более раскрепощённую (относительно частного сектора) архитектуру. Преобладают террасы и балконы как атрибуты исторической дачной культуры. В дачной застройке присутствуют деревянные резные элементы, воспроизводящие паттерны подмосковной дачной архитектуры начала прошлого века

Дерево как основной строительный материал можно встретить как в жилых домах для постоянного проживания, так и в сезонной дачной архитектуре. Также дерево активно используется в малых архитектурных формах (ограды, беседки, подсобные постройки и пр.), расположенных на усадебных участках. Оно позволяет передать различные стилистические направления. Можно сделать вывод, что строительство из дерева и сегодня вполне актуально.

Дальний Восток сегодня является территорией опережающего развития, что предполагает привлечение новых кадров в регионы. Необходимо расширять жилой фонд. Малоэтажное строительство — отличный вариант жилого фонда для дальневосточников.

Опираясь на исторический и ситуационный анализ, можно сделать вывод, что грамотный подход к проектированию жилого дома и прилегающей инфраструктуры наиболее привлекательны для будущих жильцов. Тренды, заданные архитекторами начала XX века, копируются и расходятся по всей стране и существуют и по сегодняшний день.

Таким образом, разработка серии проектов «Дом дальневосточника» — сегодня перспективное направление. А фирменный дальневосточный стиль в архитектуре может стать брендом региона.

Список использованных источников

1. *Виганд, К. П. Мелкое жилищное строительство в Америке / К. П. Виганд, Г. Н. Суханов ; ВСНХ. — Москва : Гос. техн. изд-во, 1929. — 71, [1] с.*
2. *Дом дальневосточника. — Текст : электронный // Сайт Хабаровского края. Министерство лесного хозяйства и лесопереработки Хабаровского края. — URL: https://les.khabkrai.ru/Deyatelnost/Lesopromyshlennyj-kompleks/Dom-dalnevostochnika.*
3. *Клычков, С. Дачные Сокольники / С. Клычков. — Текст : электронный // Россия 4D : [портал]. — URL: https://russia4d.ru/magazine/0102-2017/dacnye-sokolniki.html (дата публикации: 01.02.2017).*
4. *Субурбия: пригород американской мечты в условиях реальности. — Текст : электронный // MENTAMORE : информационно-познавательный портал. — URL: https://mentamore.com/socium/suburbiya.html (дата публикации: 19.08.2018).*
5. *Чесноков, Е. Сокольники дачные: что было и что стало / Е. Чесноков. — Текст : электронный // Русский блогер. — URL: https://rblogger.ru/2018/01/25/sokolniki-dachnyie-chto-byilo/ (дата публикации: 25.01.2018).*

Фотографии предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 22.04.2024.

Сведения об авторах:
Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент Высшей школы архитектуры и градостроительства Института архитектуры, строительства и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 004249@pnu.edu.ru.

Конфедератова Элина Викторовна, магистрант Высшей школы архитектуры и градостроительства Института архитектуры, строительства и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 2011023094@pnu.edu.ru, тел.8-924-300-34-44.

БЕЛЫХ АННА СТАНИСЛАВОВНА

ВКЛАД Н. И. ГРОДЕКОВА В ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Н. И. ГРОДЕКОВА

Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова основан в 1894 году по инициативе председателя Приамурского отдела Императорского Русского географического общества Николая Ивановича Гродекова (1843–1913 гг.). Благодаря его личному участию пополнялись коллекции музея. В настоящее время в музее хранится 54 предмета, собранных Николаем Ивановичем и подаренных музею.

Ключевые слова: Гродековский музей, Гродековская коллекция, Н. И. Гродеков, Приамурский отдел Императорского Русского географического общества, председатель ПО ИРГО, деревянная резная скульптура, скульптура, пушечная батарея, скелет кита финвала, скелет морской коровы Стеллера.

Keywords: Grodekovsky Museum, Grodekov collection, N. I. Grodekov, Priamursky Department of the Imperial Russian Geographical Society, Chairman of the Priamursky Department of the Imperial Russian Geographical Society, wood carved sculpture, sculpture, gun battery, fin whale skeleton, Steller's sea cow skeleton.

В 1894 году был создан Приамурский отдел Императорского Русского географического общества. Инициатором создания ПО ИРГО выступил Василий Николаевич Радаков (1836–1910 гг.), военно-медицинский инспектор Приамурского военного округа, активно занимавшийся зоологическими и антропологическими исследованиями, который обратился к генерал-губернатору Приамурского края Сергею Михайловичу Духовскому с докладной запиской о необходимости появления на Дальнем Востоке отделения географического общества.

С. М. Духовской выразил согласие о необходимости создания приамурского учёного общества, в задачи которого входило бы всестороннее изучение природных условий, быта и нравов народов восточных окраин Российской империи. По предложению генерал-губернатора председателем образованного молодого Приамурского отдела ИРГО был избран Николай Иванович Гродеков (1843–1913 гг.), его первый помощник, а директором музея — В. Н. Радаков.

Н. И. Гродеков деятельно принялся за создание естественно-исторического музея в Хабаровске. Он инициировал комплексные экспедиции, поддерживал исследователей, посвятивших время изучению новых территорий и народностей региона. Поощрял жителей края, по долгу службы бывавших в различных командировках, доставлять этнографические предметы в музей. Распоряжения Гродекова с просьбой поучаствовать в комплектовании коллекции хабаровского музея рассылались по городам Приморской, Амурской, Забайкальской областей, на остров Сахалин.

Портрет Н. И. Гродекова, генерал-губернатора Приамурского генерал-губернаторства. Автор неизвестен. Начало XX века. Передан Гродековскому музею Л. Л. Вержбицким, потомком Н. И. Гродекова (из собрания Гродековского музея, ХКМ КП 12133)

В 1898 году, несмотря на назначение на высокий пост приамурского генерал-губернатора, оставление поста председателя ПО ИРГО, Н. И. Гродеков продолжал заботиться о развитии музея. Так, по настоянию Николая Ивановича в коллекцию музея поступили материалы, собранные первым приамурским генерал-губернатором бароном А. Н. Корфом, наказным атаманом Забайкальского казачьего войска Е. О. Мациевским, начальниками Анадырского округа Н. Л. Гондатти, Корсаковского округа И. С. Вологдиным, Александровского округа С. Н. Таскиным, чиновником особых поручений при приамурском генерал-губернаторе П. П. Шимкевичем, командирами стрелковых и казачьих подразделений и многими другими.

Благодаря Н. И. Гродекову было положено начало собиранию основных коллекций музея: естественнонаучной, историко-бытовой, археологической, нумизматической.

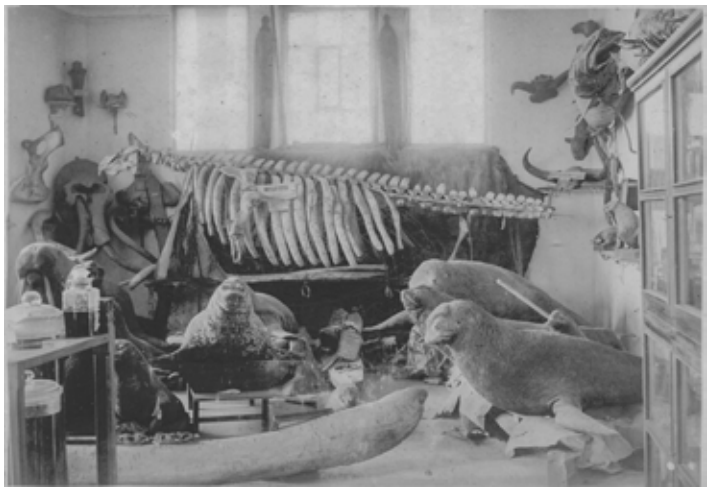
Первые объекты естественнонаучной коллекции поступили в собрание музея в год его основания. В мае 1894 года в музее числилось «…по зоологии до 450 номеров, не считая 15 ящиков с коллекциями насекомых и до 100 банок со спиртовыми препаратами, …по ботанике 3 гербария…» [3, л. 2].

В конце XIX – начале XX века при участии Н. И. Гродекова в коллекцию поступают предметы, ставшие впоследствии своеобразной визитной карточкой музея. В 1897 году поступил уникальный предмет — практически полный скелет морской коровы Стеллера, приобретённый у алеута Трифона Синицына[1].

В 1900 году граф Генрих Гугович Кейзерлинг, глава мощной промышленной организации «Тихоокеанское китобойное и рыбопромышленное общество гр. Г. Г. Кейзерлинга и К°», передал в дар музею скелет кита финвала, второго по величине животного планеты из ныне живущих. Скелет кита прибыл в Хабаровск из Владивостока уже в начале 1901 года. В конце 1902 года скелет собрали на железном основании. Длина его в собранном виде составили 20 метров. Экспонировали его под открытым небом вплоть до 2008 года. В настоящее время

Трифон Иванович Синицын (из собрания Гродековского музея, ХКМ КП 8019/24)

1 Согласно исследованию Н. А. Татаренковой, Трифон Иванович Синицын (ок. 1844 или 1837–1918) «был известной личностью». «Прославился» главным образом уникальными находками костей морской коровы. Первый скелет (без хвостовой части) был продан им в Зоологический музей Академии наук Петербурга. В 1884 г. Синицын получил за эту находку медаль «за неутомимые труды и усердие» при поисках остатков морской коровы. В настоящее время собранные Т. И. Синицыным скелеты хранятся в музеях мира: в Петербурге, Вашингтоне, Эдинбурге, Львове.



Скелет морской коровы Стеллера в «Рыбном отделе» экспозиции музея. Снимок из альбома А. П. Лукина «Старый Хабаровск». 1903 год (из собрания Гродековского музея, ХКМ КП 7042/28)

скелет кита демонстрируется в закрытой галерее Музея Амура.

Формирование музейной этнографической коллекции началось в 1893–1894 годы, когда шла подготовка к созданию музея. Предметы собирались со всей территории российского Дальнего Востока. Народы каждой административно-территориальной единицы из состава Приамурского генерал-губернаторства должны были быть представлены в естественно-научном музее Хабаровска — столице Приамурского генерал-губернаторства. В сборе и пополнении коллекций участвовали главные начальники края и различные чиновники. Согласно сохранившимся в архиве музея сопроводительным письмам к передаваемым коллекциям, спискам, составленным В. К. Арсеньевым по горячим следам, удалось выявить имена первых дарителей музей.

Одним из первых жертвователей стал барон А. Н. Корф (1831–1893 гг.), первый приамурский генерал-губернатор. В списке ранних поступлений, составленном В. К. Арсеньевым, значится, что А. Н. Корф передал в музей предметы народов Чукотского полуострова: модель ловушки на медведя, стрелы для охоты на мелких животных и стрелы с двойным остриём, костяные наконечники для гарпунов и копий, каменную чашку, мешочек из кожи нерпы, музыкальные инструменты и другое.

В 1894 году начальник Корсаковского округа И. С. Вологдин переслал в адрес музея зимнюю одежду айнов, населявших остров Сахалин: обувь киро, шапку хачка [2, л. 53].

Поручик Н. Д. Кузьмин передал в музей предметы быта удэгейцев, собранные в ходе проведения рекогносцировки местности в бассейне реки Бикин охотничьей командой 7-го батальона 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. В числе переданных предметов были люлька, детская кроватка, предметы рукоделия (доска, ножи для работы с берестой), сумочка из бересты, берестяные коробочки, модели лодок, нарт, лыжи, атрибуты шаманов и т. п. [2, л. 48–49].

В 1895–1896 годы чиновник особых поручений при приамурском генерал-губернаторе П. П. Шимкевич (1862–1920 гг.) собрал для музея интересную коллекцию по этнографии эвенков, якутов, негидальцев, нанайцев.

В 1897 году начальник Александровского округа С. Н. Таскин, в том числе выполнявший обязанности окружного начальника на Сахалине, передал в музей предметы быта айнов: лук со стрелами, ложки, деревянные блюда, макеты — всего 18 предметов [2, л. 196].

По распоряжению Н. И. Гродекова в 1896 году эвенкийская мастерица изготовила специально для музея «ковер, рисунки на котором изображают быт тунгусов Охотского округа, и пару туфель из шкурок птиц, водящихся в Охотском округе» [2, л. 220]. Ковёр был преподнесён в дар музею в связи с завершением строительства первой очереди собственного здания для музея.

Скелет кита финвала. Снимок из альбома А. П. Лукина «Старый Хабаровск». 1903 год (из собрания Гродековского музея, ХКМ КП 7042/25)

Ковёр «Быт тунгусов», выполненный неизвестной эвенкийской мастерицей. 1896 год (ХКМ КП 32)

Во второй половине 1896 года обширную коллекцию по культуре чукчей подарил музею начальник Анадырской округи Н. Л. Гондатти (1860–1946 гг.). В коллекции, согласно списку, значились одежда, орудия промысла и бытовые предметы, модели средств передвижения и шкуры диких животных. В 1898 году Николай Львович пополнил коллекцию музея: прислал три ящика вещей, среди которых «кухлянки из мохнатых и голых пыжиков, кухлянки из выпоротков; штаны из недоростей и нерпичьих шкур» и многое другое [2, л. 119].

Начало коллекции стран Азиатско-Тихоокеанского региона связывают с поступлением в музей предметов быта из Японии. В 1895 году в ответ на просьбу Н. И. Гродекова, «выраженную в телеграмме», А. Мейстер передал музею «посуду и одежду японских рабочих» [2, л. 151].

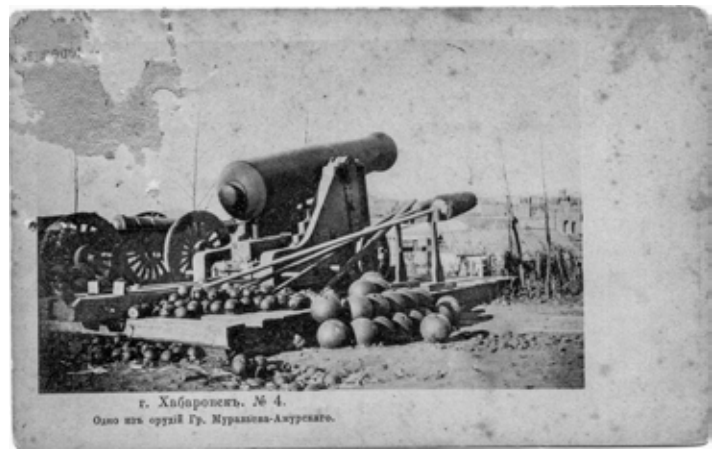
Уже к началу 1896 года экспонаты по культуре Японии, Китая и Кореи вместе с этнографическими предметами составляли 1012 номеров. В 1896 году музей пополнился ценными предметами, принадлежавшими королевской семье Кореи, в частности картиной, вышитой придворными дамами корейской королевы [2, л. 141–142]. В апреле – июне 1897 года Кузмин пожертвовал музею 50 предметов «из жизни Кореи» [2, л. 196], а во второй половине 1897 года А. С. Богданов, сын известного хабаровского купца, пожертвовал китайскую медную вазу для свечей на жертвеннике из г. Баян-сусу на реке Сунгари — китайский ритуальный храмовый котёл для свечей [2, л. 4 (об). – 5 (об.)].

К началу XX века в общих чертах оформилась и нумизматическая коллекция музея. В 1905 году состоялась первая музейная нумизматическая выставка, представлявшая посетителям русские монеты и ставшая постоянной частью экспозиции. Сам Н. И. Гродеков пожертвовал музею 114 монет и 83 марки государств Дальнего Востока и Европы [2, л. 194]. Информация о судьбе коллекции, к сожалению, не известна.

Н. И. Гродеков считал необходимым иметь для показа хабаровской публике предметы, связанные с освоением Приамурского края, отражающие героическую историю возвращения реки Амур России в середине XIX века.

В первую очередь Николая Ивановича интересовало оружие и предметы обмундирования времён Н. Н. Муравьёва-Амурского.

По представлению Приамурского военного окружного совета в 1895 году хабаровскому музею ПО ИРГО на безвозмездной основе предоставлены предметы вооружения с артиллерийского склада времён графа Муравьёва-Амурского. Главное условие — осуществить перевозку орудий, лафетов и снарядов не за счёт казны. Согласно копии ведомости, приложенной к письму на имя начальника канцелярии Главного артиллерийского управления от 28 ноября 1895



Пушечная батарея музея. Почтовая фотооткрытка. 1904 год (из собрания Гродековского музея, ХКМ КП 7893/2)

года, со склада Николаевской крепостной артиллерийской команды было отпущено:

«1. 3-х пудовая бомбовая пушка весом 420 пуд. отливки 1855 г.

2. Береговой лафет с колесами для 3-х пудовой пушки.

3. 36-ти фт. пушка весом 303 пуда отливки 1855 г.

4. Деревянный лафет 12-ти фн. пушки.

5. Передок к лафету 12-ти фн. пушки. <…>

9. 10 патронов к 7 линейн. нарезн. драгунским ружьям. <…>

11. 10 патронов к ударным пистолетам» [2, л. 121–122].

Помимо этого, из Хабаровского окружного артиллерийского склада было передано по четыре трёхпудовых ядра и бомбы и один тесак, из Читинского окружного артиллерийского склада — ударный пистолет.

Однако военный совет постановил, что музею можно «отпустить» всё вооружение времён начала освоения Приамурского края с Хабаровского артиллерийского склада, а с Николаевского только номера 2, 3, 9, 11 согласно списку ведомости. Остальные орудия и лафеты, указано в письме, «согласно распоряжению командующего войсками округа, потребно для вооружения Николаевской береговой батареи…» [2, л. 121–122, 136].

В начале 1896 года Н. И. Гродеков разослал по казачьим войскам письма и телеграммы с просьбой прислать образцы старого казачьего оружия и обмундирования времён графа Н. Н. Муравьёва-Амурского.

Обмундирование для музея было подготовлено казаками Забайкальского казачьего войска, о чём сообщил в письме Н. И. Гродекову Е. О. Мациевский.

По распоряжению Е. О. Мациевского специально для показа в музее г. Хабаровска «построены чекмень с шароварами в трех экземплярах: один конного казака с напатронниками, другой артиллериста и третий — пешего урядника; папаха пешего, фуражка конного казака и один… кушак».

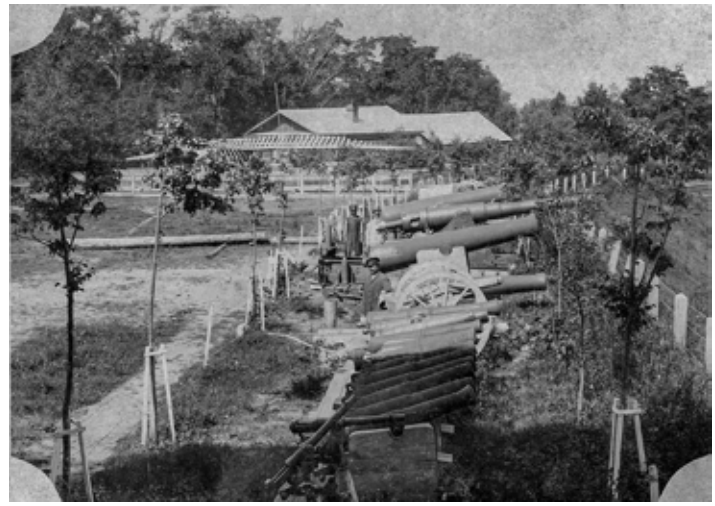
Хабаровский краеведческий музей. Фотография из альбома с видами Хабаровска фотографа Эмиля Нино. 1896–1897 годы

Шаровары старого образца достать не удалось, поэтому по распоряжению Е. О. Мациевского принято решение доставить в музей образцовые шаровары. Из средств канцелярии войскового правления на «постройку обмундирования» было выделено 70 рублей, компенсировать затраты должен был ПО ИРГО. Доставку обмундирования осуществлял подполковник Белькович [2, л. 139, 163, 171]. Осталось неизвестным, была ли казачья униформа времён первых сплавов доставлена в музей, так как на этом переписка обрывается. С 1953 года, после введения новых книг поступления основного и научно-вспомогательного фонда, выше перечисленные предметы не упоминаются.

В сентябре 1897 года Е. О. Мациевский отправил в музей по просьбе Н. И. Гродекова два ружья старых систем, бывших на вооружении казаков в прежние времена [2, л. 216]. «Две винтовки с принадлежностями к ним: одна из них системы Карле и другая семилинейная» были присланы в музей в ноябре 1897 года из пос. Камень-Рыболов Приморской области. Более того, командир Уссурийского казачьего дивизиона войсковой старшина Токманов уверил председателя ПО ИРГО Ивана Павловича Надарова, что в скором времени пришлёт в музей и другое оружие старого образца, «если таковое будет у населения дивизиона» [2, л. 225]. Однако Н. И. Гродеков запретил отбирать оружие, находящееся в собственности у казаков, и просил прислать в хабаровский музей лишь образцы, хранящиеся в арсеналах [2, л. 242].

В 1897 году Н. И. Гродеков обратился в Хабаровское окружное артиллерийское управление с просьбой «уступить» хабаровскому музею «двух медных единорогов: полупудового и горного». Военный совет разрешил безвозмездно передать музею два орудия с окружного артиллерийского склада [2, л. 184].

В том же 1897 году по указанию Н. И. Гродекова в музей доставили несколько пушек из старой цинской крепости Люйшунькоу (Порт-Артур), в том числе шестидюймовую, отлитую в Германии в 1860 году в крепости Шпандау. Пушка была установлена на пушечной батарее близ здания музея. В начале 1990-х годов в музей обратились специалисты Западно-Берлинского музейного комплекса «Цитадель» с просьбой предоставить пушку во временное пользование для экспонирования на площадке музея. С 1992 по 1997 год пушка пребывала в Германии, где был отреставрирован из местных пород дерева лафет. В настоящее время пушка установлена на верхнем ярусе площадки с другими образцами оружия времён графа Муравьёва-Амурского, появившимися в собрании музея благодаря стараниям Н. И. Гродекова.



Пушечная батарея на территории музея. Начало XX века

В летний период 1901 года музею была пожертвована деревянная пушка, сооружённая по проекту начальника 2-й дистанции II участка водных путей Амурского бассейна А. Калюжного в станице Черняевой Амурского казачьего войска в июле 1900 года для защиты телеграфной линии от Покровки до Благовещенска от китайцев [2, л. 790–792].

В 1895 году надворный советник Я. С. Ожегин, смотритель Николаевского продовольственного I класса магазина Приамурского военного округа, пожертвовал музею барельеф графа Н. Н. Муравьёва-Амурского. По словам Я. С. Ожегина, барельеф был изготовлен художником Цейзиком ещё при жизни Н. Н. Муравьёва-Амурского, «экземпляр весьма редкостный», так как был выпущен ограниченным тиражом и имел «чрезвычайное сходство с покойным графом», поэтому был представлен публике в специальной витрине, посвящённой деятельности Н. Н. Муравьёва-Амурского [2, л. 75–76].

Среди поступлений 1894 года, согласно списку, значились гипсовая скульптура троекратно провинившегося арестанта, прикованного к тачке [3, л. 29], а также модель приискового вагончика Ниманской золотопромышленной компании [2, л. 70].

По распоряжению Н. И. Гродекова в музей присылали образцы строительных материалов, используемых традиционно местными жителями при строительстве хозяйственных и жилых построек в Южно-Уссурийском крае, а также образцы современных материалов (кирпичи, цемент), употребляемых при постройке кирпичных зданий и железнодорожной дороги в Забайкалье.

В августе 1894 года начальник изысканий Забайкальской железной дороги инженер Г. В. Адрианов передал для музея через ПО ИРГО бочонок портландского цемента, приготовленного из залегающих в Забайкалье материалов, образцы «сырых материалов, послуживших для приготовления цемента» (известняк и глину), образцы обожжённого цемента, послужившие для испытания сопротивления его на разрыв, «на схватывание» и определения «нормальной консистенции», а также «технический отчет о приготовлении портландского цемента в Забайкалье, в связи с соображениями об устройстве цементных заводов в Приамурском крае» [2, л. 43].

Посылки с пожертвованиями приходили на имя самого Н. И. Гродекова. На одном из сопроводительных писем от поручика 8-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона А. И. Гавронского Гродеков поставил резолюцию: «Написать благодарств. письмо. Гродеков» [2, л. 154]. Среди архивных документов, содержащих информацию о переданных в дар музею предметах и коллекциях, хранятся копии писем, выполненные на кальке, с благодарностью за произведённые дары от имени председателя ПО ИРГО Н. И. Гродекова. Стоит отметить, что жертвователи получали как личную благодарность Николая Ивановича, так и благодарственные письма от имени совета Приамурского отдела ИРГО [2, л. 19, 181–183, 187, 193, 198, 199, 200, 200а, 201, 211, 212–215].

Н. И. Гродеков считал, что в Приамурье нужна картинная галерея. Академия художеств передала Хабаровскому музею 7 картин и 27 гравюр, чем было положено начало художественному собранию. На пожертвования самого генерал-губернатора в 1902 году было приобретено 15 картин и 6 гипсовых слепков. Из-за нехватки места в музее коллекция была помещена в Хабаровской женской гимназии.

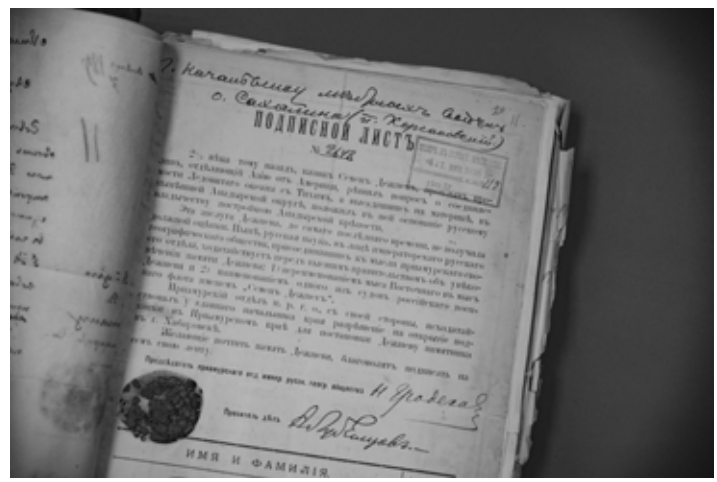
В 1900 году музей принял участие во Всемирной выставке в Париже. За представленную уникальную коллекцию ПО ИРГО получил золотую медаль.

Николай Иванович Гродеков не только отдавал распоряжения о пополнении коллекций музея, рекомендовал исследователям передавать собранные во время экспедиций и командировок энтомологические, этнографические, историко-бытовые предметы, но и сам был активным жертвователем. Судя по сохранившимся в архиве музея спискам, Н. И. Гродеков передавал музею образцы одежды, продукции Китая, чучела животных, иностранные монеты, документы и фотографии по строительству Уссурийского

Экспозиция музея. 1905 год

участка Транссибирской железнодорожной магистрали и другое. К сожалению, не все коллекции сохранились в собрании музея до настоящего времени в силу различных объективных причин. Многие предметы утратили первоначальную маркировку, данную при поступлении. Не сохранились учётные документы конца XIX века. Часть предметов, вследствие ненадлежащих условий хранения, была утеряна, часть пришла в негодность и была уничтожена в 1932–1936 годы членами приёмо-сдаточных комиссий коллекций музея, что отмечалось в специальных актах [1, л. 18–19]. Ревизии музейных коллекций производились и в последующие годы. Так, например, коллекция стран АТР пострадала в 1960-е годы в связи с ухудшением отношений с КНР.

В настоящее время выявлено 54 предмета, которые Н. И. Гродеков передал на хранение в музей, они были



Подпись Н. И. Гродекова на подписном листе по сбору средств на памятник в честь землепроходца С. Дежнёва

условно определены как Гродековская коллекция. Именно эти предметы и будут представлены в подготовленном музеем каталоге[2]. На них сохранились старые учётные номера, они упоминаются в приёмо-сдаточных актах 1930-х годов. 51 предмет — коллекция резной традиционной китайской скульптуры.

В конце 1896 года Н. И. Гродеков взял отпуск и отправился в путешествие по странам Восточной Азии. В Шанхае он приобрёл специально для музея прекрасную коллекцию деревянной резной скульптуры (ХКМ КП 10453). Фигурки изображали сцены жизни китайских жителей. Всего Николай Иванович приобрёл в магазине торговца Пан Фан Тая около 90 скульптур, но к 1935 году 17 фигур было утеряно [1, л. 15–25]. Оставшиеся скульптуры получили значительные повреждения.

Скульптуры из коллекции Гродекова. Конец XIX века

2 Речь идёт о каталоге «Гродековская коллекция в собрании Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова», который ХКМ планирует издать до конца 2024 г.

Условно скульптуры можно разделить на несколько групп, отражающих обычаи и традиции, занятия местного населения Дайцинской империи. Фигуры людей и животных изображены в динамичных позах и представляют небольшие зарисовки из жизни: показывают рождение семьи, отдых, повседневные занятия городского населения, средства передвижения, кустарные производства, быт сельского населения Китая.

В этот же период Н. И. Гродеков передал в музей китайскую декоративную вилку с искусно вырезанным изображением дракона (ХКМ КП 10450) и деревянный роликовый массажёр с шариком (ХКМ КП 10452) (в учётных документах значится как «предмет неизвестного назначения»).

В 1925 году заведующий Хабаровским уездным отделом народного образования передал в музей серебряную «сахарницу». Согласно дарственной надписи, серебряный сосуд с крышкой стал маньчжурским подарком Н. И. Гродекова «маленьким монашкам Хабаровского девичьего монастыря». Предмет имеет фигурную форму, на стенках — прочеканенные изображения живописных картин с рыбами, раками, черепахами, со съёмной крышкой, венчает конструкцию ручка в виде объёмной фигуры извивающегося дракона. Сосуд имел ритуальное назначение, но, изъятый из среды бытования, превратился с лёгкой руки Николая Ивановича в сахарницу: «Пусть монашкам живется так же сладко, как сладок сахар в этой сахарнице», — гласит надпись на боковой стенке сосуда. Подарена она была на самом деле не монашкам одного из монастырей Хабаровска, как долгое время были уверены исследователи, а учащимся Хабаровской женской гимназии. На дне крышки и сосуда помещена аббревиатура — первые буквы «Х.Ж.Г.». И хотя предмет не был лично подарен музею Н. И. Гродековым, но как знаковый, имеющий непосредственное отношение к личности Николая Ивановича, обладающий важным историко-культурным значением, отнесён нами к Гродековской коллекции.

Сахарница, подаренная Н. И. Гродековым Хабаровской женской гимназии

Несмотря на чрезвычайную занятость Н. И. Гродекова, занимавшего с 1893 года сначала должность помощника генерал-губернатора при С. М. Духовском, а с 1898-го возглавившего Приамурское генерал-губернаторство, он принимал деятельное участие в организации музея и пополнении его коллекций. К сожалению, за 130-летнюю историю развития музея были утрачены письменные свидетельства, подтверждающие принадлежность тех или иных предметов к Гродековской коллекции. Однако включённые в каталог вещи считаются знаковыми, отражают интересы первого председателя ПО ИРГО.

Список использованных источников

1. *Акт приёмо-сдаточной комиссии 1935 г. // Хабаровский краевой музей. Оп. 1. Д. 285. Л. 15–25.*
2. *Документы о коллекциях музея. 1958–1915 гг. : собраны В. К. Арсеньевым // Хабаровский краевой музей, книга поступлений 7872. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1.*
3. *Приамурский отдел Императорского Русского географического общества // Государственный архив Хабаровского края. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1.*

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 15.01.2024.

Сведения об авторе: Белых Анна Станиславовна, главный хранитель Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: annakitezh@gmail.com.

ВОРОПАЕВА АЛЕКСАНДРА ВАЛЕРЬЕВНА

ПОДГОТОВКА К ОБОРОНЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО В 1854 ГОДУ: ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ СБОРНИКА «ПЕРЕПИСКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ С РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ С 1852 ПО 1872 ГГ.»

Статья подготовлена в рамках прикладного научного исследования Дальневосточной государственной научной библиотеки «Редкие и ценные документы в системе сохранения исторической памяти». В ней рассмотрены четыре письма генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва, касающиеся обороны Петропавловска-Камчатского в 1854 году.

Ключевые слова: Крымская война 1853–1856 годов, Петропавловская оборона 1854 года, рукописные документы, Н. Н. Муравьёв, Е. В. Путятин, Г. И. Невельской, Н. И. Шарыпов.

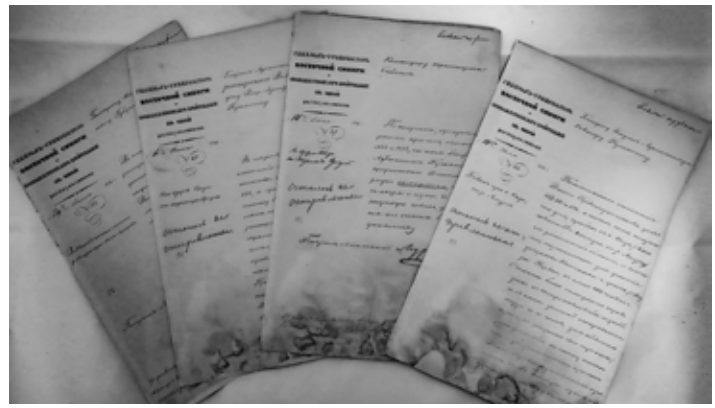
Keywords: Crimean War of 1853–1856, siege of Petropavlovsk of 1854, handwritten documents, N. N. Muravyov, Ye. V. Putyatin, G. I. Nevelskoy, N. I. Sharypov.

170 лет назад, в августе 1854 года[1], во время Крымской войны 1853–1856 годов, объединённая англо-французская эскадра попыталась захватить Петропавловский порт[2] на Камчатке. В российском правительстве давно видели растущую угрозу нападения иностранцев на полуостров. Ещё в 1848 году генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьёв начал там строительство военных укреплений. А в 1853 году, узнав о начавшейся войне с Турцией, он обратился к великому князю Константину Николаевичу с просьбой разрешить сплав войск по Амуру для защиты его устья и Камчатки. Разрешение было получено, и 14 мая был отдан приказ отправиться в поход [8, с. 22–24].

В воды Амура флотилия вступила 18 мая. Во главе каравана судов, состоявшего из пяти лодок, четырёх вельботов, 18 баркасов, 13 барж, восьми плашкоутов и 29 плотов, был первый на Амуре пароход «Аргунь». На судах и плотах было размещено до тысячи солдат и казаков [7, с. 309].

12 июня пароход прибыл в Мариинский пост[3]. Н. Н. Муравьёва на «Аргуне» не было, и ожидавший его капитан 1-го ранга Г. И. Невельской отправился навстречу генерал-губернатору. Увидеться они смогли 14 июня в семи верстах от Мариинска. Невельской доложил о состоянии постов на Амуре и Сахалине, о находящихся в Де-Кастри[4] судах «Диана», «Иртыш», «Байкал» и «Восток». Также он рассказал о планах генерал-адъютанта Е. В. Путятина в случае нападения неприятельской эскадры.

Муравьёв приказал для защиты Петропавловска немедленно отправить из Кизи[5] в Де-Кастри на судах «Иртыш» и «Двина» 350 человек и орудия, сотню казаков и два горных орудия оставить в Мариинском посту, а всё остальное сплавить в Николаевский пост[6] [8, с. 25].



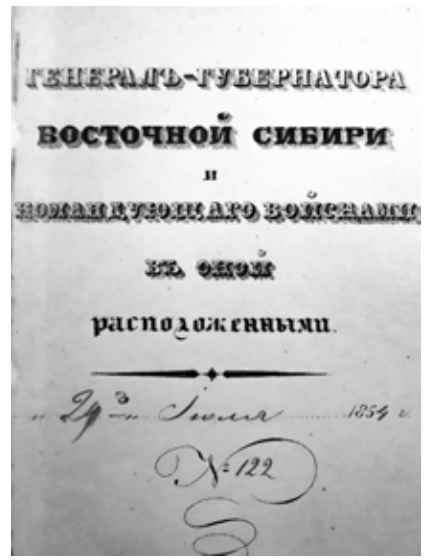
Письма Н. Н. Муравьёва

В Дальневосточной государственной научной библиотеке хранится сборник архивных материалов «Переписка Главного управления Восточной Сибири с разными лицами с 1852 по 1872 гг.». В нём — четыре письма, относящихся к обороне Петропавловска-Камчатского в 1854 году, написанных генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым.

На всех письмах слева в верхнем углу имеется печатный штамп «Генерал-губернатора Восточной Сибири и командующаго войсками в оной расположенными».

Первое письмо под номером 66 датировано 15 июня 1854 года и адресовано генерал-адъютанту Е. В. Путятину. Написано оно на биваке при селении Кизи на Амуре. На письме имеются пометки: «весьма нужное» (чернилами) и «осталось не отправленным» (простым карандашом). В нём Н. Н. Муравьёв сообщает, что прибыл в Кизи из Забайкальской области с войсками, назначенными для усиления защиты Камчатки и устья Амура, и отдаёт распоряжения:

…Первые, в числе 400 человек, должны быть немедленно перевезены в Петропавловский порт, а с ними должен отправится туда и я сам, для надлежащих, к защите сего пункта, распоряжений, поэтому имею честь убедительнейше просить Ваше Превосходительство прислать в Де-кастри один из фрегатов, сколь можно поспешите, ибо усиление Петропавловского гарнизона не терпит ни малейшего отлагательства. По всем изложенным, в вышесказанных отношениях Вашего Превосходительства, предметам, а также и по другим, до защиты портов и берегов России в здешней стране, относящихся, я имею самую крайнюю необходимость видеть-



Угловой штамп Н. Н. Муравьёва

1 Даты приводятся по старому стилю.

2 Сегодня г. Петропавловск-Камчатский.

3 Мариинский пост (ныне с. Мариинское) был расположен на правом берегу Амура, в северо-восточной части озера Большое Кизи, являлся важной перевалочной базой для судов, приходящих из Верхнего Амура: следуя по озеру, можно было подойти почти вплотную к Татарскому проливу в районе бухты Де-Кастри.

4 Де-Кастри (сегодня пос. в Ульчском районе Хабаровского края) — поселение, основанное в 1853 г. на берегу залива Де-Кастри (сегодня залив Чихачёва). Залив представляет собой удобное естественное убежище для судов.

5 Кизи — крупное пресноводное озеро в Ульчском районе Хабаровского края в бассейне Амура. Глубина озера — 3–4 м, площадь — около 280 км. С Амуром оно соединено несколькими протоками, от Татарского пролива отделено узкой полоской суши длиной 8,5 км.

6 В августе 1850 г. российский мореплаватель Г. И. Невельской основал первое на Амуре военно-административное поселение — Николаевский пост. К весне 1854 г. это был уже небольшой посёлок. Для прибывающих судов была построена пристань. В 1856 г. Николаевский пост был преобразован в город, получивший название Николаевск.

ся с Вашим Превосходительством и отправился бы ныне же, на транспорте Байкал, сам в Императорскую гавань, но плаванье это, на парусном судне, может продолжиться несколько дней, а между тем я должен немедленно здесь же распорядиться лично, как распределением прибывших команд, так и назначением постройки для них зданий и укреплений, которые будут производится во время плавания моего в Камчатку; по всему этому я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, если не изволите признать это для себя затруднительным, прибыть в гавань Де-кастри, и если уже прибыли в Императорскую гавань фрегаты Диана или Аврора, то приказать им следовать в гавань Де-кастри, вместе с Палладою, которая, может быть, по ветхости, будет подлежать обезоружению, а артиллерия оной поступит для защиты устьев р. Амура. Впрочем дальнейшие распоряжения будут зависеть от совещаний моих с Вашим Превосходительством, которые не терпят отлагательства, так как война с Англией и Францией уже объявлена.

Два запечатанных пакета, от Его Высочества Генерал-Адмирала, к Вашему Превосходительству при сем имею честь препроводить.

Генерал Лейтенант Муравьев.

Следующее письмо под номером 67 написано Муравьёвым также 15 июня на озере Кизи, уже на пароходе «Аргунь». Оно адресовано командиру транспорта «Байкал»[7]. В записке он просит как можно скорее доставить предыдущее письмо адресату:

По получении, препровождаемого при сем, пакета, за № 66 и 1608, на имя Генерал Адъютанта Путятина, предписываю Вашему Благородию немедленно сняться с якоря и идти в Императорскую гавань, для доставления сего пакета Его Превосходительству.

Генерал Лейтенант Муравьев.

Командиром транспорта «Байкал» в то время был подпоручик Никита Ильич Шарыпов[8]. Он вёл дневники, где записывал практически ежедневно о происходящих событиях. Так, 13 июня он сначала сдал часть груза в находящийся в заливе Де-Кастри Александровский пост, затем, сойдя на берег, сдал Невельскому до 62,5 тысячи рублей серебром, получил квитанцию и инструкцию для следования в Императорскую Гавань за свежими депешами и за пароходом «Восток». На судно он вернулся 14 июня в 5 утра и сразу же вышел в море, но из-за порывистого ветра встал на якорь. В 17 часов с берега подошёл вельбот с приказом вернуться в пост, так как было получено уведомление о прибытии генерал-губернатора Восточной Сибири в Кизи. В Императорскую Гавань плыть не пришлось — 15 числа прибыл пароход «Восток», за которым посылали «Байкал». Подробностей о происходившем 15 и 16 июня в записях нет. Судя по пометке «осталось не отправленным», письмо Муравьёва не передали Шарыпову, и «Байкал» оставался рядом с Александровским постом [9, с. 20].

16 июня Муравьёв вновь написал Е. В. Путятину (письмо под номером 68)[9]:

В следствии почтеннейших отношений Вашего Превосходительства, от 25 Мая за №№ 227 и 236, я приказал, сего же числа, Капитану 1го ранга Невельскому сделать, немедленно, надлежащее распоряжение, чтобы командир транспорта Байкал сдал весь, имеющийся у него, сухопутный провиант, всю морскую провизию, без исключения, по назначению Вашего Превосходительства, на одно из находящихся в распоряжении Вашем, судно, в число требуемой, выше означенными отношениями, провизии.

Транспорт же Байкал, по сдаче провианта и нагрузке вместо оной баласта, должен следовать немедленно в Петровское зимовье, для исполнения, возложенных на него важных и не терпящих отлагательства поручений.

Генерал Лейтенант Муравьев.

Известно, что 18 июня Шарыпов получил предписание от Невельского взять на транспорт 46 кулей муки и семь бочек крупы и немедленно следовать в Императорскую Гавань, сдать там весь груз и идти в Петровское зимовье, где оставаться до 10 июля [9, с. 20].

До Императорской Гавани транспорт «Байкал» шёл 10 дней. 28 июня Шарыпов встретился там с К. Н. Посьетом[10], который передал указания Муравьёва о пути следования транспорта. С 1 июля «Байкал» следовал за фрегатом «Паллада». 15 июля корабли стали на якорь возле мыса Лазарева. С Муравьёвым Шарыпов встретился 27 июля. Генерал-губернатор пришёл на пароходе «Аргунь», и Шарыпов отправился к нему с рапортом. Муравьёв был внимателен к капитану и пригласил на чай. 29 июля генерал-губернатор посетил транспорт «Байкал», нашёл его в хорошем состоянии, поблагодарил капитана и команду за всю прошедшую службу и пообещал награду. По приказу

7 Транспорт «Байкал» был построен в 1848 г. для доставки грузов в Петропавловск для Российско-Американской компании. Первым командиром был капитан-лейтенант Г. И. Невельской, который на «Байкале» сделал открытия, оказавшие огромное влияние на освоение Приамурского и Уссурийского краёв, — он доказал, что Сахалин является островом, а устье Амура судоходно. «Байкал» затонул в 1871 г. в бухте Золотой Рог Владивостока.

8 Шарыпов Никита Ильич (1891–1873 гг.) — русский мореплаватель, участник Амурской экспедиции 1849–1855 гг.

9 На письме также имеется карандашная пометка «осталось не отправленным».

10 Посьет Константин Николаевич (1819–1899 гг.) — выдающийся деятель русского флота, принимал участие в экспедиции вице-адмирала Е. В. Путятина на фрегате «Паллада» в качестве старшего офицера и переводчика документов русско-японского мирного договора.

генерал-губернатора Шарыпов сдал на фрегат «Диана» всю провизию, а с парохода «Аргунь» взял два вельбота для ремонта. Генерал-губернатор на «Аргуне» отправился в Николаевск. С 31 июля транспорт стал готовиться к походу, для помощи в работе получил 10 человек Оренбургского линейного батальона и пять матросов с «Паллады». 4 августа вернулся генерал-губернатор и приказал следовать «Байкалу» по лиману.

13 августа 1854 года, проплыв по сахалинскому фарватеру, корабль подошёл к Петровскому посту — главной базе Амурской экспедиции. Генерал-губернатор находится уже там. В честь транспорта «Байкал» было сделано с берега пять пушечных выстрелов [9, с. 31]. Это было поздравление с благополучным проходом через лиман — «Байкал», большое парусное судно, первым прошёл из Татарского пролива в Охотское море. Это стало значимым событием для всех. Вот как Шарыпов описывает реакцию Муравьёва и Невельского: «Его Высокопревосходительство только что завидел меня, ещё в прихожей подбежал ко мне вместе с г. Невельским; во-первых, спросил, всё ли благополучно, и три раза поцеловал, потом спросил, сколько раз становился на мель при проходе по лиману, я отвечал — ни разу; опять три раза поцеловал, и, наконец, на вопрос — в продолжение скольких дней были под парусами — я отвечал: с 5 по 13 августа, по нескольку часов в сутки — ещё три раза поцеловал; после того г. Невельской также начал меня целовать. В зале, где это происходило, было до 15 человек, в том числе 2 дамы, и все были в величайшем восторге, и в особенности генерал и Невельской от того, что “Байкал” прошёл через лиман благополучно; то есть первое парусное судно» [9, с. 32].

После этого Муравьёв приказал следовать Шарыпову в Петропавловск. Письмо камчатскому военному губернатору (номер 122) Муравьёв написал ещё 29 июля 1854 года, когда он находился в южной части лимана Амура у мыса Лазарева:

В следствие сделанных мною распоряжений, о которых словесно донесет Вам Командир транспорта Байкал, покорно прошу Ваше Превосходительство немедленно приступить к приготовлению тысячи пуд сухарей с тем, что бы количество это непременно было готово к Октябрю месяцу. Настоящее предписание мое посылается Вам дупликатом чрез другие суда.

Генерал Лейтенант Муравьев.

15 августа «Байкал» загрузился 113 кулями муки, принял на борт пассажиров и 16 августа отправился в Аян. 18 августа транспорт прибыл в порт, где уже находился генерал-губернатор. Там никто ещё не знал, что 17 августа англо-французская эскадра подошла к Петропавловску и на следующий день совершила нападение на гарнизон. Муравьёв попросил Шарыпова поместить на корабль как можно больше скота. 21 августа, приняв скот (25 быков) и бумаги, корабль отправился к берегам Камчатки. 1 сентября на меридиане мыса Лопатка «Байкал» встретил шхуну «Восток», с которой предупредили, что в Авачинской губе находятся четыре трёхмачтовых судна «неизвестной нации», а на Маячном мысе видны, вероятно, английские солдаты в красных мундирах [9, с. 35].

Со шхуны на транспорт перенесли почту, и «Байкал» взял курс на Большерецк[11]. Капитан опять сделал невозможное: «Я… стал править во 2ой Курильский пролив, куда в прежние годы ни одно судно не смело показать носу и даже страшно было подумать, чтобы пройти 2м проливом; но при этих обстоятельствах сделалось всё возможным, тем более в военное время» [9, с. 37].

12 сентября транспорт встал на якорь недалеко от Большерецка, двух человек отправили в селение для получения сведений о Петропавловске. Тем временем команда корабля пыталась в тяжёлых погодных условиях перевезти почту на сушу. 22 сентября приехали люди из Большерецка, но из-за высоких волн они смогли попасть на судно только на следующий день. 23 сентября Шарыпову вручили предписание камчатского генерал-губернатора следовать в Петропавловск. 1 октября корабль достиг порта, и капитан встретился с губернатором В. С. Завойко [9, с. 40]. Груз был «сохранён в совершенной целости»[12]. «Байкал» остался на зимовку в Петропавловском порту и вошёл в состав камчатской эскадры.

Таким образом, в 1854 году транспорт «Байкал», отправленный Н. Н. Муравьёвым на Камчатку, не принимал прямого участия в обороне Петропавловска, но, исследуя лиман, он подготовил пути для русской эскадры, которые были неизвестны вражеским судам и благодаря которым в 1855 году наши корабли благополучно скрывались в них от неприятеля.

На Камчатке о готовящемся нападении знали с весны 1854 года и предполагали, что прибудут два или три судна неприятеля — через китоловные суда было хорошо известно о малочисленности и незащищённости города [2, с. 6]. Также за год до описываемых событий в городе обосновались девять американцев, которые бежали с китоловного судна. Предполагалось, что и от них вражеская эскадра имела подробную информацию о численности наших сил и об оборонительных возможностях — после поражения эскадра забрала их с собой [2, с. 37].

В первом письме от 15 июня 1854 года Муравьёв приказал Е. В. Путятину немедленно отправить в Петропавловский

11 Большерецк, или Большерецкий острог — бывшее селение на западном побережье полуострова Камчатка, после 1928 г. прекратило своё существование.

12 Скот пробыл на транспорте 40 суток, пережил несколько морских передряг.

порт 400 человек, а в Де-Кастри прислать один из фрегатов, так как «усиление Петропавловского гарнизона не терпело ни малейшего отлагательства». Первый сплав по Амуру завершился в конце июня на озере Кизи. В итоге в бухту Де-Кастри через узкую полоску суши были переправлены груз и суда. Оттуда подкрепление пришло на Камчатку: 24 июля военный транспорт «Двина» доставил в Петропавловск 350 солдат Сибирского линейного батальона, две двухпудовые мортиры и 14 пушек 36-го калибра. К концу июля гарнизон порта насчитывал 988 человек.

В том же письме Н. Н. Муравьёв упоминает фрегаты «Аврора», «Диана» и «Паллада» и просит Е. В. Путятина отправить их в гавань Де-Кастри. Учитывая непростую обстановку и возможность начала военных действий, ещё осенью 1853 года русское командование отправило на Дальний Восток для укрепления Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала Е. В. Путятина фрегаты «Аврора», «Диана» и «Паллада», корвет «Оливуца», шхуну «Восток» и транспорты «Двина» и «Князь Меншиков» [4].

«Аврора» под командованием капитан-лейтенанта Ивана Николаевича Изыльметьева вышла из Кронштадта в августе 1853 года. По пути фрегат остановился только два раза: в Рио-де-Жанейро и в порту Кальяо в Перу, где попал в окружение англо-французской эскадры. Неприятель ждал известия о начале войны, чтобы захватить русский фрегат, но в середине апреля 1854 года «Аврора» смогла вырваться из ловушки: при густом тумане с неё были спущены на воду семь шлюпок, которые отбуксировали корабль в открытое море. Там фрегат поднял паруса и скрылся в океане. Известие о начале войны пришло уже через неделю [1].

Путь «Авроры» до российских берегов был тяжёлым: не хватало пресной воды, две трети экипажа заболели цингой, в том числе и капитан. 19 июня корабль подошёл к Петропавловску. Сын военного губернатора Камчатки В. С. Завойко вспоминал: «Совершенно случайно, в начале июня, зашёл в Петропавловск 44-пушечный фрегат “Аврора”, шедший в Японию на пополнение его эскадры, но зашедший в Петропавловск потому, что между командою его развивалась сильная цинга, и из 350 человек команды до 200 человек были больны. От командира его и офицеров отец узнал, что ожидается разрыв с Францией и Англией» [3, с. 78].

В. С. Завойко попросил И. Н. Изыльметьева остаться в Петропавловске и помочь отразить нападение неприятеля. Часть экипажа «Авроры» была переведена на берег, орудия правого борта были сняты для береговых батарей.

Сам Изыльметьев позже вспоминал, что «случайное явление фрегата “Аврора” в Камчатку послужило для порта с большою пользою — фрегат снабдил Петропавловский порт людьми, пушками и порохом, и в такую минуту, когда помощь и средства были необходимы» [3, с. 203].

Фрегат «Диана» отправился на Дальний Восток немного позже «Авроры» — в октябре 1853 года. Он должен был сменить фрегат «Паллада», который пришёл в негодность, и доставить экспедицию вице-адмирала Е. В. Путятина в Японию для продолжения переговоров[13]. В июле 1854 года «Диана» встретилась с «Палладой» в заливе Де-Кастри. В конце сентября «Диана» отправилась к берегам Японии. В декабре 1854 года в результате землетрясения и цунами фрегат получил серьёзные повреждения, а в начале января 1855 года при попытке отбуксировать его в японский порт затонул.

Что касается фрегата «Паллада», то, придя в мае в Императорскую Гавань, экипаж узнал о требовании морского ведомства об освидетельствовании судна «на предмет его благонадёжности». Освидетельствование показало, что корабль требует капитального ремонта в доке. С конца июня и до начала сентября 1854 года «Палладу» пытались ввести в Амур, чтобы укрыть её от неприятеля, но из-за осадки не смогли этого сделать и вернули в Императорскую Гавань, оставив фрегат в Константиновской бухте на зимовку. Охранявшие его матросы откачивали из трюма воду, зимой обкалывали лёд. Весной 1855 года контр-адмирал В. С. Завойко хотел перевести «Палладу» на буксире в Амурский лиман, но попытка не увенчалась успехом. В ноябре Завойко приказал затопить корабль [5].

Таким образом, в обороне Петропавловска 18–24 августа 1854 года участвовали только фрегат «Аврора» и транспорт «Двина». Вместе с экипажами кораблей гарнизон порта насчитывал 988 человек: 349 человек на кораблях, 368 на батареях и 271 человек в стрелковых партиях. Со стороны неприятеля было шесть кораблей: три фрегата, пароход, корвет и бриг-авизо. На них было примерно 200 орудий, а личный состав насчитывал около 2700 человек, причём 500 из них были специально обученные десантники [6]. Неприятели предприняли две попытки штурма Петропавловска, но, несмотря на значительный перевес сил противника, они завершились провалом.

13 Установить дипломатические отношения с Японией российское правительство решилось в 1852 г. Была снаряжена экспедиция во главе с Путятиным. В путь она отправилась на фрегате «Паллада», но во время путешествия выяснилось, что он непригоден для такого плавания. На смену ему из Петербурга был вызван фрегат «Диана». В 1855 г. Путятин подписал первый договор о дружбе и торговле с Японией.

Список использованных источников

1. *Героическая оборона Петропавловска. — Текст : электронный // Военное обозрение : [сайт]. — Москва, 2014. — URL : https://topwar.ru/56310-geroicheskaya-oborona-petropavlovska.html (дата обращения: 08.02.2024).*
2. *Завойко, Ю. Е. Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854–1855) / Ю. Е. Завойко. — Москва : Унив. тип., 1876. — 64 с.*
3. *На волне памяти. О Петропавловской обороне 1854 г. : сб. воспоминаний, ст., писем и офиц. док. / авт.-сост. Н. С. Киселёва. — Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2010. — 260 с.*
4. *«Неприятель бежал в беспорядке». Дальневосточные сражения Крымской войны. — Текст : электронный // Центр содействия сохранению исторической памяти «Наследие Отечества» : [сайт]. — Москва, 2021. — URL: http://heritagefatherland.ru/novosti/nepriatel-bezal-v-besporadke-dalnevostocnye-srazenia-krymskoj-vojny (дата обращения: 08.02.2024).*
5. *Паллада (фрегат). — Текст : электронный // Википедия : [сайт]. — URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Паллада_(фрегат) (дата обращения: 29.01.2024).*
6. *Петропавловская оборона. — Текст : электронный // Википедия : [сайт]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Петропавловская_оборона (дата обращения: 29.01.2024).*
7. *Сгибнев, А. С. Амурская экспедиция 1854 г. / А. С. Сгибнев // Древняя и новая Россия. — 1878. — № 12. — С. 309–322.*
8. *Синьницкий, А. П. Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России, с 1847–1855 год, извлечённые из дел Владивостокского портового архива / А. П. Сильницкий. — Хабаровск : Тип. Штаба Приамур. воен. округа, 1897. — 134 с.*
9. *Шарыпов, Н. И. Записки командира транспорта «Байкал» (1854–1856 гг.). / Н. И. Шарыпов ; сост. В. М. Латышев, Г. И. Дударец. — Южно-Сахалинск : ГБУК «Сахалинский областной краеведческий музей», 2013. — 108 с.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 09.02.2024.

Сведения об авторе: Воропаева Александра Валерьевна, заведующий отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

Информация для авторов

1. Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикации в научно-практическом рецензируемом периодическом издании «Культура и наука Дальнего Востока» (далее — журнал) отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и проч.

Авторские оригиналы рукописей (материалов), представленных для публикации в журнале, оформляются в соответствии с настоящими правилами. Статьи (материалы), оформленные без учёта данных правил, к публикации не принимаются. Взносы за публикации с авторов не взимаются. Авторское вознаграждение не выплачивается.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

С авторами заключается лицензионный договор на передачу издателю журнала — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека» — следующих прав:

• на обработку формы представления рукописи (материалов) для использования компьютерными программами и системами (базами данных);

• на воспроизведение рукописи (материалов), её публикацию и распространение в Интернете;

• на внедрение в системы поиска (базы данных).

Также авторы предоставляют надлежащим образом оформленную рецензию-рекомендацию.

2. Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии).

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание. К статье должен прилагаться перечень ключевых слов на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

– фамилия, имя, отчество;

– занимаемая в настоящее время должность и место работы;

– учёная степень;

– учёное звание;

– контактный телефон (рабочий, мобильный);

– e-mail.

3. Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

4. Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

• список помещается в конце статьи;

• в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;

• в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;

• далее — остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);

• если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке так же в алфавитном порядке;

• в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];

• нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

Культура и наука Дальнего Востока
Научно-практический журнал
№ 1 (36) / 2024

Учредители:
Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная научная библиотека»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Хабаровский государственный институт культуры»

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «Культура и наука Дальнего Востока» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Выпускающий редактор О. Н. Волкотрубова
Вёрстка Е. Е. Кравцова
Корректоры: Г. И. Казачук, Ю. В. Бровко
Перевод на англ. яз. Н. С. Амплеева

Подготовлено к печати Дальневосточной государственной научной библиотекой.
Адрес редакции: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72.
Тел. (4212) 32-72-20.
E-mail: ivfilat@mail.ru, volkotrubova.olga@yandex.ru

Предпечатная подготовка и печать осуществлены в типографии ООО «Омега-Пресс».
Адрес типографии: 680014, г. Хабаровск, ул. Промышленная, 8б.
Подписано в печать 31.05.2024. Выход в свет 19.06.2024. Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Гарнитура Helios. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19.
Заказ № 600.
Тираж 500 экз.

Цена свободная.